Г. УЭЛЛС

БОРЬБА МИРОВ

ДЕТГИЗ · 1945

Борьба миров (без указания переводчика)

Герберт Джордж Уэллс

Аннотация
Герберт Уэллс. Борьба миров
Книга первая. ПРИБЫТИЕ МАРСИАН
I. Канун войны
II. Падающая звезда
III. На Хорзеллском лугу
IV. Цилиндр развинчивается
V. Тепловой луч
VI. Тепловой луч на Чобхемской дороге
VII. Как я вернулся домой
VIII. В ночь на субботу
IX. Сражение начинается
X. Ночная буря
XI. У окна
XII. Как были разрушены Уэйбридж и Шеппертон
XIII. Как я встретился с викарием
XIV. В Лондоне
XV. Что случилось в Серрее
XVI. Исход из Лондона
XVII. «Сын Грома»

Книга вторая. ЗЕМЛЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МАРСИАН
I. Под пятой
II. Что мы видели из разрушенного дома
III. Дни заточения
IV. Смерть викария
V. Тишина
VI. Что сделали марсиане за две недели
VII. Человек на Петнийском холме
VIII. Мертвый Лондон
IX. Обломки крушения
X. Эпилог
Приложение:
Планета Марс и условия жизни на ней

Аннотация

К концу 19 века большинство астрономов всей Земли склонялись к мнению, что на Марсе могут существовать не более чем примитивные формы жизни. Но, однажды, на Марсе стали происходить яркие вспышки и к Земле устремились потоки огня, которые были не чем иным, как космическими капсулами, нацеленными на территорию Британии. Теперь землянам предстоит на собственной шкуре убедиться в уровне развития марсиан. А Земля может получить незавидный статус колонизированной планеты.

Примечание:

Переводы дореволюционные и советского времени выполнены с большими сокращениями.

Наиболее выверенный и адекватный перевод принадлежит В.Т.Бабенко.

Обложка и форзац Н. Полозова. В издании так же использованы старые иллюстрации

бельгийского художника Альвэм-Коррэа.

Герберт Уэллс
Борьба миров

Герберт Уэллс, современный английский писатель, родился в 1866 году, в Лондоне. Литературную деятельность Уэллс начал как газетный фельетонист и очеркист.

Его первым значительным научно-фантастическим произведением был роман «Машина времени» (1895 год), но мировую известность ему принесли романы: «Человек-невидимка» (1897 год) и «Борьба миров», вышедший в 1898 году.

Уэллс написал также ряд реалистических романов, характеризующих быт современной Англии («Киппс», «Мистер Полли», «Страстная дружба»), но у нас, в СССР, наибольшей известностью пользуются его научно-фантастические произведения: «Остров доктора Моро», «Первые

люди на луне», «Освобожденный мир», «Война в воздухе», «Пища богов».

В настоящем издании нами использованы старые иллюстрации бельгийского художника Альвэм-Коррэа.

Отзывы и пожелания направляйте по адресу: Ленинград, внутри Гостиного Двора, помещение 55, Лендетгиз.

Книга первая
ПРИБЫТИЕ МАРСИАН

I
Канун войны

Кто поверил бы в последние годы XIX столетия, что за жизнью людей зорко и пристально наблюдают разумные существа, своими познаниями и могуществом значительно превосходящие человека, хотя такие же смертные, как он; что людей, поглощенных своими каждодневными интересами, изучают почти так же внимательно, как биолог, вооруженный микроскопом, изучает жизнь крохотных организмов, снующих и размножающихся в капле воды? С бесконечным самодовольством люди копошились на поверхности земного шара, озабоченные своими мелкими делишками и безмятежно уверенные в собственной власти над материей. Весьма возможно, что инфузории под микроскопом тешат себя такими же иллюзиями. Никому не приходило в голову, что какая-либо опасность может грозить человечеству со стороны более старых миров, рассеянных в пространстве. Стоит напомнить здесь некоторые общераспространенные взгляды тех невозвратно минувших дней: в самом

крайнем случае обитатели Земли соглашались допустить, что на Марсе живут какие-то твари, отчасти похожие на людей, но гораздо менее развитые и готовые радостно приветствовать всякую попытку их просветить. А в действительности, через бездну мирового пространства на Землю глядели завистливыми глазами разумные создания, стоящие настолько же выше нас, насколько мы стоим выше бессловесных животных, создания могучие, холодные и бесстрастные, которые медленно, но неуклонно обдумывали свои враждебные нам планы. И вот, в самом начале XX века нашему горделивому самомнению был внезапно нанесен жестокий удар.

Вряд ли нужно напоминать здесь читателю, что Марс отстоит от Солнца в среднем на 228 000 000 километров и потому получает вдвое меньше тепла и света, чем наш земной мир. Если гипотеза о возникновении солнечной системы из большой центральной туманности верна хотя бы отчасти, то Марс гораздо старше Земли, и жизнь должна была возникнуть на его поверхности задолго до того, как наша планета успела выйти из полужидкого состояния. По своей массе он в семь раз меньше Земли, а потому гораздо скорее мог остыть до температуры, допускающей зарож-

дение жизни. На Марсе есть воздух, вода и все другие условия, необходимые для существования органического мира.

Но человек тщеславен, и это ослепляет его. До самого конца XIX века ни один писатель не высказал догадки, что умственное развитие на Марсе ушло далеко вперед и достигло гораздо более высокого уровня, чем на Земле. Никто не понимал и того, что если Марс старше Земли, меньше ее по размерам и беднее теплом и светом, то жизнь на его поверхности не только дальше от своего начала, но и ближе к своему концу.

Излучение тепла в мировое пространство должно когда-нибудь сильно охладить и нашу планету. На Марсе этот процесс ушел, без сомнения, гораздо дальше. Хотя физические условия Марса еще во многом остаются для нас загадкой, мы все-таки знаем, что там даже на экваторе температура в полдень не выше, чем у нас в самую холодную зиму. Атмосфера Марса гораздо более разрежена, чем земная; усыхающие океаны покрывают только треть его поверхности.

В течение долгой зимы около полюсов Марса скопляются огромные снежные массы, которые с наступлением весенней оттепели периодически затопляют умеренные поясы. Последняя стадия

умирания планеты, невообразимо далекая для нас, у обитателей Марса сделалась злободневным вопросом. Под давлением неотложной необходимости их умственные способности изощрились, могущество выросло, сердца окаменели. Вооруженные такими инструментами и знаниями, о которых мы можем только мечтать, они видели в небесной шири, в 60 000 000 километров от себя, по направлению к Солнцу, утреннюю звезду надежды — нашу более теплую планету, зеленоватую от растительности, серую от водных пространств, с туманной атмосферой, красноречиво свидетельствующей о плодородии, с поблескивающими сквозь облачную завесу широкими полосами населенных материков и узкими морями, где сновали суда.

Мы — люди, населяющие Землю, — должны были казаться им такими же чуждыми и жалкими, как нам — обезьяны и лемуры. Рассудком мы понимаем, что жизнь — это непрерывная борьба за существование; очевидно, и в умах марсиан укоренилось то же самое убеждение. Их мир уже начал застывать, а на Земле все еще ключом бьет жизнь. Но, на взгляд марсиан, это жизнь каких-то ничтожных животных. Завоевать новый мир — где-нибудь поближе к Солнцу — в этом

их единственное спасение от гибели, неуклонно надвигающейся с каждым новым поколением.

Прежде чем осуждать их слишком строго, мы должны вспомнить, как беспощадно представители нашей собственной породы истребляли не только животных, вроде ныне исчезнувшего бизона или додо[1], но и целые человеческие расы. Так, например, тасманийцы — бесспорно, такие же люди, как мы, — были вырезаны поголовно в истребительной войне, которую белые колонисты вели против них в течение пятидесяти лет. Неужели мы сами так свято исполняем заповеди милосердия, что имеем право возмущаться жестокостью марсиан?

По-видимому, марсиане рассчитали свой десант с необыкновенной точностью, — их математические познания явно превосходят наши, — и они провели всю подготовительную работу с удивительным единодушием. Если бы наши инструменты были более совершенны, мы могли бы заметить надвигавшуюся беду задолго до конца девятнадцатого столетия. Некоторые ученые, например, Скиапарелли, наблюдали красную планету (разве не странно, кстати сказать, что

---

[1] Примечания: 1

Додо — вымершая птица из семейства дронтов.

в течение многих веков Марс считался звездой войны), но им не удавалось разъяснить происхождение дрожащих световых точек, которые они умели так хорошо наносить на свои карты.

Все это время марсиане, очевидно, готовились к своему предприятию.

Во время противостояния 1894 года на освещенной части диска был виден сильный свет, замеченный сначала Ликк-ской обсерваторией, затем Перротеном в Ницце, а затем и другими наблюдателями. Мы, англичане, впервые прочитали об этом в журнале «Nature» («Природа»), в номере от 2 августа. Я склонен думать, что то был выстрел из громадной пушки, поставленной в глубине шахты на Марсе.

Такие же странные световые вспышки, казавшиеся тогда необъяснимыми, наблюдались на том же самом месте и во время двух последующих противостояний.

Гроза разразилась над нами шесть лет назад. Когда Марс приблизился к противостоянию, Ловелл из своей обсерватории на острове Яве сообщил по телеграфу в Международное астрономическое бюро сенсационную новость о громадном взрыве раскаленных газов на соседней планете. Взрыв произошел около полуночи 12-го числа.

Спектроскоп, которым Ловелл не преминул воспользоваться, обнаружил массу воспламененных газов, главным образом водорода, двигавшуюся к Земле с чудовищной быстротой. Поток огня перестал быть видимым около четверти первого. Ловелл сравнил его со вспышкой раскаленных газов, вырывающихся из дула орудия.

Сравнение было удачное. Однако на следующий день в газетах не появилось никакого сообщения об этом, если не считать небольшой заметки в «Daily Telegraph» («Ежедневный Телеграф»), и мир не был своевременно предупрежден о самой серьезной из всех опасностей, когда-либо грозивших человечеству. Я тоже, вероятно, ничего не узнал бы об извержении на Марсе, если бы случайно не встретился с Оджилви, известным астрономом, проживавшим в Оттершоу. Оджилви был очень взволнован только что полученной новостью и от избытка чувств пригласил меня принять в ту же ночь участие в его наблюдениях над красной планетой.

Астроном Ловелл заметил поток раскаленных газов.

Несмотря на все, что случилось после, я до сих пор вспоминаю наше ночное бдение: темная и

тихая обсерватория; прикрытый фонарь в углу, бросающий слабый свет на пол: равномерное тиканье часового механизма в телескопе; большая щель в потолке — продолговатая бездна, испещренная пылью звезд. Оджилви невидимкой двигался по обсерватории, и только шум шагов указывал на его присутствие. Заглянув в телескоп, можно было увидеть темно-синий круг с маленькой плававшей в нем круглой планетой. Она казалась такой крошечной, такой светлой, такой безобидной и мирной со своими едва заметными поперечными полосами, со слегка сплющенной окружностью. Она была так мала, так серебристо-тепла, эта световая булавочная головка! Казалось, будто она слегка покачивается, но в действительности это вибрировал телескоп от толчков часового механизма, удерживавшего планету в поле зрения.

Наблюдая за звездочкой, я заметил, что она то уменьшается, то увеличивается, то приближается, то удаляется. На самом деле этого, конечно, не было, — обманчивое впечатление вызывалось усталостью глаза. Больше шестидесяти миллионов километров пустого пространства отделяли от нас эту звезду. Немногие могут представить себе всю необъятность пустоты, в которой реют

пылинки материальной вселенной.

Вблизи планеты — я помню — виднелись три маленькие светящиеся точки: три телескопические звезды, бесконечно далекие, а вокруг — неизмеримый мрак пустого пространства. Вы знаете, какой вид имеет эта бездна в морозную звездную ночь. В телескоп она кажется еще глубже. И вот из этой неизмеримой глубины, невидимо для меня, но стремительно и неуклонно, приближаясь на многие тысячи километров с каждой минутой, падало то, что должно было принести на Землю столько борьбы, страдания и смертей.

Конечно, наблюдая планету, я ни о чем таком не догадывался. Да и никому на Земле не могла прийти в голову мысль об этом безошибочно направленном метательном снаряде.

В эту ночь новый поток газа оторвался от далекой планеты. Я сам видел его. Красноватая вспышка появилась на краю диска в тот самый миг, когда хронометр пробил полночь. Я сказал об этом Оджилви, и он занял мое место. Ночь была теплая, и мне захотелось пить. Ощупью, неловко ступая в темноте, я побрел к столику, где стоял сифон с содовой водой, как вдруг Оджилви вскрикнул при виде несущегося к нам воспламе-

ненного газа.

В эту ночь новый невидимый снаряд был пущен с Марса на Землю — ровно через сутки, с точностью до одной секунды, после первого. Помню, я сидел за столом во мраке, и красно-зеленые пятна плавали у меня перед глазами. Хотелось курить, а спичек не было. Я не подозревал ни действительного значения этой мгновенной вспышки, ни того, что за ней последует. Оджилви продолжал свои наблюдения до часу ночи. В час он прекратил их; мы зажгли фонарь и отправились к нему на квартиру. Внизу, в темноте, чернели городки Оттершоу и Чертси, погруженные в мирный сон.

Оджилви в эту ночь разглагольствовал об условиях жизни на Марсе и высмеивал вульгарное мнение, будто обитатели Марса подают нам сигналы. Он полагал, что на планету упал целый град метеоритов, или что там произошло огромное вулканическое извержение. Он доказывал мне, как мало вероятности, чтобы органическое развитие шло тем же самым путем на двух соседних планетах.

— Миллион шансов против одного, что на Марсе нет человекообразных существ, — говорил он.

Сотни наблюдателей видели пламя в эту и в последующую ночь, и так десять ночей подряд,

каждый раз около полуночи. Почему выстрелы прекратились после десятой ночи, этого никто на Земле не пытался объяснить. Быть может, газ, распространявшийся при стрельбе, причинял какие-нибудь неудобства марсианам. Густые клубы дыма или пыли, замеченные в наиболее сильные земные телескопы в виде маленьких, серых, волнообразных пятен, расползались в чистой атмосфере планеты и затемняли ее хорошо знакомые очертания.

Наконец все газеты заговорили об этих странных явлениях. Здесь и там начали печататься популярные статьи о деятельности вулканов на Марсе. Помнится, юмористический журнал «Punch» («Петрушка») очень остроумно воспользовался этим для политической карикатуры. А между тем никому не ведомые снаряды летели с Марса к Земле через пустую бездну пространства, со скоростью многих километров в секунду, приближаясь с каждым днем, с каждым часом. Мне кажется теперь странным, как это люди могли 'волноваться своими мелочными заботами, когда над ними уже нависла гибель. Помню, как ликовал Маркхем, получив новый фотографический снимок планеты для иллюстрированного еженедельника, который он тогда издавал. Люди

нашего времени вряд ли представляют себе, как многочисленны и предприимчивы были газеты в девятнадцатом столетии. Что касается меня самого, то я с величайшим рвением учился ездить на велосипеде и писал ряд статей, обсуждавших вероятное развитие нравственности в связи с прогрессом цивилизации.

Однажды ночью (первый метательный снаряд уже находился тогда в 16 000 000 километров от нас) я вышел с женой погулять. Небо было звездное; я объяснял ей знаки Зодиака и показал Марс — приближавшуюся к зениту яркую точку света, на которую было направлено теперь так много телескопов. Ночь была теплая. Толпа гуляющих из Чертси и Эйльворта, возвращаясь домой, пошла мимо нас с пением и музыкой. В верхних этажах горели огни, и люди ложились спать. С железнодорожной станции издалека доносился

грохот маневрирующих поездов; смягченный расстоянием, он звучал почти как мелодия. Жена предложила мне полюбоваться на красные, зеленые и желтые сигнальные огни, повисшие, как узор, на фоне ночного неба. Все вокруг нас казалось таким спокойным и безопасным.

II
Падающая звезда

Затем наступила ночь первой падающей звезды. Ее заметили на рассвете. В виде огненной полосы пронеслась она над Винчестером очень высоко, с запада на восток. Сотни людей видели ее и приняли за обыкновенный метеорит. По описанию Альбина, она оставляла за собой зеленоватый след, светившийся несколько секунд. Деннинг, наш величайший авторитет в вопросе о метеоритах, утверждает, что падающая звезда стала видимой уже на расстоянии ста пятидесяти километров. Ему показалось, что она упала на Землю приблизительно в полутораста километрах к востоку от того места, где он находился.

Я в этот час был дома и писал у себя в кабинете. Но, хотя мои окна, достигавшие до самого пола, были обращены к Оттершоу и штора была поднята (в те годы я любил смотреть на ночное небо), я ничего не заметил. А между тем странный предмет, самый необычный из всех, когда-либо падавших на Землю из мирового пространства, упал в то время, как я сидел у себя, и я увидел бы

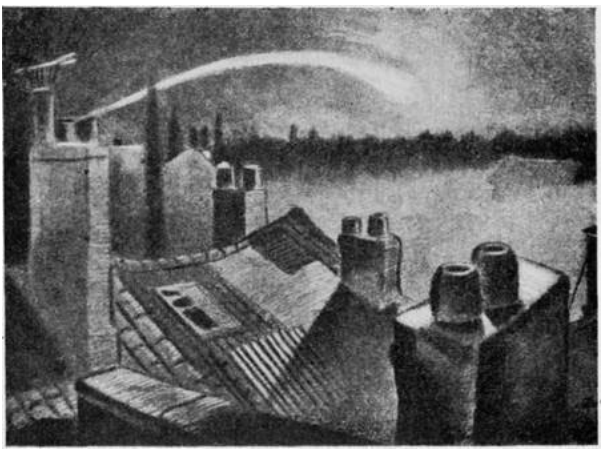
его, если бы только поднял голову. Некоторые, видевшие этот полет, говорят, что он сопровождался свистящим звуком. Но сам я ничего не слышал. Многие жители Беркшайра, Серрея и

Миддльсекса заметили падение снаряда и предположили, что упал новый метеорит. В эту ночь никто, кажется, не потрудился пойти взглянуть на упавшую массу.

Но рано утром бедный Оджилви, тоже видевший падающую звезду и убежденный, что метеорит лежит где-то на лугах между Хорзеллом, Оттершоу и Уокингом, отправился на поиски. Вскоре после рассвета неподалеку от ям, где добывают песок, он нашел громадную воронку, вырытую упавшим телом. Песок и гравий со страшной силой разбросало среди вереска и кустарников, — кучи видны были километра за два. К востоку от этого места вереск воспламенился, и тонкий голубой дымок поднимался навстречу утренней заре.

Само упавшее тело зарылось в песок и лежало среди раскиданных обломков разбитой в щепы сосны. Его верхняя часть, поднимавшаяся над землей, имела вид громадного обгоревшего цилиндра; его поверхность была покрыта толстым чешуйчатым слоем темного нагара. В диаметре

цилиндр достигал метров тридцати пяти, если не больше. Оджилви поспешил к этой массе, пораженный ее объемом и



Высоко в атмосфере показалась огненная полоса.

очертаниями, так как обыкновенно метеориты бывают более или менее правильной шарообразной формы. Но цилиндр так раскалился при полете сквозь атмосферу, что близко подойти к нему было невозможно. Похожий на жужжание шум, слышавшийся внутри цилиндра, Оджилви

приписал неравномерному охлаждению его поверхности. Тогда ему еще не пришло в голову, что цилиндр может быть полым.

Оджилви стоял у края образовавшейся ямы, удивляясь необычной форме и цвету цилиндра, и уже начал смутно догадываться, что падение его отнюдь нельзя считать простой случайностью. Раннее утро было удивительно тихое, солнце, только что осветившее сосны вблизи Уэйбриджа, слегка пригревало. Оджилви не помнил, чтобы он слышал пение птиц в это утро; даже ветерок не шелестел в листве, и только внутри покрытого нагаром цилиндра что-то тихонько копошилось. На лугу не было видно ни души.

Вдруг он с изумлением заметил, что слои нагара, серой коркой покрывавшего метеорит, отваливаются от закругленной верхушки. Они падали на песок, точно хлопья снега или капли дождя. Но вот отвалился большой кусок и так громко ударился оземь, что у Оджилви замерло сердце.

В первую минуту он ничего не мог понять и, не обращая внимания на сильный жар, спустился в яму, к самому цилиндру, чтобы рассмотреть его получше. Он все еще полагал, что это загадочное явление вызывается остыванием метеорита. Но

непонятно было, почему нагар спадает только с одного конца цилиндра.

И тут он увидел, что круглая верхушка начала тихонько вращаться. Она двигалась очень медленно. Оджилви заметил ее перемещение только потому, что черная метка, находившаяся пять минут назад прямо против него, теперь очутилась на противоположной стороне. Все же он не вполне понимал, что такое здесь происходит, пока не услышал глухого, скребущего звука и не увидел, что черная метка продвинулась вперед почти на целый дюйм. Тогда внезапная догадка мелькнула в его уме: цилиндр был искусственный, полый, с отвинчивающейся крышкой. И кто-то отвинчивал ее изнутри.

— Боже мой! — воскликнул Оджилви. — Там сидит человек! Люди, зажаренные до полусмерти! Они пытаются выбраться оттуда…

Вдруг его осенило: падение цилиндра он сопоставил со вспышкой на Марсе.

Так жутко было думать о запертом в раскаленной коробке живом существе, что он, забыв про жар, подошел к цилиндру еще ближе, чтобы помочь отвернуть винт. Но, к счастью, дуновение горячего воздуха остановило его прежде, чем он успел обжечься о раскаленный металл.

Оджилви постоял один миг в нерешительности, потом выкарабкался из ямы и побежал в Уокинг. Было около шести часов утра. Он встретил ломового извозчика и пытался растолковать ему, в чем дело. Но его слова и внешность были так дики, — шляпу он потерял в яме, — что извозчик, не останавливаясь, проехал мимо. Столь же безуспешно обратился он к трактирному слуге, который только что отворил ворота постоялого двора у Хорзеллского моста. Парень вообразил, что имеет дело с сумасшедшим, убежавшим из-под надзора, и хотел заманить его в трактир. Это немного отрезвило Оджилви. Увидев лондонского журналиста Гендерсона, работавшего у себя в садике, он обратился к нему через плетень, стараясь говорить по возможности спокойно.

— Гендерсон, — начал он, — видели вы вчера ночью падающую звезду?

— Ну и что же? — откликнулся Гендерсон.

— Она теперь лежит на Хорзеллском лугу.

— Господи боже! — воскликнул Гендерсон. — Упавший метеорит. Это здорово!

— Нет, это не простой метеорит. Это цилиндр, искусственный цилиндр. И внутри его что-то есть.

Гендерсон выпрямился с лопатой в руке.

— Что такое? — переспросил он; он был глух на одно ухо.

Оджилви рассказал все, что видел. Гендерсон на минуту задумался. Потом бросил лопату, схватил пиджак и вышел на дорогу. Оба поспешно отправились обратно на луг. Цилиндр лежал в том же положении. Но теперь звуки внутри его прекратились, и узкая полоса блестящего металла появилась между крышкой и корпусом цилиндра. Воздух или вырывался наружу, или входил внутрь с тонким шипящим звуком.

Они прислушались, постучали палкой по нагару и не получив ответа, решили, что люди, прилетевшие в цилиндре, потеряли сознание или умерли.

Конечно, вдвоем они ничего не могли сделать. Они крикнули несколько слов ободрения, обещали вернуться и отправились в город за помощью. Обсыпанные песком, возбужденные и растерянные, они бежали по узкой улице в тот ранний час, когда лавочники снимают ставни с витрин, а обыватели раскрывают окна своих спален. Гендерсон прежде всего отправился на железнодорожную станцию, чтобы сообщить новость по телеграфу в Лондон.

Недавние статьи в газетах уже подготовили публику к этому ошеломляющему известию.

Около восьми часов утра толпа мальчишек и всякого праздного люда отправилась на луг поглазеть на «мертвых людей с Марса». Именно в таких словах рассказывалась сперва вся эта история. Я впервые услышал ее от мальчугана-газетчика в начале девятого, когда вышел купить номер «Daily chronicle» («Ежедневной Хроники»). Конечно, я был очень удивлен и немедленно направился через мост в Оттершоу к песочным ямам.

III
На Хорзеллском лугу

Я застал там уже целую толпу, — пожалуй, человек двадцать, собравшихся около огромной воронки, в которой лежал цилиндр. Я уже описывал внешний вид этого колоссального снаряда, до половины зарывшегося в землю. Дерн и гравий вокруг него обуглились, точно от внезапного взрыва. Очевидно, удар вызвал огненную вспышку. Гендерсона и Оджилви там не было. Вероятно, они рассудили, что до поры до времени ничего нельзя сделать, и ушли завтракать на дачу к Гендерсону.

Четыре; или пять мальчиков сидели на краю ямы, болтая ногами. Они забавлялись, бросая камешки в гигантскую массу, пока я не остановил их. Тогда они начали играть в пятнашки, вертясь около взрослых.

Среди зрителей были два велосипедиста, садовник, работавший поденно, — иногда и я нанимал его, — молоденькая женщина с грудным ребенком, мясник Грегг со своим малышом, несколько завзятых бездельников и мальчишек, подающих

мячи при игре в гольф. Такого рода публика обычно шатается вблизи станции. Говорили мало. В Англии того времени простые люди имели очень смутное понятие об астрономии. Большинство спокойно посматривало на плоскую крышку цилиндра, находившуюся в том же положении, в каком ее оставили Оджилви и Гендерсон. Я думаю, что все были разочарованы, найдя неподвижный цилиндр вместо обуглившихся тел. Пока я стоял там, некоторые ушли домой, — вместо них явились другие. Я спустился в яму, и мне показалось, что я слышу слабое движение у себя под ногами. Крышка несомненно перестала вращаться.

Цилиндр имел вид вкопанного в землю старого газометра.

Только приблизившись почти вплотную к цилиндру, я по-настоящему понял, что это за штука. На первый взгляд он напомнил мне опрокинувшийся экипаж или омнибус, упавший на дорогу. Впрочем, это сравнение не совсем точно. Больше всего он походил на ржавый газовый резервуар, до половины закопанный в землю. Необходим был некоторый запас научных сведений, чтобы заметить, что серый нагар на цилиндре был не простой окисью и что желтовато-белый металл,

поблескивавший под крышкой, имел отнюдь не обычную окраску. Слово «не земной» ничего не говорило воображению большинства зрителей.

Я уже не сомневался, что цилиндр прилетел с Марса, но считал невероятным, чтобы в нем могло находиться какое-нибудь живое существо. Я предположил, что развинчивание совершалось автоматически. Несмотря на возражения Оджилви, я все еще продолжал верить, что на Марсе живут люди. Моя фантазия разыгралась: возможно, что внутри цилиндра спрятана какая-нибудь рукопись, — сумеем ли мы ее прочесть и перевести? Найдем ли мы там монеты и медали? И так далее. Впрочем, цилиндр был, пожалуй, слишком велик для этого. Меня разбирало нетерпение увидеть его открытым. Около одиннадцати часов, убедившись, что ничего особенного не происходит, я вернулся к себе домой, в Мейбери. Но мне было трудно вновь приняться за работу, посвященную чисто отвлеченным вопросам.

После полудня вид луга сильно изменился. Ранние выпуски вечерних газет взбудоражили весь Лондон огромными заголовками:

и так далее. Кроме того, телеграмма, которую Оджилви послал в Международное астрономическое бюро, всполошила все обсерватории Соединенного королевства.

На дороге у песочных ям стояло более полудюжины таратаек со станции Уокинг, шарабан из Чобхема и чья-то шикарная коляска. Прикатило множество велосипедистов: несмотря на жаркий день, немало народа пришло пешком из Уокинга и Чертси, так что у песочной ямы собралась довольно внушительная толпа, среди которой я заметил даже изящно одетых дам.

Было очень жарко. На небе ни облачка, внизу — ни малейшего ветерка, и только под редкими соснами можно было найти клочок тени. Вереск уже не горел, но равнина до самого Оттершоу почернела, и над нею еще подымались отвесные струйки дыма. Предприимчивый торговец из бакалейной лавочки на Чобхемской дороге прислал своего сына с ручной тележкой, нагруженной недозрелыми яблоками и имбирным пивом.

Подойдя к краю ямы, я увидел в ней человек шесть, в том числе — Гендерсона, Оджилви и рослого волосатого джентльмена; как я узнал впоследствии, это был Стент, правительственный астроном. Он командовал несколькими рабочими, державшими в руках кирки и лопаты. Стент давал указания отчетливым, резким голосом. Он стоял на цилиндре, который, очевидно, уже остыл. Его лицо было красно, пот катился с него ручьями, и, как видно, он на что-то сердился.

Большая часть цилиндра была откопана, но нижний конец его все еще находился в земле. Оджилви, увидев меня среди собравшейся на краю ямы толпы, окликнул меня по имени и попросил сходить к лорду Хильтону, владельцу этого участка.

Он сказал, что непрестанно увеличивающаяся

толпа и в особенности мальчуганы сильно мешают раскопкам. Необходимо обнести яму хотя бы временной оградой, чтобы оттеснить народ.

Далее Оджилви сообщил мне, что порою внутри цилиндра по-прежнему раздается негромкий шум и что рабочим не удалось отвинтить крышку, так как им не за что схватиться. Стенки цилиндра, видимо, очень толсты, и весьма возможно, что слабые звуки, которые мы слышим, являются лишь заглушенными отголосками весьма энергичной возни.

Я с величайшей готовностью согласился исполнить просьбу Оджилви, так как рассчитывал попасть в число привилегированных зрителей после того, как будет поставлена ограда. Я не

застал лорда Хильтона, но мне сказали, что его ждут из Лондона с поездом, прибывающим с Ватерлооского вокзала в шесть часов. Часы показывали только четверть шестого. Поэтому я зашел к себе домой, выпил чаю и затем снова отправился на станцию, надеясь перехватить Хильтона по дороге.

IV
Цилиндр развинчивается

Когда я вернулся на луг, солнце уже садилось. Разрозненные кучки любопытных спешили из Уокинга; кое-кто возвращался обратно. Толпа вокруг ямы все росла и чернела на лимонно-желтом фоне неба: собралось не менее двухсот человек. Слышался гул голосов, и казалось, что у ямы происходит какая-то борьба. Самые причудливые догадки приходили мне на ум. Приблизившись, я услышал голос Стента:

— Назад, осади назад!

Пробежал какой-то мальчуган.

— Оно движется! — кричал он. — Все развинчивается и развинчивается! Мне это не нравится. Пойду-ка я лучше домой.

Я приблизился к толпе. Здесь, действительно, собралось от двухсот до трехсот человек, работавших локтями и напиравших друг на друга. Две или три дамы не отставали в этом занятии от мужчин.

— Он упал в яму! — крикнул кто-то.

— Назад, назад! — твердили голоса.

Толпа немного отступила, и я протолкался вперед. Все были сильно возбуждены. Я услышал своеобразный жужжащий звук, доносившийся из ямы.

— Да осадите же, наконец, этих идиотов! — сказал Оджилви. — Ведь мы не знаем, что прячется в этой проклятой штуке.

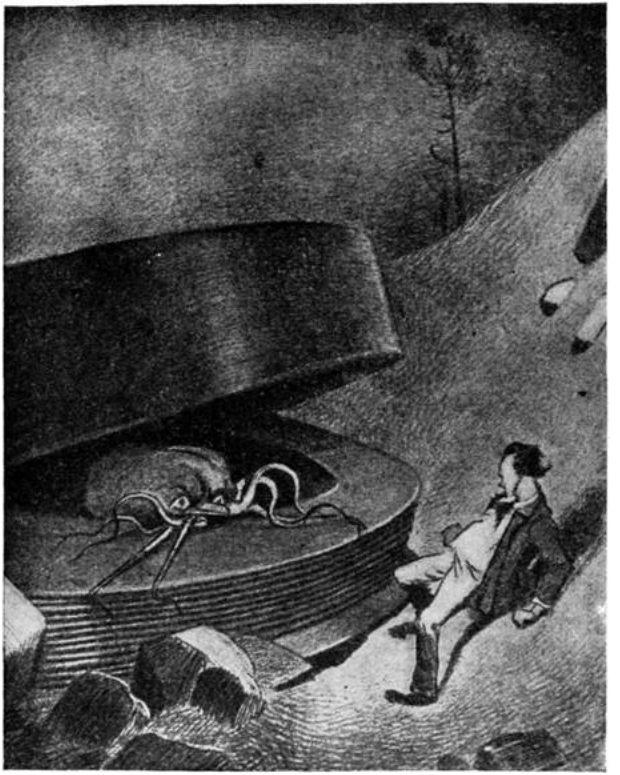
Я увидел молодого человека, — если не ошибаюсь, это был приказчик из Уокинга, — который стоял на цилиндре и пытался выкарабкаться из ямы, куда его столкнула толпа.

Верхнюю часть цилиндра отвинчивали изнутри. Уже обнажилось не менее двух футов блестящей винтовой нарезки. Кто-то пихнул меня сзади, и я едва не свалился на крышку цилиндра. Я обернулся; пока я смотрел в другую сторону, винт, должно быть, вывинтился весь до конца, и крышка со звоном упала на песок. Я ударил локтем стоявшего позади меня человека и снова повернулся к цилиндру. Один миг круглое пустое отверстие казалось совершенно черным. Солнце било мне прямо в глаза.

Все ожидали, что изнутри покажется человек, быть может, не совсем похожий на нас, земных людей, но все-таки человек. Я, по крайней мере, ждал этого. Но, взглянув, увидел что-то копо-

шившееся в темноте, сероватое, волнообразное, движущееся; два диска блеснули вместо глаз. Потом что-то похожее на маленькую серую змею, толщиной в трость, отделилось от шевелящейся кучи и, извиваясь кольцами, стало двигаться прямо ко мне.

Меня охватила внезапная дрожь. Позади меня раздался громкий женский крик. Я обернулся, не спуская, впрочем, глаз с цилиндра, откуда выползли новые щупальца, и старался отдалиться от края ямы. На лицах окружающих недоумение сменилось ужасом. Со всех сторон доносились нечленораздельные вопли. Толпа шарахнулась. Приказчик все еще не мог выкарабкаться из ямы. Я остался один и видел, как на той стороне ямы убегали люди, в том числе Стент. Я снова взглянул на цилиндр, и неизъяснимый ужас охватил меня. Остолбенев на месте, я стоял и смотрел.



Огромная сероватая круглая туша медленно выбиралась из цилиндра.

Большая сероватая круглая туша, величиной, пожалуй, с медведя, медленно и трудно вылезала из цилиндра. Когда она очутилась на свету, то заблестела, как мокрая кожа. Два большие темные глаза пристально глядели на меня. У чудовища было круглое тело или, точнее говоря, лицо. Под глазами находился рот, края которого пыхтели и дрожали, источая слюну. Тело судорожно дышало и пульсировало. Один мягкий придаток, вроде щупальца, ухватился за край цилиндра, другой — описывал круги в воздухе.

Тот, кто никогда не видел живых марсиан, вряд ли может представить себе все причудливое безобразие их внешнего облика. Своеобразной формы рот в виде римской цифры V, с заостренной

верхней губой, полное отсутствие надбровных дуг и подбородка под клинообразной нижней губой, непрерывное дрожание рта, щупальца, как у спрута, шумное дыхание в непривычной атмосфере, неповоротливость и затрудненность движений — результат большей силы притяжения Земли, и главное — необычайно пристальный взгляд огромных глаз, — все это, взятое вместе, вызывало ощущение, близкое к тошноте. Темно-коричневатая маслянистая кожа этих существ напоминала губчатые наросты на древесной коре. В неуклюжей обдуманности медлительных движений было что-то неизъяснимо страшное. При первой же встрече, с первого взгляда, я был охвачен отвращением и ужасом.

Вдруг чудовище исчезло. Оно перевалилось через край цилиндра и упало в яму, шлепнувшись точно большой кожаный тюк. Я слышал, как оно издало какой-то особый, неясный крик, и вслед за первым из этих существ в сумраке отверстия показалось второе. Тут вызванное ужасом оцепенение вдруг покинуло меня. Я повернулся и побежал изо всех сил к деревьям, находившимся метров за сто от цилиндра; я бежал вкось и спотыкался, потому что не мог отвести взгляда от ямы.

Я остановился, задыхаясь, среди молодых сосен

и кустов дрока и стал ждать, что будет дальше. Весь луг вокруг песочных ям был усеян людьми, которые с таким же любопытством и страхом смотрели на чудовищ или, вернее, на кучи гравия, за которыми скрывались чудовища. И вдруг я с ужасом заметил что-то круглое и темное, высовывающееся из ямы. Это была голова свалившегося приказчика, казавшаяся совсем черной на ярком фоне заката. Уже обрисовались его плечи и бедра, но затем он снова соскользнул вниз; одна только голова осталась на виду. Потом он совсем скрылся, и мне послышался его слабый крик. В первый миг я хотел вернуться и помочь ему, но чувство страха взяло верх.

Больше я ничего не видел: вся внутренность ямы была скрыта кучами песка, нагроможденны-

ми упавшим цилиндром. Прохожий, идущий по дороге из Чобхема или Уокинга, мог бы подивиться следующему необычайному зрелищу: целая сотня людей рассыпалась по канавам, за кустами, за воротами и изгородями, обменивалась отрывочными восклицаниями и пристально смотрела на песчаные кучи. Бочонок с имбирным пивом, покинутый на произвол судьбы, чернел на фоне сияющего неба, а у песочных ям стояли пустые экипажи; лошади ели овес из торб или рыли копытами землю.

V
Тепловой луч

Внешний вид марсиан, выползавших из цилиндра, в котором они прилетели на Землю со своей планеты, казалось, парализовал мои движения. Я долго стоял по колено в вереске и смотрел на песчаную насыпь, скрывавшую ужасных пришельцев. В моей душе страх боролся с любопытством.

Я не решался снова приблизиться к яме, хотя мне очень хотелось заглянуть туда. Поэтому я начал кружить, отыскивая более удобный наблюдательный пункт и ни на минуту не спуская глаз с песочных ям, где засели гости с другой планеты. Один раз в блеске заката показались три каких-то черных конечности, вроде щупальцев восьминога, и тотчас же спрятались. Потом поднялась тонкая составная мачта, увенчанная сверху медленно вращавшимся диском.

Что это они затевают?

Большинство зрителей разбилось на две группы — одна из них, поменьше, отступила к Уокингу, другая, побольше, — к Чобхему. Очевидно, эти

люди переживали ту же внутреннюю борьбу, что и я. Невдалеке от меня стояло несколько человек. Я подошел к одному из них, — это был мой сосед по даче, хоть я и не знал его имени, — и заговорил с ним. Впрочем, теперь было не до церемоний.

— Какие отвратительные гады, — сказал он, — боже, что за гады! — он повторил это несколько раз.

— Видели вы человека в яме? — спросил я.

Но он ничего не ответил. Мы молча стояли рядом и смотрели, чувствуя себя вдвоем в большей безопасности. Потом я перенес свой наблюдательный пункт на бугор, высотою в один метр или около того.

Оглянувшись, я увидел, что мой сосед идет по направлению к Уокингу.

Сумерки уже сменили закат, а ничего нового не произошло. Толпа, стоявшая налево, ближе к Уокингу, казалось, увеличилась, и я слышал ее неясный гул. Кучка людей на Чобхемской дороге рассеялась. В яме не было заметно никакого движения.

Все это приободрило толпу. Кроме того, я полагаю, что люди, только что пришедшие из Уокинга, своим примером увлекли за собою остальных. В сумерках на песчаных буграх началось мед-

ленное, непрерывное движение. А безмятежная вечерняя тишина вокруг цилиндра не нарушалась ничем.

Черные вертикальные фигуры, по-двое и по-трое, двигались, останавливались, прислушивались и снова шагали, растягиваясь узким неправильным полумесяцем, рога которого понемногу охватывали яму. Я тоже начал продвигаться вперед.

Потом я увидел, как некоторые извозчики и еще кое-кто смело подошли к яме, и услышал стук копыт и тарахтенье колес. Мальчик покатил тележку с яблоками. И затем метрах в тридцати от ямы я заметил черную кучку людей, идущих со стороны Хорзелла. Впереди кто-то нес развевающийся белый флаг.

Это была делегация. Наскоро посовещавшись, решили, что марсиане, несмотря на свою безобразную внешность, очевидно, разумные существа, а потому надо показать им, что и мы тоже одарены разумом.

Развевавшийся по ветру флаг склонился сперва вправо, потом влево. Я стоял слишком далеко, чтобы разглядеть кого-либо, но после узнал, что Оджилви, Стент и Гендерсон вместе с другими принимали участие в попытке завязать сношения с марсианами. Эта небольшая группа, подвигаясь вперед, так сказать, стягивала вокруг себя кольцом расположившийся народ, и много сливавшихся с полумраком черных фигур следовало за ней на почтительном расстоянии.

Вдруг вспыхнул яркий свет, и блестящий зеленоватый дым вырвался из ямы тремя клубами, поднявшимися один за другим прямо к небу в неподвижном воздухе.

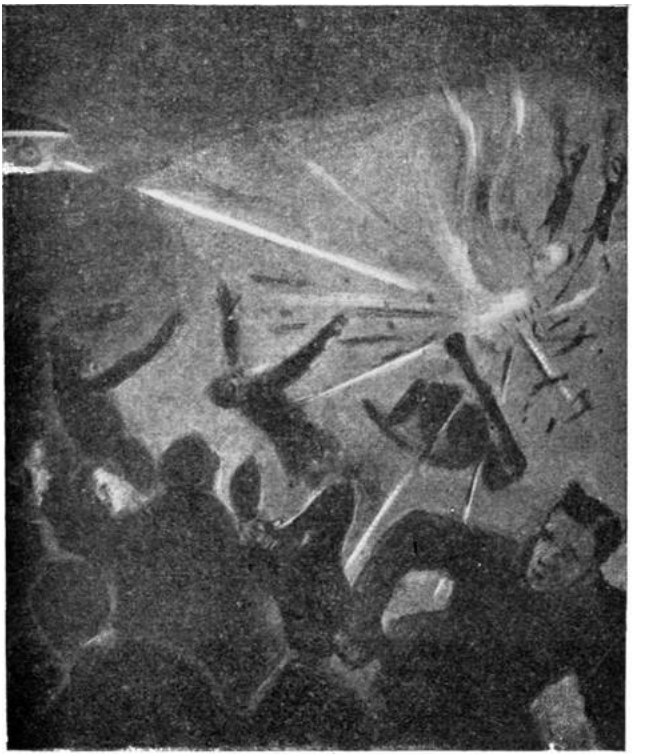
Этот дым (слово «пламя», пожалуй, было бы здесь более уместно) светил так ярко, что темно-синее небо и бурая, простиравшаяся до самого Чертси равнина с торчащими кое-где соснами вдруг показались совсем черными. В то же время раздался какой-то слабый, шипящий звук.

По ту сторону ямы стояла кучка людей с белым флагом, живая изгородь вертикальных темных теней над черной землей, оцепеневшая на месте при виде этого странного явления. Когда поднялся зеленый дым, из тьмы выступили на миг их бледно-зеленые лица и затем тотчас же снова исчезли.

Шипение постепенно перешло в жужжание, потом в непрерывное, громкое гудение. Из ямы вытянулась горбатая тень, и от нее брызнул тонкий луч света.

Тотчас же ослепительные огни пробежали по рассеянным кучкам зрителей, перепрыгивая от одного к другому. Словно невидимая струя ударила в них и тотчас же вспыхнула белым пламенем. Внезапно и мгновенно каждый человек превра-

тился в огненный столп.



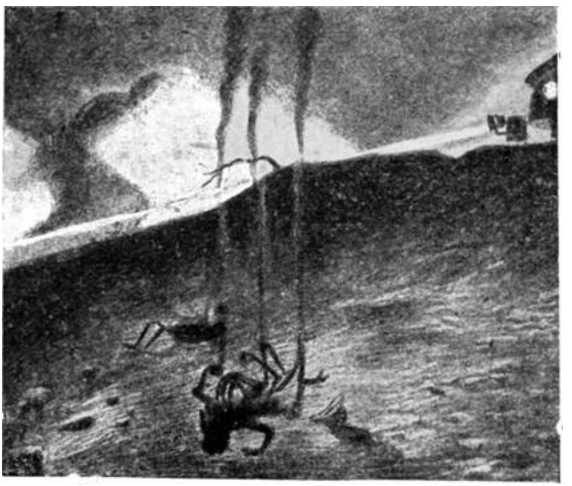
Одни падали, мгновенно воспламеняясь, другие бежали в разных направлениях.

И при свете этого смертоносного пламени я увидел, как одни шатались и падали, а другие разбегались в разные стороны.

Я стоял и смотрел, еще не вполне сознавая, что это смерть перебегает по толпе от человека к человеку. Я понял только, что случилось нечто очень странное. Почти бесшумная и ослепительная вспышка света, и человек падает ничком и лежит неподвижно. От невидимого жара загорались сосны, а сухой вереск вспыхивал ярким пламенем. Даже вдалеке, у Непхилла, осветились деревья, заборы, деревянные постройки.

Эта огненная смерть, этот невидимый пылающий меч наносил мгновенные, неотвратимые удары. Я заметил, что луч приближается ко мне, так как по соседству со мной запылал кустарник, до которого он коснулся, но я был слишком поражен и ошеломлен, чтобы спасаться бегством. Я услышал треск огня в песочных ямах и внезапно оборвавшееся ржание лошади. Как будто чья-то невидимая, но пышащая жаром рука протянулась по лугу между мной и марсианами, и далеко вокруг песочных ям темная земля дымилась и

трескалась. Что-то с грохотом упало слева — там, где к лугу подходит дорога, ведущая на станцию. Шипение и гудение прекратились; черный куполообразный предмет медленно опустился в яму и исчез из вида.



Огненный меч марсиан медленно обходил вокруг ямы.

Все это произошло так быстро, что я все еще стоял неподвижно, пораженный и ослепленный блеском огня. Если бы смерть описала полный

круг, она неизбежно испепелила бы и меня. Но она скользнула мимо и пощадила меня, сделав окружающую тьму еще более жуткой и мрачной. Холмистый луг погрузился в кромешный мрак; только полоска шоссе серела под темно-голубым небом ранней ночи. Люди как будто исчезли в темноте. Вверху мерцали звезды, а на западе светилась бледно-зеленая полоса. На ней четко выделялись вершины сосен и крыши Хорзелла. Марсиане и их орудия были невидимы, лишь на тонкой мачте беспрерывно вращалось зеркало. Кустарники и стоявшие особняком деревья дымились и горели, а дома близ станции Уокинг окрашивали заревом пожара тихие сумерки.

Ничто не изменилось, если не считать этой грозной неожиданности! Кучка людей с белым флагом была уничтожена, а вечерняя тишина казалась по-прежнему безмятежной.

Потом я вспомнил, что стою здесь, на темном лугу, один, беспомощный, беззащитный. И страх обрушился на меня, словно какое-то тяжелое тело.

С усилием я повернулся и спотыкаясь побежал через кустарники.

Страх, который я испытывал, не был разумным страхом перед опасностью: это был панический ужас не только перед марсианами, но и перед окружающим мраком и тишиной. Я потерял всякое мужество и бежал, всхлипывая, как ребенок. Один раз я обернулся, но не смел остановиться.

Помню, у меня было такое чувство, словно мной кто-то играет, и что вот теперь, когда я уже почти в безопасности, вдруг таинственная смерть, мгновенная, как вспышка огня, вырвется из ямы и уничтожит меня на месте.

VI
Тепловой луч на Чобхемской дороге

До сих пор остается загадкой, каким образом марсиане могли умерщвлять людей так быстро и так бесшумно. Многие полагают, что им известен был способ концентрировать интенсивные тепловые лучи в совершенно непроницаемой для тепла камере. Эту конденсированную теплоту они направляли параллельными лучами на свои жертвы, пользуясь для этой цели полированным параболическим зеркалом, изготовленным из неведомого нам вещества. Примерно так параболическое зеркало маяка отбрасывает снопы света. Но никому не удалось выяснить эти подробности. Несомненно одно: здесь действовали тепловые лучи. Тепло, невидимое тепло, вместо видимого света. Все, что только могло гореть, превращалось в языки пламени от его прикосновения. Свинец растекался, как вода. Лучи размягчали железо и расплавляли стекло. А когда они падали на воду, она немедленно обращалась в пар.

В эту ночь человек сорок лежало под звездами вокруг ямы, обугленные и обезображенные

до неузнаваемости, — и всю ночь луга между Хорзеллом и Мейбери были безлюдны и пылали заревом.

В Чобхеме, Уокинге и Оттершоу, вероятно, в тот же вечер узнали об этой бойне. Все это случилось тогда, когда лавки в Уокинге уже закрылись, а кучки народа, — торговцы и просто обыватели, — взволнованные распространившимися с утра слухами о марсианах, слонялись по Хорзеллскому мосту и между изгородями по ведущей на луг дороге. Молодежь, вернувшись с дневной работы, конечно, увидела во всем этом происшествии удобный повод для прогулки и флирта.

Вы можете себе представить, как гудели голоса на темной дороге.

До сих пор в Уокинге лишь немногим было известно, что цилиндр открылся, хотя несчастный Гендерсон послал велосипедиста в почтовую контору со специальной телеграммой для вечерней газеты.

Когда гуляющие по-двое и по-трое выходили на открытое место, они замечали кучки людей, которые возбужденно спорили и смотрели на вращающееся зеркало над песочными ямами; их волнение сообщалось и вновь пришедшим.

Около половины девятого, когда делегация бы-

ла уже обращена в пепел, здесь собралась толпа человек в триста или даже больше, не считая тех, которые свернули с дороги, чтобы подойти поближе к марсианам. Среди них находились три полицейских (один конный), которые старались, следуя указаниям Стента, оттеснить толпу и не допустить ее к цилиндру. Не обошлось, конечно, и без тех озорников, которые по всякому случаю рады пошуметь и позабавиться.

Как только марсиане показались из своего цилиндра, Стент и Оджилви, предвидя возможность столкновения, телеграфировали из Хорзелла в казармы и просили прислать роту солдат, чтобы оградить эти странные существа от насилий толпы. После этого оба астронома вернулись к яме и стали во главе злополучной делегации. Рассказы об их гибели довольно близко совпадают с моим собственным впечатлением: три клуба зеленого дыма, глухое жужжанье и языки пламени.

Луч зажигал верхние этажи зданий.

Толпе, однако, было труднее бежать, чем мне. Этих людей спас только песчаный вересковый холм, задержавший часть тепловых лучей. Если бы параболическое зеркало поднялось на несколько метров выше, не уцелел бы ни один из очевидцев события. Беглецы видели, как вспыхи-

вал огонь, как падали люди, как незримая длань, поджигавшая кустарники, быстро приближалась к ним в полумраке. Со свистом, заглушавшим гул, раздававшийся в яме, поднялся луч и мелькнул над ними; он опалил вершины буков, окаймляющих дорогу, раскалывал кирпичи, разбивал вдребезги стекла, воспламенял оконные рамы и разрушил часть крыши одного из угловых домов.

При треске и зареве пылавших деревьев охваченная паническим ужасом толпа несколько секунд колебалась.

Искры и горящие сучья начали падать на дорогу, кружились огненные листья, загорались шляпы и платья. С луга доносились вопли.

Все голосили и причитали. Конный полицейский, схватившись руками за голову, с криком поскакал среди общего смятения.

— Они идут! — завизжала какая-то женщина.

Тотчас же все повернулись и, расталкивая стоявших позади, стали прокладывать себе дорогу к Уокингу. Все разбегались вслепую, как стадо баранов. Там, где дорога становится уже и темнее, между высокими изгородями, толпа сгустилась, и началась отчаянная давка. Не обошлось, конечно, без жертв: две женщины и маленький мальчик

были раздавлены и затоптаны. Их оставили умирать среди ужаса и мрака.

VII
Как я вернулся домой

Что касается меня, то я помню лишь, что ушибался о деревья и спотыкался в кустарнике. Надо мной навис невидимый марсианский ужас. Этот безжалостный тепловой меч, казалось, вздымался, сверкая, над моей головой, прежде чем обрушиться и уничтожить меня. Я выбрался на шоссе между переездом через железнодорожное полотно и Хорзеллом и побежал к переезду.

Вскоре я обессилел от волнения и быстрого бега, зашатался и упал возле железной дороги, невдалеке от моста через канал у газового завода. Я упал и лежал неподвижно.

Пролежал я так, должно быть, немало.

Потом приподнялся и сел в полном недоумении. В первую минуту я не мог сообразить, как я сюда попал. Недавний ужас как бы свалился с меня, словно одежда. Несколько минут назад для меня существовали только три реальные вещи: безмерность ночи и мирового пространства, мое собственное бессилие и страх и, наконец, близость неминуемой смерти. Теперь все как будто переменилось, и мое настроение вдруг улучшилось. Переход этот совершился незаметно. Я стал снова самим собой, таким, каким я бываю каждый день, — обыкновенным скромным гражданином. Безмолвное поле, мое бегство, грозное летучее пламя казались теперь только сном.

Неужели все это совершилось на самом деле? Я отказывался этому поверить.

Я встал и нетвердыми шагами начал взбираться по крутому мосту. Голова моя работала плохо. Мои мускулы и нервы, казалось, потеряли всякую упругость.

Над аркой моста обрисовалась чья-то голова, и показался рабочий с корзиной за плечами. С ним рядом бежал маленький мальчик. Рабочий прошел мимо, пожелав мне доброй ночи. Я хотел заговорить с ним и не мог. Лишь бессвязным бормотаньем ответил я на его приветствие и пошел

дальше через мост.

По Мейберийскому виадуку, направляясь на юг, пронесся поезд — волнистая полоса белого огненного дыма и длинная гусеница светлых окон — тук-тук… тук-тук… и исчез. Кучка людей беседовала у ворот одного из домов, составлявших так называемую «Восточную террасу». Все это было так реально, так знакомо. А те там, в поле! Это было так невероятно, фантастично. «Нет, — подумал я, — это все какое-то наваждение».

Вероятно, я человек своеобразного душевного склада. Не знаю, совпадают ли мои ощущения с ощущениями других людей. Иногда я страдаю от странного чувства разобщенности с самим собою и окружающим миром. Я как-то извне наблюдаю за всем совершающимся: гляжу на него откуда-то издалека, вне времени, вне пространства, вне житейской борьбы, вне ее трагедий. Подобное ощущение было очень сильно во мне в ту ночь.

Но в то же время меня смущало явное противоречие такой ясности духа с ужасными картинами, которые я видел так недалеко, в каких-нибудь трех километрах, — там, где витала молниеносная смерть. Газовый завод шумно работал, и все электрические лампы горели. Я остановился возле беседующих.

— Какие новости с лугов? — спросил я.

У ворот стояли двое мужчин и одна женщина.

— Что? — переспросил один из мужчин, оборачиваясь.

— Какие новости с лугов? — повторил я.

— Да вы сами разве не оттуда? — спросили они.

— Народ, кажется, совсем одурел из-за этих лугов, — сказала женщина, глядя поверх калитки.

— Что такое там делается?

— Вы разве не слышали о людях с Марса? — сказал я. — О живых существах с Марса?

— Довольно, хватит с нас, — ответила женщина из-за калитки. — Спасибо!

И все трое засмеялись.

Я оказался в глупом положении. Раздосадованный, я попытался рассказать им о том, что я видел, но у меня ничего не вышло. Они только еще раз посмеялись над обрывками моих фраз.

— Вы еще услышите об этом! — крикнул я и пошел домой.

Я испугал жену своим видом. Прошел в столовую, сел, выпил немного вина и, собравшись с мыслями, сообщил ей обо всем, что случилось. Был подан обед — уже холодный, — но мы не притронулись к нему, пока я не досказал до конца

свою историю.

— Только одно хорошо, — заметил я, чтобы успокоить перепуганную жену. — Это самые неповоротливые существа из всех, которых я когда-либо видел. Они могут ползать в яме и убивать людей, которые подойдут к ним близко, но они не в силах оттуда выбраться. Но как они ужасны!

— Не говори об этом, милый! — воскликнула жена, хмуря брови и кладя свою руку на мою.

— Бедный Оджилви, — сказал я. — Подумать только, что он лежит там мертвый!

Я заметил, как моя жена побледнела, и замолчал.

— Они могут добраться сюда, — твердила она.

Я заставил ее выпить вина и постарался успокоить ее.

— Они едва в состоянии двигаться, — сказал я.

Я начал утешать и её и себя, повторяя рассуждения Оджилви о том, что марсиане никогда не смогут приспособиться к земным условиям. Особенно напирал я на силу тяготения. На поверхности Земли сила тяготения втрое больше, чем на поверхности Марса. Поэтому всякий марсианин будет весить на Земле в три раза больше, чем на Марсе, между тем как его мускульная сила

не увеличится. Его тело точно нальется свинцом. Таково было общее мнение. И «Times» («Время») и «Daily Telegraph» («Ежедневный телеграф»), например, писали об этом на следующее утро. Но, подобно мне, обе газеты упустили из виду два другие существенные обстоятельства.

Атмосфера Земли, как мы теперь знаем, содержит гораздо больше кислорода и гораздо меньше азота, чем атмосфера Марса. Живительное действие этого избытка кислорода позволяло марсианам преодолевать непривычно мощную силу земного тяготения. Кроме того, мы позабыли, что при своей высокоразвитой технике марсиане могли обходиться и без мускульных усилий. Но я не учел этих двух обстоятельств, и потому все мои выводы оказались ложными. Под влиянием вина и еды, чувствуя себя в безопасности за своим столом и успокаивая жену, я и сам понемногу ободрился.

— Они совершили величайшую глупость, — сказал я, щелкая ногтем по стакану. — Они опасны, потому что обезумели от ужаса. Может быть, они совсем не ожидали найти здесь живые существа, особенно разумные живые существа. Но на худой конец одна граната, пущенная в яму, перебьет их всех.

Сильное нервное возбуждение после пережитых событий, несомненно, изощрило мою восприимчивость. Я и теперь необычайно ясно помню этот обед. Нежное и встревоженное лицо моей милой жены, обращенное ко мне под розовым абажуром лампы, белая скатерть с серебром и хрусталем, — в те дни даже писатели-философы могли позволить себе эту маленькую роскошь, — темно-красное вино в стакане — все это запечатлелось у меня в мозгу. В конце стола сидел я сам.

Так какой-нибудь солидный додо на острове Св. Маврикия, чувствуя себя полным хозяином своего гнезда, мог бы обсуждать вопрос о прибытии безжалостных моряков, изголодавшихся по мясной пище.

— Завтра мы с ними разделаемся, моя милая.

Я не знал тогда, как много необычайных и страшных дней должно пройти, прежде чем я снова буду обедать, как подобает цивилизованному человеку.

VIII
В ночь на субботу

Среди всех странных и поразительных вещей, совершившихся в эту ночь, всего удивительнее кажется мне необычайная устойчивость повседневных общественных навыков: начало событий, которые должны были ниспровергнуть весь наш социальный строй, никак не отразилось на обычном укладе жизни. Если бы в пятницу ночью вы взяли циркуль и описали круг радиусом в восемь километров около Уокингских песочных ям, то, — не считая родственников Стента и трех-четырех лондонских велосипедистов, которые лежали мертвыми на лугу, — вы вряд ли нашли бы за пределами этого круга хоть одного человека, чьи чувства и привычки были затронуты появлением марсиан. Конечно, очень многие слышали о цилиндре и толковали о нем на досуге. Но, бесспорно, это событие не вызвало такой сенсации, какую, например, вызвал бы ультиматум, предъявленный Германии от имени британского правительства.

Полученную ночью депешу бедного Гендерсо-

на сочли в Лондоне за простую утку. Вечерняя газета, в которой он сотрудничал, запросила по телеграфу подтверждения и, не дождавшись ответа, так как Гендерсон был уже убит, решила не печатать экстренного выпуска.

Внутри нашего восьмикилометрового круга большинство населения тоже ровно ничего не предпринимало. Я уже рассказывал, как вели себя мужчины и женщины, с которыми мне приходилось говорить. Во всем околодке обыватели мирно обедали и ужинали, отдыхали в садиках после дневного труда, укладывали спать детей, молодежь слонялась по переулкам и флиртовала; ученые сидели за своими книгами.

Может быть, на улицах и толковали о случившемся; может быть, в трактирах появилась новая тема для разговоров. Кое-где мчавшийся с новостями посыльный или случайный очевидец событий вызывали своими рассказами волнение, суматоху, крик, но в большинстве случаев жизнь продолжала идти по заведенному с незапамятных времен порядку: работа, еда, питье, сон — все чередовалось как всегда, словно никакого Марса вовсе не бывало на небе.

То же самое наблюдалось даже в Уокинге, Хорзелле и Чобхеме.

На узловой станции Уокинг до поздней ночи поезда останавливались и уходили или переводились на запасные пути; пассажиры толпились и ожидали. Мальчик, прибежавший из города, нарушая монополию Смита,[2] продавал вечерние газеты. Звонки и шум на платформе и резкие свистки паровозов заглушали его выкрики о «людях с Марса». Около девяти часов на станцию стали прибывать взволнованные очевидцы с невероятными известиями, но привлекли к себе не больше внимания, чем какие-нибудь пьяные буяны. Пассажиры, ехавшие в Лондон, смотрели в темноту из вагонных окон и видели только редкие взлетающие искры около Хорзелла, красный отблеск и тонкую пелену дыма, застилавшую звезды, и думали, что это горит вереск. Только у самых лугов заметно было некоторое смятение; на окраине Уокинга запылало несколько дач. В трех соседних селениях окна домов, обращенные к лугам, были освещены, и жители не ложились спать до рассвета.

Любопытные все еще толпились на Чобхемском и Хорзеллском мостах. Один или двое

---

[2] Примечания: 2

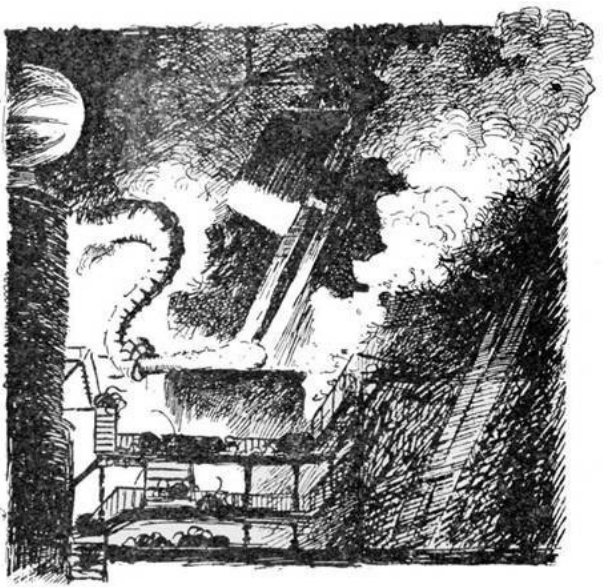
Акционерному обществу «Смит и KR» принадлежит в Англии монопольное право продажи газет и журналов на станциях и в поездах железных дорог.

смельчаков, как потом выяснилось, отважились в темноте подползти совсем близко к марсианам. Назад они не вернулись. Светлый луч, похожий на прожектор военного корабля, скользил по лугу, а вслед за ним проносился тепловой луч. Обширный луг был тих и пустынен, и обугленные тела валялись неубранные всю ночь и весь следующий день. Многие слышали стук молотков, доносившийся из ямы.

Таково было положение дел в пятницу ночью. В шкуру нашей старой планеты, как отравленная стрела, вонзился цилиндр. Но яд еще только начинал оказывать свое действие. Кругом расстилались дымившиеся кое-где луга с разбросанными на них черными, едва заметными скорченными трупами. Здесь и там горели деревья и кустарники. Далее простиралась зона смятения, но за эту черту пожар еще не распространился. В остальном мире поток жизни катился так же, как и прежде, с незапамятных времен. Лихорадка войны, которая должна была закупорить вены и артерии, умертвить нервы и разрушить мозг, едва успела начаться.

Всю ночь марсиане возились и склепывали какие-то машины: порою вспышки зеленовато-белого дыма поднимались спиралью к звездному

небу.



Около одиннадцати часов вечера через Хорзелл прошла рота солдат и оцепила луг. Позднее через Чобхем прошла вторая рота и оцепила луга с севера. Несколько офицеров из Инкерманских казарм на рассвете отправились осматривать луга, и один из них, майор Иден, пропал без ве-

сти. Полковой командир появился у Чобхемского моста и расспрашивал толпу. Военные власти, очевидно, поняли серьезность положения. На следующее утро, часов в одиннадцать, газеты уже сообщили, что эскадрон гусар, два пулемета и четыреста человек Кардиганского пехотного полка выступили из Олдершота.

Спустя несколько секунд после полуночи толпа, стоявшая на Чертсийской дороге, близ Уокинга, видела звезду, упавшую в сосновый лес на северо-западе. При падении она дала зеленоватую вспышку, похожую на зарницу. Это был второй цилиндр.

IX
Сражение начинается

Суббота запечатлелась в моей памяти, как день томительного ожидания. Вдобавок, то был день жаркий, душный, отмеченный, как мне говорили, резкими колебаниями барометра. Жене моей удалось довольно скоро заснуть, но я спал очень мало и встал рано. Перед завтраком я вышел в сад и долго прислушивался; но с лугов доносилась только песнь жаворонка…

Молочник явился как всегда. Я услыхал скрип его тележки и подошел к калитке узнать последние новости. Он рассказал мне, что ночью войска окружили марсиан и что теперь ждут только прибытия пушек. Вслед за этим послышался знакомый успокоительный грохот поезда, идущего в Уокинг.

— Их не станут убивать, — сказал молочник, — если только этого можно будет избежать.

Я увидел соседа в его садике, поболтал с ним немного и отправился завтракать. Утро прошло без всяких происшествий. Сосед мой был уверен, что войска в тот же день захватят в плен или

уничтожат марсиан.

— Жаль, что они держат себя такими недотрогами, — заметил он, — было бы интересно узнать, как они живут на своей планете. Мы могли бы кое-чему научиться.

Он подошел к забору и протянул мне горсть земляники — это был завзятый любитель садоводства и щедрый человек. Заодно он сообщил о пожаре соснового леса вблизи Байфлитского спортивного поля.

— Говорят, туда упала другая такая же штука, — номер второй. Право, с нас довольно и одной. Страховым обществам это влетит в копеечку, — и он добродушно засмеялся.

По его словам, леса продолжали гореть. И он указал на пелену дыма.

— Торф и хвоя будут тлеть еще несколько дней, — сказал он и состроил серьезную мину, вспомнив о «бедном Оджилви».

После завтрака, вместо того чтобы сесть за работу, я отправился к лугам. У железнодорожного моста я увидел кучку солдат, — кажется, это были саперы, — в маленьких круглых шапочках, в грязных черных штанах и высоких сапогах, в расстегнутых красных мундирах, из-под которых виднелись синие рубашки. Они сообщили мне,

что на ту сторону канала никого не пропускают. Действительно, взглянув на дорогу, ведущую к мосту, я увидел часового Кардиганского пехотного полка. Я заговорил с солдатами, рассказал им о моей встрече с марсианами вчера вечером. Солдаты еще не видали их, имели очень смутное понятие о своих будущих противниках и закидали меня вопросами. Они не знали, кто приказал вызвать войска. Сперва они думали, что произошли какие-то беспорядки в Конной гвардии. Саперы, более образованные, чем пехотинцы, с большим знанием дела обсуждали необычайные условия возможного боя. Я рассказал им о тепловом луче, и они начали спорить между собой.

— Подползти к ним под прикрытием и броситься в штыки, — сказал один.

— Ну да, — ответил другой. — Чем же можно прикрыться от такого жара? Хворостом, что ли, чтобы лучше зажариться! Остается только подойти к ним возможно ближе и начать рыть окопы.

— К чорту твои окопы! Ты вечно мелешь об окопах. Тебе бы следовало родиться кроликом, Сниппи.

— Так у них, значит, совсем нет шеи? — спросил вдруг третий, маленький смуглый молчаливый солдатик, куривший трубку.

Я еще раз описал марсиан.

— Вроде осьминогов, — сказал он. — Значит, мы должны сражаться не с людьми, а с рыбами.

— Таких скотов и убивать не грех, — сказал первый.

— Пустить в них гранату, да и прикончить разом, — предложил маленький смуглый солдат. — А то они еще что-нибудь натворят.

— Где же твои гранаты? — возразил первый. — Мы не можем ждать. Надо их атаковать, да поскорей, по-моему.

Так спорили солдаты. Вскоре я оставил их и пошел на станцию за утренними газетами.

Однако я не буду докучать читателю описанием этого томительного утра и еще более томительного дня. Мне не удалось поглядеть на луг, потому что даже колокольни в Хорзелле и Чобхеме находились под контролем военных властей. Солдаты, к которым я обращался, сами ничего не знали толком. Офицеры расхаживали с таинственным видом. Под охраной войск жители снова почувствовали себя в безопасности.

Здесь я впервые услышал от Маршала, нашего табачного торговца, что его сын тоже погиб на лугу. На окраинах Хорзелла войска велели жителям запереть и покинуть дома.

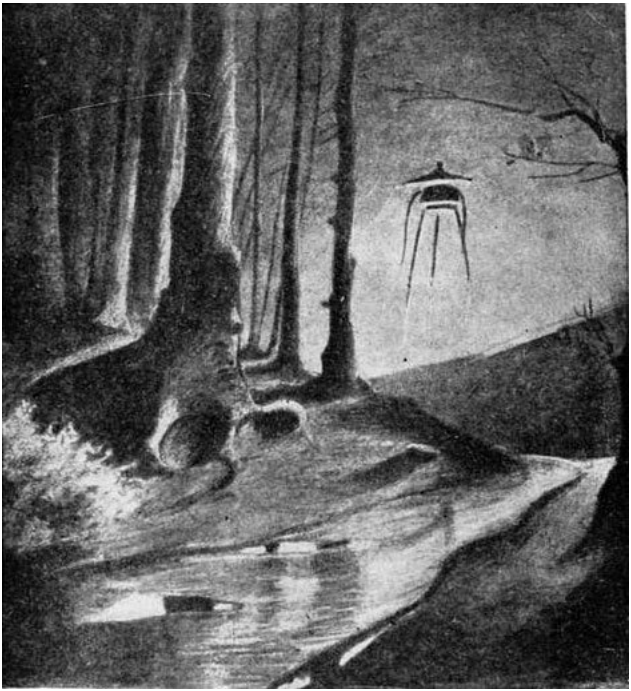
Я вернулся домой ко второму завтраку, около двух часов пополудни, очень усталый, потому что, как я уже говорил, день был жаркий и душный. Желая освежиться, я принял холодную ванну. Около половины пятого я отправился на железнодорожную станцию за вечерней газетой, — в утренних газетах дано было лишь весьма неточное описание гибели Стента, Гендерсона, Оджилви и других. Однако и вечерние газеты не сообщали ничего нового. Марсиане не показывались. Они, видимо, были чем-то заняты в своей яме; оттуда по-прежнему слышались удары по металлу и вырывались клубы дыма. Надо думать, они тоже готовились к бою. «Новые попытки завязать сношения посредством сигналов оказались безуспешными», сообщали газеты. Сапер рассказал мне, что какой-то человек, спрятавшись в канаве, поднимал флаг на длинной жерди. Но на марсиан эти сигналы произвели не больше впечатления, чем на нас производит мычание коровы.

Надо сознаться, военные приготовления очень взволновали меня. Мое воображение разыгралось, и я придумывал разные способы для уничтожения непрошенных гостей. Опять воскресли старые школьные мечты о битвах и подвигах.

Но вдруг мне пришло в голову, что борьба наша с марсианами будет неравной и потому несправедливой: они казались такими беспомощными в своей яме.

Около трех часов пушечные выстрелы, следовавшие один за другим через равные промежутки времени, начали доноситься со стороны Чертси или Эдльстона: артиллерия бомбардировала дымившийся сосновый лес, куда упал второй цилиндр. Важно было уничтожить его прежде, чем он раскроется. Но только к пяти часам первое полевое орудие было доставлено в Чобхем для действий против первого отряда марсиан.

Около шести часов вечера, когда мы с женой сидели в беседке за чаем, оживленно разговаривая о предстоящей битве, я услышал отдаленный гул взрыва со стороны лугов



Из ямы слышались удары по металлу и вырывались клубы дыма.

и вслед за тем ружейную трескотню. Несколько секунд спустя грохот обвала раздался так близко от нас, что земля задрожала. Я выскочил из дома

и увидел, что вершины деревьев вокруг Восточной коллегии охвачены красным дымящимся пламенем, а колокольня небольшой церкви лежит в развалинах. Башенка на кровле коллегии обрушилась. Казалось, ее снесло двенадцатидюймовым снарядом. Одна из труб нашего дома тоже рухнула. Обломки кирпичей покатились по скату кровли и теперь большой грудой красных черепков лежали на цветочной грядке у окна моего кабинета.

Я и жена стояли совсем ошеломленные. Потом я сообразил, что если коллегия разрушена, то это значат, что вершина Мейберийского холма уже попала в сферу действия теплового луча.

Схватив жену за руку, я потащил ее на дорогу. Потом вызвал из дому служанку и сказал ей, что сам поднимусь в верхний этаж за ее сундуком, который она не хотела бросить на произвол судьбы.

— Здесь опасно оставаться, — сказал я, и тотчас же вслед за этими словами со стороны лугов снова послышалась пальба.

— Но куда же мы пойдем? — в ужасе спросила жена. Я задумался, потом вспомнил о ее кузинах, живших тогда в Лезерхеде.

— Лезерхед! — крикнул я, стараясь перекричать гул. Жена посмотрела вниз по склону холма. Испуганные люди выбегали из домов.

— Как же нам добраться до Лезерхеда? — спросила она.

На склоне холма я увидел гусарский разъезд, проскакавший под железнодорожным мостом. Солдаты въехали в раскрытые настежь ворота Восточной коллегии; двое спешились и стали переходить из дома в дом. Диск солнца, маячивший в дыму подожженных деревьев, казался

кроваво-красным и бросал на все окружающее непривычный багровый свет.

— Не трогайтесь с места, — сказал я. — Тут вы в безопасности.

Я побежал в трактир «Пятнистая Собака», так как знал, что у хозяина есть лошадь и двухколесный шарабан. Я торопился, предвидя, что скоро начнется повальное бегство с нашей стороны холма. Хозяин трактира стоял у своей конторки. Он не подозревал, что творилось в двух шагах от его дома. Какой-то мужчина, стоявший ко мне спиной, разговаривал с ним.

— Меньше фунта нельзя, — заявил трактирщик. — Да и отвести ее некому.

— Даю два, — сказал я через плечо незнакомца.

— За что?

— И доставлю обратно к полночи, — добавил я.

— Боже, — воскликнул трактирщик, — что за спешка? Я продаю свинью. Два фунта, и сами доставите обратно? В чем дело?

В немногих словах я объяснил, что мне надо уехать из дому, и таким образом нанял шарабан. В то время мне не приходило в голову, что вскоре сам трактирщик будет вынужден покинуть свое жилище. Я быстро запряг лошадь и, оставив ее под присмотром жены и служанки,

вбежал в дом и уложил некоторые ценные вещи — серебряную посуду и еще кое-что. Пока я укладывался, буковые деревья перед домом начали гореть, а железная решетка у дороги накалилась докрасна. В это время мимо пробегал один из спешившихся гусаров. Он заходил в каждый дом и предупреждал жителей, чтобы они уходили. Он уже удалялся, когда я вышел на крыльцо со своими сокровищами, завязанными в скатерть.

— Что нового? — крикнул я ему вдогонку.

Он повернулся, взглянул на меня и крикнул, что марсиане вылезают из ямы в каких-то штуках, похожих на крышки от мисок. После этого он направился к воротам дома, стоявшего на вершине холма. Внезапно клуб черного дыма пересек дорогу, и я больше уже не видел этого гусара. Я побежал к дверям соседа и постучал, желая убедиться, уехал ли он с женой в Лондон и запер ли квартиру. Потом, вспомнив о просьбе нашей служанки, снова вошел в дом, вытащил ее сундук, привязал его к задку шарабана и, схватив вожжи, вскочил на козлы. Через минуту мы уже выехали из дыма и грохота и быстро спускались по противоположному склону Мейберийского холма к Старому Уокингу.

Перед нами расстилался мирный, залитый солнечным светом ландшафт. Пшеничные поля тянулись по обе стороны от дороги, и вдали уже можно было различить покачивающуюся вывеску Мейберийской гостиницы. Перед нами ехал доктор в своей таратайке. У подножия холма я оглянулся назад. Густые столбы черного дыма, прорезанные красными языками пламени, поднимались в неподвижном воздухе и отбрасывали черные тени на зеленые вершины деревьев. Дым расстилался широко в обе стороны: до Байфлитских сосновых лесов на востоке и до Уокинга на западе. Вся дорога позади нас пестрела беглецами. Слабо, но отчетливо в знойном неподвижном воздухе слышалось смолкавшее по временам тарахтенье пулеметов и непрерывный треск

винтовок.

Очевидно, марсиане поджигали все, что находилось в сфере действия их теплового луча.

Я плохой кучер и поэтому вынужден был все свое внимание посвятить управлению лошадью. Когда я снова обернулся, второй холм был уже скрыт от меня черным дымом. Я стал подхлестывать лошадь и гнал ее крупной рысью, пока Уокинг и Сенд не отделили нас от этого смятения и ужаса. Между Уокингом и Сендом я нагнал и перегнал доктора.

X
Ночная буря

От Мейберийского холма до Лезерхеда около девятнадцати километров. На лугах за Пирфордом пахло сеном, по краям дороги цвела живая изгородь из шиповника.

Спускаясь с Мейберийского холма, мы вдруг услышали орудийный гул. Он прекратился так же внезапно, как качался, и к девяти часам мы благополучно добрались до Лезерхеда. Я поужинал у родных и передал жену на их попечение. Лошадь моя тем временем успела отдохнуть.

Всю дорогу жена была очень молчалива и казалась подавленной, как будто предчувствовала что-то недоброе. Я старался подбодрить ее, говоря, что марсиане привязаны к яме собственной тяжестью и что вряд ли им удастся оттуда выползти. Она отвечала односложно. Если бы не обещание, данное мною трактирщику, она уговорила бы меня остаться на ночь в Лезерхеде. О, почему я не остался! Я помню, что она была очень бледна, когда мы прощались.

Что до меня, то весь этот день я провел в ли-

хорадочном возбуждении. Та, особого рода, воинственная лихорадка, которая порой овладевает цивилизованным обществом, сжигала меня. Я почти радовался, что мне предстоит вернуться ночью в Мейбери. Я даже боялся, что прекращение ружейной стрельбы означает конец войны с марсианами. Мне страшно хотелось присутствовать при нашей победе над ними. Я собрался в дорогу часов в одиннадцать вечера. Ночь была очень темная. Когда я вышел из ярко освещенных сеней на двор, тьма показалась мне кромешной. Было по-прежнему жарко и душно. Вверху быстро неслись облака, хотя внизу не чувствовалось ни малейшего ветерка. Муж моей кузины зажег оба фонаря. К счастью, я хорошо знал дорогу.

Жена стояла у освещенной двери, пока я не сел в шарабан. Потом вдруг повернулась и ушла в дом, покинув родных, желавших мне счастливого пути.

Я отчасти заразился боязнью моей жены и сначала был в довольно унылом настроении, но потом мысли мои вернулись к марсианам. Я еще не знал никаких подробностей вечернего боя, не знал даже, какие обстоятельства ускорили столкновение. Проезжая через Окхем (я возвращался по этому пути, а не через Сенд и Старый Уокинг),

я увидел на западной стороне неба кроваво-красное зарево, которое по мере моего приближения медленно разрасталось. Тучи надвигающейся грозы смешивались с клубами черного и багрового дыма.

В Рипли-стрит никого не было. Деревня словно вымерла, лишь в одном-двух окнах виднелся свет. Но у поворота дороги к Пирфорду я чуть не врезался в кучку людей, стоявших ко мне спиной. Они ничего не сказали, когда я проезжал мимо. Не знаю, было ли им что-нибудь известно о том, что творилось по ту сторону холма, не знаю также, покоились ли мирным сном обитатели тех безмолвных домов, мимо которых я проезжал, или дома эти стояли пустые и покинутые во мраке и ужасе ночи. От Рипли до Пирфорда я ехал долиной Уэя, откуда не было видно красного зарева. Но когда я поднялся на небольшой холм за Пирфордской церковью, зарево показалось снова, и деревья зашумели под первым порывом надвигавшейся бури. Я услышал, как позади, на колокольне Пирфордской церкви, пробило полночь, а затем впереди появился силуэт Мейберийского холма с древесными вершинами и кровлями, четко выделявшимися на красном фоне. Я долго рассматривал эту картину. Вдруг

яркая зеленая вспышка залила светом дорогу и озарила сосновый лес у Эдльстона. Я почувствовал, как натянулись вожжи, заметил, как зеленая полоса пламени прорезала тучи, осветила их хаос и упала слева от меня на поле. То была третья падающая звезда.

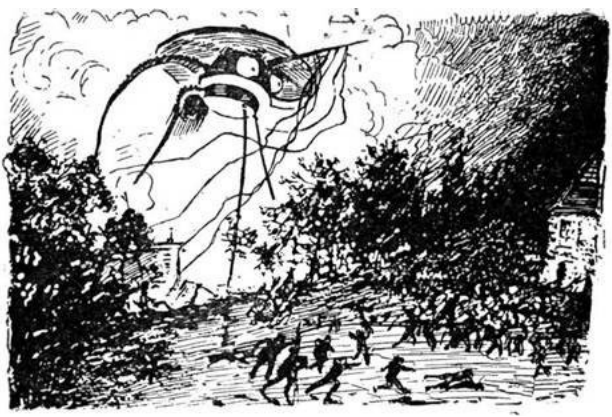
Вслед за ней блеснула ослепительная, казавшаяся по контрасту совсем фиолетовой, молния начавшейся грозы; словно разрыв ракеты, прокатился удар грома. Лошадь закусила удила и понесла.

Спуск, ведущий к подножию Мейберийского холма, не слишком крут, и мы помчались вниз. Вспышки молний следовали одна за другой с короткими промежутками, почти непрерывно.

Частые раскаты грома сопровождались каким-то странным треском, скорее напоминавшим работу громадной электрической машины, чем грозу. Вспыхивающий свет ослеплял и мешал различать дорогу, а мелкий град больно хлестал по лицу.

Сначала я смотрел только вперед на дорогу, но потом мое внимание привлекло нечто, спускавшееся по находившемуся прямо против меня склону Мейберийского холма. Сперва я принял этот предмет за мокрую крышу дома, но

при блеске двух молний, сверкнувших почти одновременно, разглядел, что он быстро перемещается. То было мгновенное, ускользающее видение: одна секунда непроглядного мрака, затем нестерпимый блеск, превративший ночь в день; красное здание Сиротского приюта на гребне холма, зеленые вершины сосен и этот загадочный предмет обрисовывались четко и резко.



И я увидел его! Как описать его? Чудовищный треножник, выше большинства домов, двигающийся посреди молодых сосен и ломавший их на своем пути; ходячая машина из блестящего металла, шагавшая теперь по вереску;

стальные коленчатые тросы, извивающиеся по сторонам, — и лязг, смешивающийся с раскатами грома. Вспыхнула молния, и четко обрисовались две ноги, поднятые в воздухе; они исчезли и появились опять при новой вспышке уже метров на сто ближе ко мне. Можете вы себе представить трехногий стул, сильно покачивающийся и переступающий по земле? Именно такое впечатление рождалось при мгновенных вспышках молний. Но вместо стула вообразите громадный механизм на трехногой станине!

Затем внезапно деревья соснового леса передо мной раздвинулись, как раздвигаются камыши, сквозь которые пробирается человек; они ломались и падали, и впереди появился второй громадный треножник, направлявшийся, казалось, прямо ко мне. А я мчался во весь опор к нему навстречу. При виде второго чудовища нервы мои не выдержали. Не останавливаясь, чтобы поглядеть еще раз, я потянул вожжи круто вправо. Миг спустя шарабан перекинулся через лошадь, оглобли с треском сломались; я отлетел в. сторону и тяжело шлепнулся в неглубокую лужу.

Почти тотчас же я выбрался из нее, хотя ноги мои оставались в воде, и присел, скорчившись, за кустом дрока. Лошадь лежала неподвижно

(бедное животное сломало себе шею). При блеске молний я увидел черный кузов опрокинутого шарабана и силуэт медленно вращавшегося колеса. Еще секунда — и гигантский механизм прошел мимо меня и стал подниматься к Пирфорду.

Вблизи это сооружение показалось мне еще более удивительным, потому что это была не просто бесчувственная машина. Это была машина с металлическим звенящим ходом, с длинными гибкими щупальцами (одним из них она ухватила молодую сосну); щупальца качались и свешивались вниз. Треножник, видимо, выбирал дорогу, и прикрывавшая его сверху медная крышка поворачивалась в разные стороны, словно голова. За остовом машины висело гигантское сплетение из какого-то белого металла, похожее на огромное лукошко; клубы зеленого дыма вырывались из сочленений чудовища, когда оно шло мимо меня. Через минуту оно было уже далеко.

Вот что я видел при неверном блеске молний, ослеплявшем мои глаза.

Проходя мимо, чудовище издало ликующий вой, заглушавший раскаты грома: «Элу… элу…» — и через минуту присоединилось к другому треножнику, остановившемуся возле какого-то

предмета, лежавшего в поле на расстоянии одного километра от меня. Я не сомневаюсь, что то был третий из десяти цилиндров, посланных к нам с Марса.

Несколько минут я лежал под дождем, во мраке; при вспышках молний я видел, как эти чудовищные металлические существа двигаются вдали, шагая через заборы. Пошел мелкий град; трехногие фигуры то расплывались во мгле, то вновь отчетливо вырисовывались, когда становилось яснее. В промежутках между молниями их поглощала ночь.

Я весь промок, — сверху град, внизу лужа. Прошло немало времени, прежде чем я настолько опомнился, что мог выбраться на сухое место и подумать о грозившей мне опасности.

Невдалеке, на картофельном поле, стояла маленькая деревянная сторожка. Я побежал к ней, припадая к земле и пользуясь всяким прикрытием. Но тщетно я стучался в дверь. Ответа не последовало (вероятно, там никого не было). Тогда я перестал ломиться и, юркнув в канаву, дополз, не замеченный чудовищными машинами, до соснового леса у Мейбери. Под прикрытием деревьев, мокрый и продрогший, я встал на ноги и начал пробираться к своему дому. Я напрасно

старался отыскать тропинку. В лесу стало очень темно, — теперь молнии сверкали реже, а град низвергался потоком сквозь густую листву.

Если бы я ясно понял истинное значение всего виденного мною, то немедленно пустился бы в обратный путь, через Байфлит и Стрит-Кобхем, к жене в Лезерхед. Но в ту ночь необычайность происходящего и физическое изнурение лишили меня способности соображать; я измучился, промок до костей, был ослеплен и оглушен грозой.

Я думал лишь о том, как бы поскорей добраться до моего дома. Я плутал между деревьями, упал в яму, расшиб себе оба колена о какую-то доску и наконец вынырнул в переулок, спускающийся вниз, вдоль бокового флигеля коллегии. Я говорю: «вынырнул», потому что по песчаному склону холма несся бурный поток. Тут в темноте на меня налетел какой-то мужчина и ударил меня так, что я зашатался.

Он вскрикнул, в ужасе отпрянул в сторону и скрылся, прежде чем я успел прийти в себя и заговорить с ним. Порывы бури были так сильны, что я с большим трудом взбирался на холм. Я брел, кое-как держась у изгородей.

Невдалеке от гребня холма я споткнулся о что-то мягкое и при свете молнии увидел у своих ног

кучу темной одежды и пару сапог. Я не успел рассмотреть лежащего: вспышка погасла. Я нагнулся и выждал следующей вспышки. Это был рослый мужчина в дешевом, но еще не поношенном костюме. Голова подвернулась под туловище, и он лежал, прижавшись к забору, как будто налетел на него с разбегу.

Преодолевая отвращение, вполне естественное у человека, никогда не прикасавшегося к мертвецу, я наклонился и перевернул лежавшего, чтобы послушать, бьется ли еще сердце. Но он был мертв. Очевидно, он сломал себе шею. Молния блеснула в третий раз, и я увидел лицо покойника. Я отшатнулся. Это был трактирщик, хозяин «Пятнистой Собаки», у которого я нанял лошадь.

Я осторожно переступил труп и стал пробираться дальше. Мимо полицейского участка и здания коллегии я прошел к своему дому. Пожар на склоне холма уже погас, хотя со стороны лугов все еще виднелось багровое зарево, и клубы красноватого дыма поднимались навстречу хлеставшему граду. Большинство домов, насколько я мог рассмотреть при свете молний, уцелело. Возле коллегии на улице валялась какая-то темная груда.

Внизу на дороге, ведущей к Мейберийскому мосту, слышались чьи-то голоса и шаги, но у меня не хватило духу крикнуть или пойти навстречу. Я вошел в свой дом, отомкнув дверь американским ключом, запер ее на засов и в изнеможении опустился на ступеньки лестницы. Перед глазами у меня мелькали шагающие металлические чудовища и мертвец, лежащий у забора.

Весь дрожа, я прислонился спиной к стене.

XI
У окна

Я уже, кажется, говорил, что приступы сильного волнения проходят у меня довольно быстро. Я почувствовал, что промок и что мне холодно. На половике, разостланном вдоль лестницы, вокруг меня образовалась целая лужа. Я машинально встал, прошел в столовую и выпил немного виски, потом решил переодеться.

Переменив платье, я поднялся к себе в кабинет; почему именно туда, я и сам не знаю. Из окна кабинета были видны деревья и железнодорожная станция вблизи Хорзеллского луга. В суматохе отъезда мы даже забыли закрыть окно. В коридоре было темно; комната тоже казалась темной по сравнению с пейзажем, рисовавшимся в рамке окна. Я остановился у дверей.

Гроза миновала. Башни Восточной коллегии и окружающие ее сосны исчезли; вдали в красноватом свете виднелся луг с песочными ямами. На фоне зарева двигались гигантские черные тени.

Казалось, все на этой стороне охвачено огнем. По широкому склону холма пробегали языки пла-

мени, колебавшиеся и корчившиеся в порывах затихающей бури и отбрасывавшие красный отсвет на покрытое тучами небо. По временам дым близкого пожарища заволакивал окрестность и скрывал тени марсиан. Я не мог рассмотреть, что они делали. Их очертания вырисовывались неясно. Они возились около каких-то темных предметов, и мне не удалось различить, над чем именно они работают. Не видел я и ближайшего пожара, хотя отблеск его играл на стенах и на потолке кабинета. Резкий смолистый запах носился в воздухе.

Я беззвучно затворил дверь и подкрался к окну. Передо мной открылась более широкая панорама от станции Уокинг до обуглившихся и почерневших сосновых лесов Байфлита. Вблизи виадука, на линии железной дороги, у самого подножья холма что-то ярко пылало. Многие дома на Мейберийской дороге и на улицах, примыкавших к станции, превратились в тлеющие груды развалин. Я сначала не мог разобрать, что именно горело на самом железнодорожном полотне. Огонь перебегал по какой-то черной груде, направо виднелось что-то желтое и продолговатое. Потом я разглядел, что это был потерпевший крушение поезд; передняя часть его была разбита

и горела, а задние вагоны еще стояли на рельсах.

Между тремя главными центрами света — домами, поездом и пылающими лугами Чобхема — вклинивались неправильные черные куски, разорванные кое-где полосами тлеющей и дымящейся почвы. Это было странное зрелище: черное пространство, усеянное огнями. Больше всего оно напоминало мне вид гончарных заводов в ночное время. Сначала я не заметил людей, хотя и вглядывался очень внимательно. Потом при зареве пожара у станции Уокинг я увидел несколько мечущихся темных фигурок.

И этот огненный хаос был тем маленьким миром, где я столько лет жил так спокойно! Я не знал, что произошло в течение последних семи часов; я только начинал смутно догадываться, что есть какая-то связь между этими механическими колоссами и теми неповоротливыми чудовищами, которые на моих глазах выползли из цилиндра. С каким-то странным любопытством, не думая об опасности, я придвинул свое рабочее кресло к окну, уселся и начал наблюдать. Особенно заинтересовали меня три черных гиганта, расхаживавшие при блеске пожарища возле песочных ям.

Казалось, они были чем-то заняты. Я недоуме-

вал, что они там делают. Неужели это сознательные машины? Но ведь это невозможно! Очевидно, в каждой находится марсианин и управляет ею. Я стал сравнивать их с нашими машинами и в первый раз в жизни задал себе вопрос, чем должны казаться какому-нибудь умному животному наши военные корабли или паровозы.

Гроза пронеслась, и небо очистилось. Над дымом пожарища, как тусклая булавочная головка, Марс уже склонялся к западу, когда какой-то солдат забрался в мой сад. Я услыхал легкое царапанье у забора и, пробудившись от своего оцепенения, заметил человека, перелезавшего через плетень. При виде другого человеческого существа я сразу очнулся и быстро высунулся в окно.

— Тсс… — прошептал я.

Он в нерешительности уселся верхом на заборе. Потом перелез и, согнувшись, подкрался через лужайку к углу дома.

— Кто там? — шопотом опросил он, стоя под окном и глядя вверх.

— Куда вы идете? — спросил я.

— Я и сам не знаю.

— Вы хотите спрятаться?

— Да.

— Войдите в дом, — предложил я.

Я сошел вниз и впустил его. Потом снова запер дверь. Я не мог видеть его лица. Он был в расстегнутом мундире и без фуражки.

— Боже! — воскликнул он, когда я впустил его.

— Что случилось? — спросил я.

— И не спрашивайте! — Несмотря на темноту, я заметил, что он безнадежно махнул рукой. — Они смели нас, просто смели, — повторял он.

Почти машинально он последовал за мной в столовую.

— Выпейте виски, — предложил я, наливая ему изрядную порцию.

Он выпил. Потом вдруг сел к столу, положил голову на руки и начал всхлипывать и плакать, как маленький мальчик. Забыв о собственном недавнем припадке отчаяния, я с удивлением смотрел на него.

Прошло довольно много времени, пока он наконец справился со своими нервами и мог отвечать на мои вопросы. Он говорил прерывисто и сбивчиво. Он был артиллерийским ездовым и попал в бой лишь около семи часов вечера. В это время стрельба на лугу была в полном разгаре; говорили, что первая партия марсиан медленно ползет ко второму цилиндру под прикрытием

металлического щита.

Позднее этот щит был поднят на треножник и превратился в первую боевую машину, виденную мной. Орудие, при котором находился мой солдат, было поставлено на позицию у Хорзелла для обстрела песочных ям, и его прибытие ускорило развязку. Когда ездовые с зарядным ящиком отъезжали в сторону, лошадь моего собеседника оступилась в кроличью нору и упала, сбросив седока в какую-то выбоину. В ту же минуту пушка позади него разорвалась. Снаряды взлетели на воздух, все было охвачено огнем, и он очутился под грудой обгорелых трупов, людских и конских.

— Я лежал тихо, — рассказывал он, — полумерт-

вый от страха. Меня придавила грудь лошади. Они нас смели. А запах, боже мой! Точно пригорело жаркое. Я расшиб себе спину при падении. Я лежал, пока мне не стало лучше. Всего минуту назад мы ехали точно на параде, и вдруг — грохот, треск, свист… Нас смели, — повторил он.

Он долго прятался под трупом лошади, наблюдая исподтишка за всем происходящим. Кардиганский полк пытался броситься в штыки, но его истребили в один миг. После этого чудовище поднялось на ноги и начало расхаживать по лугу, преследуя тех, кто обратился в бегство. Его вертящийся колпак напоминал человеческую голову в капюшоне. Какое-то подобие руки держало сложный металлический аппарат, откуда вырывались зеленые искры и ударял тепловой луч.

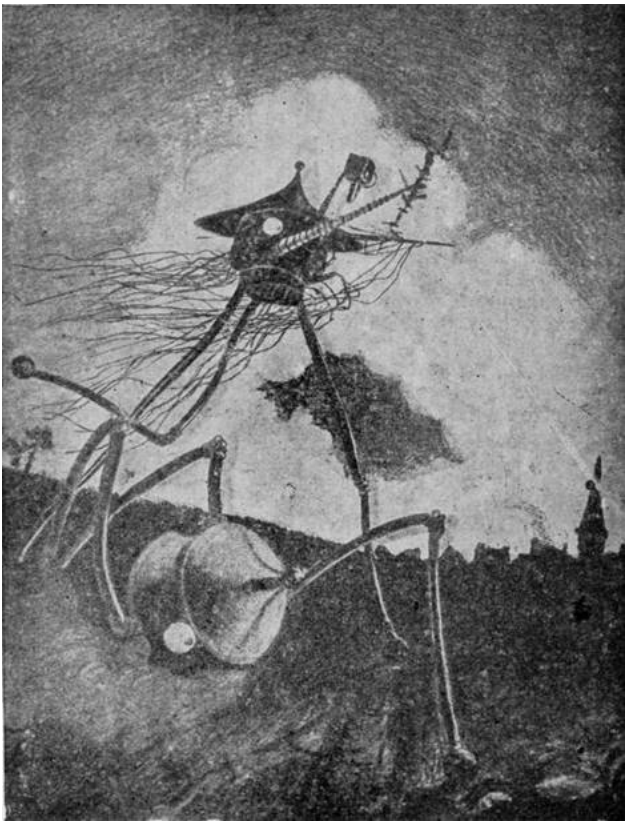
Через несколько минут на лугу уже не осталось ни одного живого существа. Кусты и деревья, еще не успевшие обратиться в почернелые остовы, продолжали гореть. Гусары стояли на дороге за холмом, и рассказчик их не видел. Некоторое время он слышал треск пулеметов, потом все смолкло. Сначала гигант пощадил станцию Уокинг и окрестные дома. Потом скользнул тепловой луч, и городок превратился в груду пылающих развалин. Чудовище прикрыло тепловой луч и, повернувшись спиной к артиллеристу, заковыляло к дымившемуся сосновому лесу, где

упал второй цилиндр. Тотчас же после его ухода другой сверкающий титан поднялся из ямы.

Второе чудовище последовало за первым, и тогда артиллерист осторожно пополз по горячему пеплу вереска к Хорзеллу. Ему удалось доползти до канавы, тянувшейся вдоль края дороги, и таким образом он добрался до Уокинга. Далее история, которую он рассказывал, стала запутываться. Через Уокинг нельзя было пройти. Уцелевшие жители, казалось, сошли с ума; многие сгорели заживо или были обожжены. Мой артиллерист свернул в сторону, чтобы избежать огня, и спрятался в развалинах, когда вернулся один из гигантов. Он видел, как чудовище погналось за одним из беглецов, схватило его своими стальными щупальцами и размозжило ему голову о ствол сосны.

Наконец, уже после наступления ночи, артиллерист выбрался оттуда и перешел через железнодорожную насыпь. Потом он стал пробираться дальше, в сторону Мейбери, надеясь, что ближе к Лондону окажется в большей безопасности. Люди прятались в канавах и погребах, и многие из уцелевших бежали по направлению к деревням Уокинг и Сенд. Его мучила жажда, пока, наконец, вблизи железнодорожного моста, он не

наткнулся на лопнувшую водопроводную трубу, из которой вода ручьем хлестала на дорогу.



Другой марсианин стал на треножник и последовал за товарищем.

Такова была история, которую мне удалось вытянуть у него слово за словом. Он немного успокоился, рассказывая о своих похождениях и стараясь описать как можно нагляднее все то, что видел. В начале рассказа он сообщил мне, что ничего не ел с самого полудня. Поэтому я, отыскав в кладовой кусок баранины и хлеб, принес то и другое в столовую. Лампы мы не зажигали, опасаясь привлечь внимание марсиан, и наши руки то и дело соприкасались над хлебом или мясом. Он еще не успел закончить свой рассказ, когда окружавшие нас предметы начали неясно выступать из мрака, а истоптанные кусты и сломанные штамбовые розы стали уже отчетливо видны за окном. Можно было подумать, что толпа людей или целые стада животных промчались через поляну. Теперь я мог рассмотреть почерневшее и изможденное лицо моего собеседника. Такое же лицо, без сомнения, было и у меня.

Закусив, мы осторожно поднялись ко мне в кабинет, и я снова выглянул в открытое окно. За одну ночь цветущая долина превратилась в долину смерти. Пожар догорал. Там, где раньше

бушевало пламя, теперь чернели клубы дыма. Бесчисленные руины опустошенных и покинутых домов, наклонившиеся обугленные деревья, скрытые ранее мраком, вставали теперь, тощие и страшные, в беспощадном свете утренней зари. Кое-что уцелело чудом: белый железнодорожный семафор, часть оранжереи. Никогда еще в истории войн не было такого полного разгрома. И, поблескивая в лучах зари, разгоравшейся на востоке, три металлических гиганта стояли около ямы. Их колпаки поворачивались в разные стороны, как будто они любовались произведенным опустошением.

Мне показалось, что теперь яма стала гораздо шире. Вспышки зеленого пара беспрерывно взлетали навстречу восходящему, но еще не видимому солнцу, клубились, падали и исчезали.

Около Чобхема вздымались столбы пламени. С первым лучом дня они превратились в столбы кровавого дыма.

XII
Как были разрушены Уэйбридж и Шеппертон

Когда совсем рассвело, мы отошли от окна, из которого наблюдали за марсианами, и тихонько спустились вниз.

Артиллерист согласился со мной, что в доме оставаться опасно. Он намеревался итти в сторону Лондона и там присоединиться к своей батарее 12 конной артиллерии. Я же хотел вернуться в Лезерхед. Так сильно поразило меня могущество марсиан, что я решил увезти жену в Ньюхевен и вместе с нею покинуть страну. Мне было ясно, что прежде, чем чудовища будут уничтожены, окрестности Лондона неизбежно станут ареной опустошительной войны. Однако между нами и Лезерхедом лежал третий цилиндр, охраняемый гигантами. Будь я один, я, вероятно, решился бы попытать счастья и двинулся напрямик. Но артиллерист разубедил меня.

— Мало будет пользы вашей жене, если вы сделаете ее вдовой, — сказал он.

В конце концов я согласился итти вместе с ним,

под прикрытием лесов, к северу до Стрит-Кобхема. Оттуда, чтобы попасть в Лезерхед, я должен был сделать большей круг через Ипсом.

Я хотел тотчас же двинуться в путь, но мой товарищ недаром состоял на действительной военной службе и потому был опытнее меня. Он заставил меня перерыть весь дом и отыскать флягу, в которую налил виски. Мы набили карманы сухарями и ломтиками мяса. Потом вышли из дома и пустились бегом вниз по размытой дороге, по которой я шел накануне ночью. Дома казались вымершими. На дороге лежали рядом три обугливших' тела, сраженные тепловым лучом. Повсюду валялись вещи, оброненные во время бегства: часы, туфля, серебряная ложка. На лугу, у почтовой конторы, стояла маленькая повозка, нагруженная сундуками и домашним скарбом, но без лошади и с отвалившимся колесом. Тут же валялась шкатулка для денег, очевидно вскрытая впопыхах и брошенная среди обломков. Кроме приютской сторожки, которая все еще горела, ни один дом не подвергся здесь значительным повреждениям. Тепловой луч, разрушив лишь дымовые трубы, двинулся дальше. И все же, не считая нас, в Мейбери не было видно ни одной живой души. Большинство жителей попряталось

или искало спасения в бегстве к Старому Уокингу, по той самой дороге, по которой мы с женой ехали в Лезерхед.

Мы спустились по переулку, прошли мимо трупа мужчины, одетого в черный костюм, и у подножья холма углубились в лес. Лесом мы пробрались до железной дороги, не встретив ни души.

По ту сторону железнодорожной колеи лес представлял собою груды исковерканного обугливившегося дерева: большая часть сосен повалилась, а от тех, которые остались стоять, уцелели лишь унылые серые стволы с темно-коричневыми иглами вместо зеленых.

Но на нашей стороне огонь только опалил крайние деревья и не произвел особенного опустошения. В одном

месте лесорубы работали еще в субботу. Свежевырубленные и очищенные от коры деревья лежали на просеке, среди кучи опилок, возле паровой пилы. Далее виднелась пустая лачуга. Все было тихо; воздух казался неподвижным, даже птицы куда-то исчезли. Мы с артиллеристом переговаривались шопотом и часто оглядывались. Раз или два мы останавливались и прислушивались.

Скоро мы приблизились к шоссейной дороге и услышали стук копыт. По направлению к Уокингу медленно ехали три кавалериста. Мы окликнули их, и они остановились. Мы быстро

подошли к ним. Это были лейтенант и двое рядовых 8-го гусарского полка с каким-то прибором вроде теодолита.[3] Артиллерист объяснил мне, что это гелиограф.[4]

— Вы первые люди, которых я встретил на этой дороге сегодня утром, — сказал лейтенант. — Что тут такое происходит?

Он казался озабоченным. Солдаты смотрели на нас с любопытством. Артиллерист спрыгнул с насыпи на дорогу и отдал честь.

— Наше орудие разорвало прошлой ночью, сэр. Я спрятался. Хочу догнать батарею, сэр. Вы увидите марсиан, я думаю, если проедете еще с полмили по этой дороге.

— На какого чорта они похожи? — спросил лейтенант.

— Великаны в броне, сэр. Ростом футов в сто. Три ноги; тело похоже на алюминиевое, с огромной головой в колпаке.

— Рассказывай! — воскликнул лейтенант. — Что за чепуха?!

---

[3] Примечания: 3

Инструмент, употребляемый при съемке планов и других геодезических работах.

[4] Примечания: 4

Аппарат из призматических зеркал, отражающий солнечные лучи и служащий для подачи световых сигналов.

— Сами увидите, сэр. У них в руках что-то вроде ящика, сэр; из него вылетает огонь и убивает на месте.

— Вроде пушки?

— Нет, сэр. — И артиллерист стал говорить о тепловом луче.

Лейтенант прервал его и обернулся ко мне. Я все еще стоял на насыпи у дороги.

— Вы тоже видели это? — спросил лейтенант.

— Это чистая правда, — ответил я.

— Ну, — сказал офицер, — я думаю, и мне не мешает взглянуть на это. Слушайте, — обратился он к артиллеристу, — нас отрядили сюда, чтобы очистить дома от жителей. Вы лучше явитесь лично к бригадному генералу Марвину и донесите ему обо всем, что видели. Он находится в Узйбридже. Вы знаете дорогу?

— Я знаю, — сказал я.

Офицер снова повернул свою лошадь к югу.

— Вы говорите, полмили? — спросил он.

— Самое большее, — ответил я и указал на вершины деревьев к югу.

Он поблагодарил меня и поехал вперед. Больше мы их не видели.

Немного подальше, у домика рабочего, мы натолкнулись на трех женщин и двух детей, на-

гружавших ручную тележку узлами и домашним скарбом. Все они были так поглощены своим делом, что не захотели даже разговаривать с нами.

У станции Байфлит мы вышли из соснового леса. В сиянии утреннего солнца деревня казалась такой мирной! Здесь мы были уже за пределами действия теплового луча. Если бы не опустевшие дома, не суета нескольких беженцев, укладывавших свои вещи, и не кучка солдат, стоявших на виадуке над полотном железной дороги и смотревших вдаль по линии к Уокингу, — день походил бы на обычное воскресенье.

Несколько телег и повозок со скрипом двигались по дороге к Эдльстону; через ворота в изгороди мы увидели на лугу шесть двенадцатифутовых орудий, аккуратно поставленных на равном расстоянии одно от другого и направленных в сторону Уокинга. Прислуга бодрствовала возле них в полной готовности, зарядные ящики были отведены на должную дистанцию за фронт батареи. Солдаты держались как на смотру.

— Вот это хорошо, — сказал я. — Во всяком случае они дадут здоровый залп.

Артиллерист в нерешительности постоял у ворот.

— Я пойду дальше, — сказал он.

Ближе к Уэйбриджу, как раз за мостом, солдаты, в белых рабочих куртках, насыпали длинный вал, за которым виднелись новые пушки.

— Это все равно, что лук и стрелы против молнии, — сказал артиллерист. — Они еще не видели огненного луча.

Те из офицеров, которые в эту минуту ничем не были заняты, стояли и вглядывались в лесные вершины на юго-западе. Солдаты, отрываясь от работы, тоже часто посматривали в этом направлении.

Байфлит был в смятении. Жители укладывались, и двадцать человек гусар, одни на конях, другие пешие, торопили их. Три или четыре черных казенных фургона с крестом в белом кружке и какой-то старый омнибус нагружались на улице в числе других экипажей. Многие жители приоделись по-праздничному. Солдатам стоило большого труда растолковать им всю опасность положения. Какой-то старичок сердито требовал от капрала, чтобы в фургон поставили принадлежащий ему большой ящик и дюжины две цветочных горшков с орхидеями, которые капрал ни за что не хотел погрузить. Я подошел и дернул старичка за рукав.

— Знаете вы, что там делается? — спросил я,

указывая на вершины соснового леса, скрывавшего марсиан.

— Что? — обернулся он. — Я говорю им, что этого нельзя бросать.

— Смерть! — крикнул я. — Смерть приближается! Смерть!

Не знаю, понял ли он мои слова; я поспешил за артиллеристом.

На углу я обернулся: солдат ушел от старичка, который стоял возле своих горшков с орхидеями и растерянно глядел в сторону леса.

Никто в Уэйбридже не мог сказать нам, где помещается штаб. Такой беспорядочной суеты я до тех пор не видел ни в одном городе. Повсюду самая причудливая упряжь, повозки, экипажи и лошади всех мастей. Наиболее уважаемые обыватели местечка, спортсмены в костюмах для игры в гольф и гребли, их нарядно одетые жены — все укладывались. Дети шумели и были очень довольны такой поразительной переменой в их воскресном времяпрепровождении. Среди всеобщей суматохи почтенный викарий,[5] ни на что не обращая внимания, служил раннюю обедню с колокольным звоном. Мы с артилле-

---

[5] Примечания: 5
Приходский священник англиканской церкви.

ристом присели на ступеньку у колодца и очень недурно закусили захваченной из дома провизией. Патрули, — уже не гусары, а гренадеры в белых мундирах, — предупреждали жителей и просили их уходить, или прятаться в погребах, как только начнется стрельба. Переходя через железнодорожный мост, мы заметили большую толпу около станции. Платформа кишела народом и была завалена ящиками и узлами. Обычное расписание было изменено, вероятно, для того, чтобы очистить путь к Чертси для войск и орудий. Впоследствии я слышал, что там произошла дикая свалка, вызванная борьбой за места в экстренных вечерних поездах.

К двенадцати часам мы были уже у Шеппертонского шлюза — там, где Темза сливается с Уэем. Немало времени мы потратили, чтобы помочь двум старушкам нагрузить тележку. Устье Уэя, как известно, имеет три рукава. Здесь теснились лодки, и ходил паром. На том берегу, под деревьями шеппертонских садов, виднелась харчевня с лужайкой, и дальше — колокольня шеппертонской церкви, ныне замененная шпилем.

Здесь мы встретили возбужденную и шумную толпу беженцев. Хотя бегство еще не стало паническим, все же желающих переправиться через

реку было гораздо больше, чем могли вместить лодки. Люди шли, пыхтя под тяжелыми ношами. Одна супружеская пара тащила небольшую входную дверь собственного дома, на которой был сложен разный домашний скарб; какой-то мужчина сказал нам, что он хочет попытаться сесть в поезд на Шеппертонском вокзале.

Много было крику, и даже выискался какой-то шутник. Большинство собравшегося здесь народа полагало, что марсиане — великаны, похожие на людей: они могут напасть на город и разорить его, но, разумеется, в конце концов должны погибнуть. Любопытные часто поглядывали через Уэй на луга, расстилавшиеся возле Чертси. Но там не видно было ничего особенного.

На том берегу Темзы, кроме того места, где причаливали лодки, тоже все было спокойно — полный контраст по сравнению с Серреем. Люди, выходившие из лодок, брели по поселку. Большой паром только что перевалил через реку. Три или четыре солдата стояли на лужайке возле харчевни и подшучивали над беженцами, не предлагая своей помощи. Харчевня была закрыта, так как в воскресенье торговать не полагалось.

— Что там?! — крикнул вдруг один лодочник.

— Тише, дура! — унимал возле меня какой-то

мужчина лаявшую собаку.

Звук повторился, на этот раз со стороны Чертси; заглушённый гул — выстрел из пушки.

Сражение началось. Почти тотчас же батареи на той стороне реки, по правую руку от нас, невидимые под защитой деревьев, приняли участие в хоре, оглушительно стреляя одна за другой. Какая-то женщина вскрикнула. Все замерли на месте, пораженные шумом боя, такого близкого к нам, хотя мы и не могли его видеть.

Перед нами были только плоские луга, коровы, продолжавшие равнодушно пастись, и серебристые ивы, неподвижные под лучами горячего солнца.

— Солдатики прогонят их, — неуверенно проговорила какая-то женщина рядом со мною.

Над лесом взвился легкий дымок.

И вдруг мы увидели — далеко вверх по течению реки — клуб дыма, взлетевшего и повисшего в воздухе. Почва под ногами у нас задрожала, и оглушительный взрыв потряс воздух, разбивая стекла в соседних домах. Все оцепенели от изумления.

— Вот они! — закричал какой-то мужчина в синей фуфайке. — Вон там! Видите? Там!

Вдали, один за другим — один, два, три, четы-

ре — над деревьями среди чертсийских лугов показались на своих треножниках марсиане и проворно зашагали к реке. Сначала они казались маленькими фигурками в колпаках. Они словно катились на колесах и перемещались с быстротою летящих птиц. А сбоку к ним приближался пятый.

Марсиане направились к орудиям, и их бронированные тела заблистали на солнце. Казалось, они вырастали с каждым шагом. Самый дальний из гигантов, шедший левее остальных, высоко поднял в воздухе какой-то огромный ящик. Ужасный призрачный тепловой луч, который я уже видел в ночь на субботу, скользнул по направлению к Чертси и поразил город.

При виде этих странных, быстрых и грозных созданий толпа на берегу реки оцепенела от ужаса. Ни возгласов, ни криков — мертвое молчание. Потом хриплый ропот, топанье ног и всплески на воде. Какой-то мужчина, слишком перепуганный, чтобы бросить чемодан, который он тащил на плече, повернулся и концом своей ноши так сильно ударил меня, что я пошатнулся. Какая-то женщина уцепилась за меня. Я побежал вместе со всеми, хотя и не потерял способности здраво рассуждать. Я думал об ужасном тепловом луче.

Уйти под воду! Это казалось лучше всего.

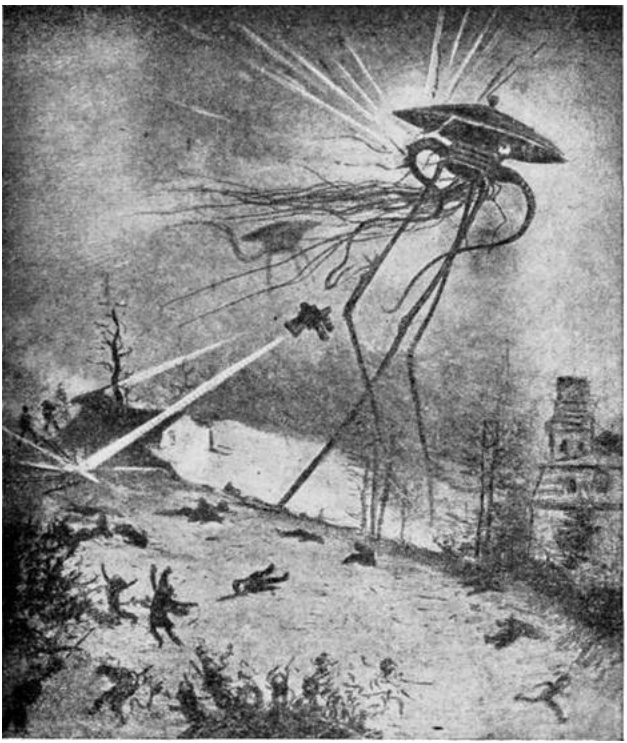
— Полезайте в воду! — тщетно кричал я.

Я обернулся и побежал навстречу приближавшемуся марсианину, прямо вниз по песчаному отлогому берегу. Кое-кто последовал моему примеру. Пассажиры опрокинувшейся лодки ползли мне навстречу. Камни под моими ногами были скользкими от тины, а река так мелка, что, пробежав по воде около шести метров, я едва успел погрузиться до пояса. Но когда марсианин уже возвышался у меня над головой, — метрах в двухстах, не более, — я быстро нырнул. В ушах у меня, как удары грома, раздавались всплески от падения людей, прыгавших в реку. На обоих берегах народ поспешно выбирался из лодок.

Но марсианская машина обращала на людей не больше внимания, чем человек — на муравьев, снующих в муравейнике, на который он наступил ногой. Когда, наполовину захлебнувшись, я поднял голову над водой, колпак марсианина был обращен к батареям! обстреливавшим реку; приближаясь, он держал наготове какой-то аппарат, очевидно, генератор теплового луча.

В следующее мгновение марсианин был уже на берегу и затем шагнул через реку. Концы его передних ног уперлись в противоположный бе-

рег. Еще мгновенье — и он выпрямился во весь свой рост у самой деревни Шеппертон. Тотчас же шесть орудий — никто не подозревал об их



Снаряд разорвался метрах в шести от колпака марсианина.

присутствии, так как они были скрыты за окраиной деревни, — дали залп с правого берега. От сильного сотрясения сердце мое учащенно забилось. Чудовище уже поднимало камеру теплового луча, когда первый снаряд разорвался в шести метрах над его колпаком.

Я вскрикнул от волнения. Я забыл про остальных марсианских чудовищ: все мое внимание было отвлечено происходившим. Почти одновременно с первым два других снаряда разорвались в воздухе вблизи туловища марсианина. Колпак его наклонился, но не успел увернуться от четвертого снаряда.

Снаряд ударил прямо в лицо марсианину: колпак треснул и разлетелся на множество исковерканных кусков красного мяса и сверкающего металла.

— Есть, — не то вскрикнул, не то взвизгнул я.

В ответ послышались крики людей, стоявших в воде невдалеке от меня. От восторга я готов был выскочить на сушу.

Обезглавленный треножник пошатнулся, как пьяный великан, но не упал, сохранив каким-то

чудом равновесие. Никем не управляемый, с высоко поднятой камерой, испускавшей тепловой луч, он быстро, но не твердо, зашагал по Шеппертону. Его воплощенный разум — марсианин, сидевший под колпаком, — был убит, разорван в клочья, и чудовище стало теперь слепой сложной машиной, которая неслась навстречу собственному разрушению. Треножник шагал никем не управляемый, по прямой линии, но вдруг натолкнулся на колокольню шеппертонской церкви, раздробил ее, словно таран, отшатнулся и с грохотом рухнул в реку.

Раздался взрыв, и целый смерч воды, пара, ила и обломков металла взлетел высоко к небу. Камера теплового луча погрузилась в воду, и вода закипела. В следующий миг огромная волна, такая горячая, что в ней почти можно было свариться, покатилась по берегу вверх против течения. Я видел, как люди барахтались и старались выбраться на сушу, и слышал их кряки и вопли, заглушаемые шипеньем кипящей воды и громыханьем бившегося треножника.

Не обращая внимания на жар, забыв про опасность, я оттолкнул какого-то мужчину в черном костюме и поплыл по бурлящей реке, пока не добрался до поворота. Штук шесть пустых ло-

док качались беспомощно на волнах. Упавший марсианин лежал поперек реки немного дальше вниз по течению. Почти весь целиком он был под водой.

Густые облака пара поднимались над местом его падения. Сквозь туманную пелену я разглядел гигантские члены чудовища, бившегося в воде и выбрасывавшего в воздух фонтаны жидкой грязи и пены. Щупальца вздымались и бились, как руки, и если бы не беспомощная бесполезность этих движений, то можно было бы подумать, что какое-то раненое существо борется за жизнь среди волн. Густая струя красновато-коричневой жидкости била вверх из машины.

Мое внимание было отвлечено от этого зрелища ужасным ревом, напоминавшим рев паровой сирены. Какой-то человек, стоя по колени в воде, невдалеке от тропинки, по которой ходят с бечевой, что-то кричал мне и на что-то указывал. Оглянувшись, я увидел другого марсианина, огромными шагами приближавшегося к реке со стороны Чертси. Пушки из Шеппертона тщетно стреляли в него.

Я нырнул и поплыл, пока не стал мучительно задыхаться. Вода бурлила и быстро нагревалась.

Когда на секунду я высунул голову, чтобы пере-

вести дух, откинул спустившиеся на лоб волосы и протер глаза, то увидел, что кругом белыми клубами поднимается пар, скрывший марсианина. Шум был оглушительный. Потом я заметил две серые колоссальные фигуры, казавшиеся сквозь туман еще огромнее. Они прошли мимо меня и остановились над пенящимися и бьющимися останками своего товарища.

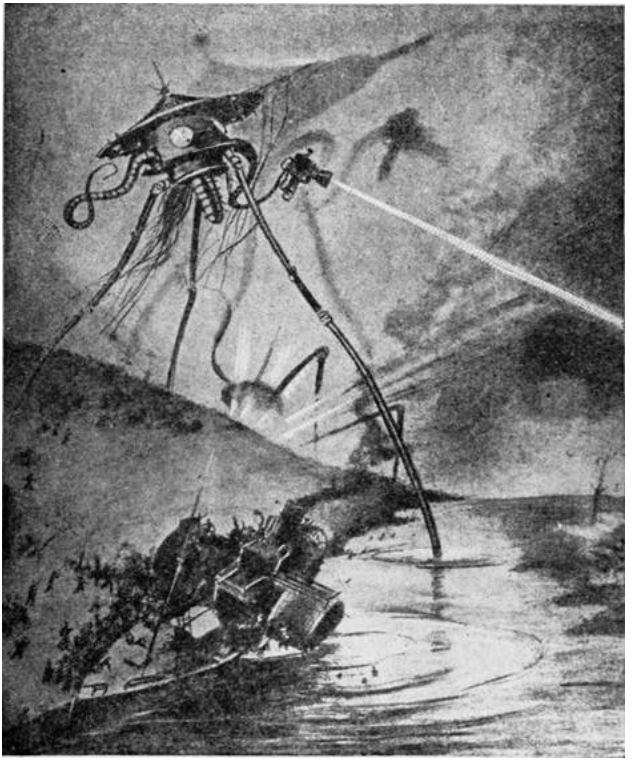
Третий и четвертый марсианин стояли возле него в воде, один метрах в двухстах от меня, другой — дальше к Лелхему. Генераторы теплового луча были высоко подняты, и шипящие лучи скользили то туда, то сюда.

Воздух гудел от оглушительного хаоса звуков: пронзительный крик марсиан, грохот рушащихся домов, шипенье охваченных пламенем деревьев, заборов, сараев, вой и треск огня. Густой черный дым поднимался кверху и смешивался с паром, клубящимся над рекой. Когда тепловой луч начал скользить по Уэйбриджу, каждое его прикосновение отмечалось белою вспышкою, за которой следовала дымная пляска багрового пламени. Ближайшие дома все еще стояли нетронутые, ожидая своей участи, сумрачные, бледные, на огненном зыбком фоне.

Быть может, минуту стоял я по самую грудь

в почти кипящей воде, совсем ошеломленный, потеряв всякую надежду на спасение. Сквозь пар я видел, как люди перебирались через камыши на берег, словно лягушки, удирающие по траве при появлении человека, и, охваченные Ужасом, разбегались в разные стороны.

Вдруг белые вспышки теплового луча стали приближаться ко мне. Дома рушились от его прикосновения, и их охватывало пламя, деревья с шумом превращались в огненные столпы. Луч скользил вверх и вниз по прибрежной тропе, сметая разбегавшихся людей, и наконец спустился до самой воды, метрах в пятидесяти от того места, где я стоял. Потом он перенесся на другой берег к Шеппертону, вода под ним закипела и стала превращаться в пар. Я бросился к берегу.



Марсианин держал генератор теплового луча.

В следующую минуту огромная волна, горячая как кипяток, обрушилась на меня сзади. Я закричал и, полуслепой, обваренный, вне себя от боли начал карабкаться на берег. Поскользнись я, все было бы кончено. Наконец, совсем обессилев, я упал на глазах у марсиан на широкой песчаной отмели при слиянии Темзы и Уэя. Я считал себя уже погибшим.

Как сквозь сон помню марсианина, который прошел метрах в двадцати от моей головы, увязая ногами в гравии. Потом, после долгого промежутка два марсианина пронесли останки своего

товарища. То совсем смутно, то немного отчетливее обрисовывались они сквозь пелену дыма, расползавшегося по реке и лугам. Только тогда я догадался, да и то не сразу, что каким-то чудом избежал гибели.

XIII
Как я встретился с викарием

Неожиданно получив урок, доказавший им силу земного оружия, марсиане отступили к своей первоначальной позиции на Хорзеллском лугу и второпях, обремененные останками поверженного товарища, вероятно, проглядели много таких же единичных и незначительных жертв, как я. Если б они бросили свою ношу и двинулись дальше, то на всем пути своем до Лондона встретили бы лишь несколько батарей двенадцатифутовых орудий. Они, наверное, появились бы в столице раньше, чем туда могла достичь весть об их приближении, и их неожиданный приход был бы так же губителен и ужасен, как землетрясение, разрушившее Лиссабон[6] сто лет назад.

Но они не торопились. Цилиндр следовал за цилиндром в межпланетном пространстве, и каждые двадцать четыре часа приносили им подкрепление. А тем временем наши военно-морские власти, уяснив себе наконец все грозное могущество противника, работали с бешеной

---

[6] Примечания: 6
Это страшное землетрясение произошло 1 ноября 1755 года.

энергией. Ежеминутно новые пушки прибывали на позиции, и еще до наступления сумерек за каждой рощицей, за каждым рядом пригородных дач на холмистых склонах между Кингстоном и Ричмондом уже скрывались подстерегающие черные жерла орудий.

На всем обугленном и опустошенном пространстве в пятьдесят квадратных километров вокруг лагеря марсиан на Хорзеллском лугу, среди куч пепла и развалин, под черными и обгорелыми остатками сосновых лесов, прятались отважные разведчики с гелиографами, которые должны были тотчас же предупредить канониров о приближении марсиан. Но марсиане поняли тактику нашей артиллерии и опасность близости людей: всякий, кто пытался подойти к одному из цилиндров ближе, чем на полтора километра, расплачивался за это своей жизнью.

По-видимому, гиганты потратили все утро на переноску груза из второго и третьего цилиндров — второй упал у Эдльстона, третий у Пирфорда — к своей яме на Хорзеллском лугу. Над почерневшим вереском и разрушенными строениями стоял на часах один марсианин. Остальные спустились со своих боевых машин в яму. Они работали до поздней ночи, и из ямы вырывались

вспышки густого зеленого дыма, который был виден с холмов Мирроу и даже, как говорят, из Бенстеда и Ипсома.

В то время как марсиане позади меня готовились к новой вылазке, а впереди человечество собиралось дать им отпор, я с величайшими трудностями и мучениями пробирался из пылающего Уэйбриджа к Лондону.

Увидев плывшую вниз по течению пустую лодку, я сбросил большую часть своей промокшей одежды, поплыл за лодкой, догнал ее и спасся таким образом от гибели. Вёсел не было. Обожженными руками я подгребал, сколько мог, вниз по течению к Голлифорду и Уолтону, подвигаясь очень медленно и боязливо оглядываясь назад. Я предпочел водный путь, так как на воде легче было спастись в случае, если бы гиганты воротились.

Вода, разогревшаяся от падения марсианина, текла вниз по реке, и потому берега почти на протяжении километра были окутаны паром. Впрочем, один раз я различил несколько черных фигур, торопливо шагавших через луга со стороны Уэйбриджа. Голлифорд казался вымершим, несколько домов горело у самого берега. Странно было видеть под знойным голубым небом

спокойное и безлюдное селение, над которым взлетали языки пламени и клубились облака дыма. Первый раз в жизни видел я пожар, не сопровождавшийся суетою толпы. Сухой камыш на отмели тоже дымился и горел, и огонь упорно подбирался к стогам, стоявшим на лугу.

Нравственно и физически измученный пережитыми ужасами и веявшим от воды жаром, я отдался на время течению. Однако страх оказался сильнее усталости, и я снова стал грести руками. Солнце жгло мою обнаженную спину. Наконец, когда за поворотом показался Уолтонский мост, начавшаяся лихорадка и слабость победили страх. Я причалил к низкому берегу Мидлсекса и в изнеможении растянулся на траве. Было около

четырех или пяти часов пополудни. Я встал очень скоро, прошел около километра, не встретив ни души, и снова улегся в тени изгороди. Припоминаю, что я как будто разговаривал сам с собой; помню также, что меня томила жажда, и я сожалел, что не напился вдоволь из реки. Интересно отметить, что я сердился на свою жену. Меня, конечно, нельзя осуждать за это: бессильное желание добраться до Лезерхеда раздражало меня.

Не помню уже, каким образом появился викарий. Кажется, я задремал. Я увидел, что он сидит рядом со мной, в сюртуке, в запачканной сажей рубашке, запрокинув кверху гладко выбритое лицо, и смотрит на слабые отблески, пляшущие в небе. Небо было покрыто барашками, то есть рядами легких перистых облаков, чуть окрашенных летним закатом.

Я встал, и он обернулся ко мне.

— Нет ли у вас воды? — спросил я, не поздоровавшись. Он покачал головой.

— Вы целый час все просите пить, — сказал он.

Мы помолчали с минуту, рассматривая друг друга. Надо полагать, внешность моя показалась ему довольно странной: я был почти голый — на мне остались только насквозь промокшие брюки и носки, — красен от ожогов, с лицом и шеей, черными от дыма. Он, видимо, совсем пал духом: нижняя челюсть его отвисла, и волосы льняными завитками ниспадали на низкий лоб. Глаза у него были большие, светло-голубые, растерянные. Он говорил отрывисто, глядя куда-то в сторону.

— Что это значит? — спросил он. — Что значит все это?

Я поглядел на него и ничего не ответил. Он протянул ко мне белую тонкую руку и заговорил жалобно:

— Почему дозволяются такие вещи? Чем мы согрешили? Сегодня, после ранней обедни, я вышел на улицу, чтобы погулять немного и освежиться. И вдруг — огонь, землетрясение, смерть! Содом и Гоморра! Все наши труды пропали даром. Кто такие эти марсиане?

— А кто такие мы сами? — ответил я, откашливаясь. Он обхватил руками колени и снова повернулся ко мне. С полминуты он рассматривал меня молча.

— Я прогуливался по дороге, чтобы освежиться, — сказал он. — И вдруг огонь, землетрясение, смерть!

Снова он замолчал. Подбородок его почти касался колен. Потом он заговорил опять, размахивая рукой.

— Все труды. Все воскресные школы. Чем мы провинились? В чем виноват Уэйбридж? Все исчезло, все разрушено. Церковь! Мы только три года тому назад ее перестроили, — она исчезла, стерта с лица земли! Почему?

Новая пауза. И снова он забормотал, как слабоумный.

— Дым от ее пожарища будет вечно подниматься к небу! — воскликнул он.

Его глаза блеснули; костлявым пальцем он указывал на Уэйбридж. Я начал догадываться, что передо мной душевнобольной. Ужасная трагедия, свидетелем которой он был, — очевидно, он спасся бегством из Уэйбриджа, — потрясла его рассудок.

— Далеко ли отсюда до Сенбери? — спросил я деловым тоном.

— Как же нам быть? — возразил он. — Неужели эти твари встречаются повсюду? Неужели Земля отдана им во власть?

— Далеко ли до Сенбери?

— Ведь только сегодня утром я служил раннюю обедню.

— Обстоятельства переменились, — сказал я спокойно. — Не отчаивайтесь. Еще есть надежда.

— Надежда?!

— Да, надежда, несмотря на все эти разрушения.

Я стал излагать ему свой взгляд на наше положение.

Сперва он слушал с интересом, но скоро впал в

прежнее мрачное равнодушие и отвернулся. Его взгляд снова начал блуждать по сторонам.

— Это начало конца, — прервал он меня. — Конец. Великий и страшный день господа нашего.

Я старался разубедить его и, встав, положил руку ему на плечо.

— Будьте мужчиной, — сказал я. — Вы просто потеряли голову. Хороша вера, если она не может устоять перед несчастием! Подумайте, сколько раз в истории человечества повторялись землетрясения, потопы, войны и извержения вулканов. Почему бог должен сделать исключение для Уэйбриджа? Ведь он не агент страхового общества. Он слушал молча и вдруг спросил:

— Но как мы можем спастись? Они неуязвимы, они безжалостны…

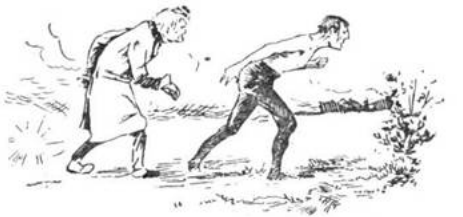
— Ни то, ни другое, может быть, — ответил я. — Но чем могущественнее они, тем бдительнее и тверже должны быть мы. Один из них убит три часа тому назад.

— Убит! — воскликнул он, взглянув на меня. — Разве можно убить посланца божия?

— Я сам видел это, — продолжал я. — Мы с вами угодили как раз в самую свалку, только и всего.

— Что это за миганье в небе? — вдруг спросил он.

Я объяснил ему, что это сигналы гелиографа — небесное знамение человеческой силы и воли к борьбе.



— Мы находимся как раз посредине, — сказал я. — Пока все спокойно. Но это миганье в небе возвещает о приближающейся грозе. Там находятся марсиане, а в стороне Лондона, за холмами около Ричмонда и Кингстона, под прикрытием деревьев роют окопы и ставят пушки. Марсиане пойдут по этой дороге…

Я не успел кончить, как он вскочил и остановил меня движением руки:

— Слушайте, — сказал он.

Из-за реки, со стороны низких холмов донесся глухой гул далеких орудий и какой-то странный слабый крик. Потом все стихло. Майский жук жужжа пролетел над изгородью мимо нас.

Высоко на западе, над дымящимся пожарищем Уэйбриджа и Шеппертона и знойным великолепием заката, висел в небе тусклый и бледный молодой месяц.

— Нам лучше пойти по этой тропинке к северу, — сказал я.

XIV
В Лондоне

В то время, когда в Уокинге упал первый цилиндр, мой младший брат находился в Лондоне. Он был студентом-медиком и готовился к экзамену. До самой субботы он ничего не слыхал о появлении марсиан. Утренние субботние газеты, в дополнение к длинным научным статьям о Марсе, о жизни на планетах и тому подобных вещах, напечатали краткую, в довольно неясных выражениях составленную телеграмму, производившую сильное впечатление именно своей лаконичностью.

«Марсиане, напуганные приближением толпы, убили несколько человек из скорострельной пушки», гласила телеграмма. Заканчивалась же она следующими словами: «При всей своей кажущейся мощи, марсиане до сих пор не покинули ямы, в которую свалились. Очевидно, они не способны сделать это. Вероятно, им мешает сила земного тяготения». Для успокоения публики авторы передовых статей особенно упирали на это обстоятельство. — Конечно, все студенты,

собравшиеся в биологической аудитории университета, куда пришел в тот день и мой брат, чрезвычайно заинтересовались этим сообщением, но на улицах не заметно было никакого особенного волнения. Вечерние газеты вышли с сенсационными заголовками, но сообщали только о продвижении войск к Хорзеллскому лугу и о пожаре сосновых лесов между Уокингом и Уэйбриджем. В восемь часов «St. James's Gazette» («Сент-Джемская газета») в экстренном выпуске кратко сообщила о перерыве телеграфных сообщений. Предполагалось, что линия повреждена упавшими от пожара соснами. Ночью еще не было получено никаких известий о сражении. А это была та самая ночь, когда я ездил в Лезерхед и обратно. Мой брат не беспокоился о нас, так как знал из газет, что цилиндр упал по меньшей мере в трех километрах от моего дома. Он собирался поехать ко мне, чтобы — как он говорил — поглядеть на эти существа с Марса, пока их не умертвили. Около четырех часов он послал мне телеграмму и остаток вечера провел в каком-то мюзик-холле. Телеграммы этой я так и не получил.

В Лондоне в ночь под воскресенье также разразилась гроза, и брат мой поехал на Ватерлооский

вокзал на извозчике. Прождав некоторое время на платформе, с которой отправляется ночной двенадцатичасовой поезд, он узнал, что вследствие какой-то несчастной случайности поезда в эту ночь не доходят до Уокинга. Почему именно — он так и не добился, — об этом не знало даже железнодорожное начальство. Администрация полагала, что где-то между Байфлитом и Уокингом произошло крушение, и потому ночные поезда, обычно ходившие через Уокинг, направлялись через Вирджиния-Уотер или Голлифорд; особого беспорядка на вокзале не было. Зато много хлопот железнодорожным чиновникам доставили экскурсии Соутгемптонского и Портсмутского воскресных союзов, для которых пришлось выработать новый маршрут. Какой-то репортер вечерней газеты, обманутый сходством брата с начальником движения, хотел получить от него интервью. Почти никто, если не считать некоторых железнодорожных служащих, не ставил этого крушения в связь с марсианами.

Впоследствии я читал в одном из описаний всех этих событий, что будто бы еще в воскресенье утром «весь Лондон был наэлектризован сообщениями из Уокинга». В действительности ничего подобного не было. Большинство лондонских

обывателей впервые услышало о марсианах только в понедельник утром, когда началась паника. Даже те, которые слышали о них раньше, не сразу разобрались в наспех составленных сообщениях воскресных газет. Да и вообще в Лондоне мало кто читает воскресные газеты.

Кроме того, лондонцы настолько свыклись с сознанием своей личной безопасности, а сенсационные выдумки так часто встречались в тогдашних газетах, что никто не был особенно встревожен следующим сообщением:

«Вчера вечером, около семи часов, марсиане вышли из цилиндра и, двигаясь под прикрытием металлических щитов, совершенно разрушили станцию Уокинг с расположенными поблизости от нее домами и уничтожили целый батальон Кардиганского полка. Подробности неизвестны. Пулеметы оказались совершенно бессильными против брони марсиан, а полевая артиллерия разбита. Обратившиеся в бегство гусары галопом вернулись в Чертси. По-видимому, марсиане медленно подвигаются к Виндзору или к Чертси. В Западном Серрее общее беспокойство. Возводятся зем-ляные укрепления, чтобы преградить доступ к Лондону».

Это было напечатано в «Sunday Sun» («Воскрес-

ном Солнце»), а в газете «Referee» («Третейский Судья») остроумный фельетонист писал, что вся эта история напоминает панику, вызванную на деревенской улице внезапно вырвавшимся на волю зверинцем.

Никто в Лондоне не знал, что такое бронированные марсиане; почему-то упорно держалось мнение, будто эти чудовища очень неповоротливы. «Ползают», «с трудом тащатся» — вот выражения, которыми изобилуют почти все первые телеграммы. По мере того, как поступали свежие Новости, воскресные газеты печатали экстренные выпуски, а некоторые делали это

даже при отсутствии всяких новостей. Но по сути дела они ничего не могли сообщить своим читателям, так как ни одна телеграмма не была послана непосредственными очевидцами событий. Лишь поздно вечером газеты получили правительственное сообщение о том, что население Уолтона, Уэйбриджа и всего того района поголовно движется к Лондону.

Утром, все еще ничего не зная о событиях минувшей ночи, брат отправился в церковь. Там услышал он толки о вторжении неведомого врага и особую молитву о сохранении мира. При выходе он купил номер «Referee» («Третейского Судьи»). Взволнованный прочитанными известиями, он отправился на Ватерлооский вокзал узнать, восстановилось ли железнодорожное движение. Пассажиры омнибусов и извозчичьих карет, велосипедисты и многочисленные пешеходы, наряженные по-праздничному, довольно спокойно слушали сенсационные новости, выкрикиваемые газетчиками. Почти все проявляли любопытство, но тревожились только те, у кого были родственники в угрожаемых местностях. На вокзале брат в первый раз услышал, что телеграфная связь с Виндзором и Чертси прервана. Носильщики сказали ему, что со станции

Байфлит и Чертси получено утром несколько важных депеш, но что теперь телеграф почему-то не работает. Брат не мог добиться от них более точных сведений. «Около Уэйбриджа идет бой» — вот все, что они знали.

Движение поездов сильно расстроилось. На вокзале собралась толпа, поджидавшая прибытия родных и знакомых. Какой-то седой старый господин громко ругал Юго-Западную железнодорожную компанию.

— Ее нужно подтянуть, — ворчал он.

Пришли два-три поезда из Ричмонда, Петни и Кингстона с лондонскими жителями, которые выехали было покататься на лодках, но нашли шлюзы запертыми и, почувствовав, что в воздухе носится паника, поспешили вернуться.

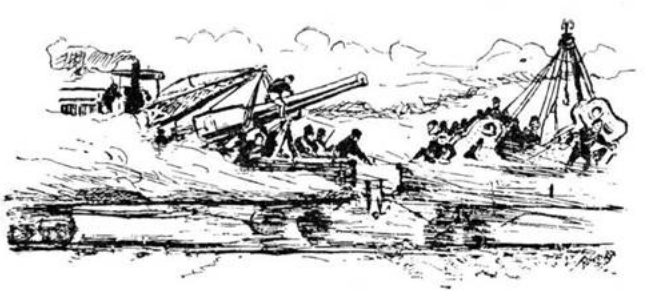
Брат разговорился с каким-то мужчиной в голубом с белым спортивном костюме.

— Множество людей едет по направлению к Кингстону на возах, на телегах, на чем попало; с сундуками, со всем скарбом, — говорил этот человек. — Едут из Молсея, Уэйбриджа и Уолтона и рассказывают, что около Чертси раздается оглушительная пальба, и конные солдаты велели жителям поскорей выбираться, потому что подходят марсиане. Мы слышали канонаду у

станции Хемптон-Коурт, но думали, что это гром. Что значит вся эта чертовщина? Ведь марсиане не в силах вылезти из своей ямы. Не так ли?

На это мой брат ничего не мог ответить.

Немного спустя он заметил, что какое-то смутное беспокойство сообщилось и пассажирам подземной железной дороги: воскресные экскурсанты почему-то раньше времени возвращались из всех юго-западных дачных местечек — из Бернса, Уимблдона, Ричмонд-парка, Кью и т. д. Но никто не мог рассказать ничего определенного. Все, имевшие какое-либо отношение к работе железной дороги, были, казалось, чем-то раздражены.



Около пяти часов собравшуюся на перроне

толпу сильно взволновало известие о том, что началось движение по обычно закрытой линии между Юго-Западным и Юго-Восточным вокзалами. Вагоны были набиты солдатами; на товарных платформах виднелись огромные пушки. То были орудия из Вульвича и Чертхема, направлявшиеся для защиты Кингстона. Публика шутила с солдатами:

— Вас там съедят!

— Ничего, мы укротители зверей! — И всё в том же роде.

Немного спустя на вокзале появился полицейский взвод и стал разгонять толпившийся на перронах народ. Брат мой вышел на улицу.

Церковные колокола звонили к вечерне, и отряд девушек из Армии Спасения шел с пением по Ватерлоород. На мосту куча зевак глазела на странную коричневую пену, клочьями плывшую вниз по течению. Солнце садилось. Часовая башня и здание парламента четко обрисовывались на фоне самого спокойного неба, какое только можно себе представить: золотого, с грядой розовато-пурпурных облаков. Говорили, что недавно здесь проплыл утопленник. Какой-то прохожий — по его словам, солдат запаса — сказал брату, что на западе он заметил сигналы гелиографа.

На Уэллингтон-стрит брат встретил двух бойких газетчиков, которые только что выбежали с Флит-стрита с еще сырыми газетами, испещренными ошеломляющими заголовками.

— Ужасная катастрофа! — выкрикивали они наперебой.

— Бой под Уэйбриджем! Подробное описание! Марсиане отбиты! Лондон в опасности!

Брату пришлось отдать целых три пенса за номер газеты.

Только теперь он понял, как грозны и опасны чудовища, прилетевшие с Марса. Он узнал, что это не кучка маленьких, неповоротливых созданий, но разумные существа, управляющие гигантскими механизмами; что они способны быстро передвигаться и наносить такие мощные удары, против которых бессильны даже самые дальнобойные пушки.

В газете о них говорилось как о «громадных паукообразных машинах, почти в сто футов вышиной, способных передвигаться со скоростью курьерского поезда и умеющих выбрасывать какой-то интенсивный тепловой луч». Далее сообщалось следующее: замаскированные батареи, преимущественно полевые орудия, расставлены вокруг Хорзеллского луга, — особенно много сил сосредоточено по дороге к Лондону; видели, как пять машин двигались к Темзе; одна из них благодаря счастливой случайности была уничтожена, — обычно снаряды не достигали цели, и батареи мгновенно истреблялись тепловым лучом. Упоминалось также о тяжелых потерях среди солдат, но в общем газетный отчет был

составлен в оптимистических тонах.

Как никак марсиане отбиты! Выяснилось, что они уязвимы. Они отступили к треугольнику, образованному тремя упавшими около Уокинга цилиндрами. Разведчики с гелиографами надвигаются на них со всех сторон. Орудия быстро подвозятся из Виндзора, Портсмута, Олдершота, Вульвича и даже с севера. Между прочим, из Вульвича посланы дальнобойные девяностопятитонные пушки. Около ста шестидесяти орудий поставлено на позиции, прежде всего для защиты Лондона. Никогда еще в Англии не производилось с такой быстротой и в таких грандиозных масштабах сосредоточение военных сил!

Выражалась надежда, что все вновь падающие цилиндры будут впредь уничтожаться сильнейшими взрывчатыми веществами, которые уже заготовлены и рассылаются. «Бесспорно, — говорилось в отчете, — положение необычное и грозное, но население не должно поддаваться панике. Конечно, марсиане ужасны, но ведь их менее двух десятков, а нас миллионы!»

«Принимая во внимание размеры цилиндров, власти имеют основание предполагать, что в каждом находится не более пяти марсиан. Всего, значит, их пятнадцать. По крайней мере один

из них уже выбыл из строя, а быть может — и больше. Население будет своевременно предупреждено о приближении опасности; особые меры принимаются для охраны жителей юго-западных предместий». Новыми уверениями в безопасности Лондона и выражением твердой надежды, что власти сумеют справиться со всеми трудностями, кончалось это полуофициальное сообщение.

Оно было напечатано самым крупным шрифтом на еще непросохшей бумаге, и у редакции не хватило времени, чтоб добавить сюда хотя бы одно слово от своего имени. Любопытно было видеть, рассказывал брат, как безжалостно все остальное содержание газеты было скомкано и урезано, чтобы дать место этому сообщению. На Уэллингтон-стрит нарасхват раскупали экстренный выпуск, а на Стренде уже раздавались выкрики целой армии газетчиков. Люди даже вылезали из омнибусов, чтобы заполучить газету. Ставни магазина географических карт на Стренде были раскрыты; какой-то человек, одетый по-праздничному, в лимонно-желтых перчатках, стоял в витрине и поспешно приклеивал к стеклу карты Серрея.

Проходя по Стренду до Трафальгар-сквера с

газетой в руке, брат встретил нескольких беглецов из Западного Серрея. Какой-то мужчина правил тележкой вроде тех, какими пользуются зеленщики; в ней сидела его жена с двумя мальчиками, и был навален домашний скарб. Тележка ехала со стороны Вестминстерского моста, а за нею следом тащилась фура для сена, в которой устроились пять или шесть прилично одетых мужчин с сундуками и узлами. Лица у беженцев были испуганные; все они резко отличались от празднично разодетых пассажиров омнибусов. Люди в элегантных костюмах с удивлением выглядывали из кебов. Беглецы в нерешительности остановились у сквера, потом свернули на восток по Стренду. Какой-то мужчина в рабочей одежде проехал за ними на старинном трехколесном велосипеде с маленьким задним колесом. Он был весь в грязи. Лицо его было бледно.

Мой брат повернул к Виктория-стрит и снова натолкнулся на толпу беженцев. У него мелькнула смутная надежда, что он, быть может, встретит меня. Он увидел усиленные наряды полицейских, которые регулировали движение. Некоторые из беженцев разговаривали с пассажирами омнибусов. Один уверял, что видел марсиан:

— Котлы на ходулях, говорю вам, и шагают,

как люди!

Большинство беженцев было взволновано и возбуждено недавними впечатлениями.

На Виктория-стрит рестораны были переполнены вновь прибывшими. На всех перекрестках люди толпились кучками, читали газеты, нервно переговаривались или смотрели на этих необычных пришельцев. Беженцы все прибывали, а к вечеру, по словам брата, улицы походили на окрестности Ипсомского ипподрома в день скачек. Брат не раз пытался завести беседу с беженцами, но они давали весьма неопределенные ответы.

Никто не мог сообщить ничего нового о судьбе Уокинга. Впрочем, один человек уверял его, что Уокинг совершенно разрушен еще прошлой ночью.

— Я из Байфлита, — говорил он. — Какой-то велосипедист проехал рано утром, останавливаясь у каждого дома и советуя всем нам уходить возможно скорее. Потом явились солдаты. Мы вышли посмотреть, что делается: на юге был виден дым, только дым, и никто не приходил по той дороге. Потом мы услышали пальбу со стороны Чертси. Из Уэйбриджа повалил народ. Я запер свой дом и ушел вслед за другими.

К этому времени в разных частях города появились признаки недовольства; ругали правительство, не умевшее справиться с марсианами и ввергшее страну в такие беды.

Около восьми часов в южной части Лондона раздалась канонада. Сперва мой брат не расслышал ее из-за шума на главных улицах, но, свернув в более тихие кварталы у реки, он ясно различил гул.

В начале девятого он направился обратно от Вестминстера к себе на квартиру у Риджентс-парка. Он очень тревожился обо мне и вполне понимал всю серьезность обру-шившегося на нашу страну бедствия. Подобно мне, он проникся на некоторое время воинственным пылом. Он думал о безмолвных пушках, стоявших в боевой готовности, о таборах беженцев, старался представить себе «котлы на ходулях в сто футов вышиною».

На Оксфорд-стрит ему попались две-три телеги с беглецами: на Мериблон-род — еще несколько; но известие распространялось так медленно, что Риджентс-стрит и Портленд-род кишели обычной воскресной толпой гуляющих, хотя кое-где и собирались уже группы, обсуждавшие последние события. В Риджентс-парке, как всегда, под редкими газовыми фонарями прохаживались

молчаливые парочки. Ночь была теплая и тихая, немного душная; гул орудий доносился с перерывами; после полуночи на юге блеснуло что-то вроде молнии.

Брат читал и перечитывал газету, опасаясь, что со мной случилось какое-нибудь несчастье. Он не мог успокоиться и после ужина снова отправился бесцельно бродить по городу. Потом вернулся и тщетно попытался заняться своими лекционными записями. Он лег спать после полуночи, но вскоре среди какого-то мрачного сновидения его пробудил стук дверных молотков[7], топанье ног по мостовой, отдаленный барабанный бой и звон колоколов. На потолке играли красноватые отблески. С минуту он лежал, стараясь понять, что случилось: наступил судный день, или весь мир сошел с ума? Потом вскочил с постели и подбежал к окну.

Его комната помещалась в мезонине, и он, распахнув со звоном окно, услышал крики, доносившиеся с улицы. Из окон высовывались и перекликались заспанные неодетые люди.

— Они уже близко! — кричал полицейский, стуча в дверь. — Марсиане приближаются! — И

[7] Примечания: 7

В Англии у входных дверей вместо звонка обычно висит молоток, на стук которого и откликается хозяин.

он поспешил к следующей двери.

С колоколен всех церквей доносился беспорядочный набат. В казармах на Олбани-стрит гремели барабаны и трубили рожки. Хлопали двери; в окнах домов на противоположной стороне улицы вспыхивали желтые огни, казавшиеся особенно яркими после густого мрака.

По улице пронеслась во весь опор карета с опущенными занавесками. Шум колес вырвался вдруг из-за угла, перешел в оглушительный грохот под окном и замер в отдалении. Вслед за каретой пронеслись два извозчичьих кеба — авангард целой вереницы экипажей, мчавшихся к вокзалу Чок-Фарм. Там производилась посадка на экстренные поезда Северо-Западной дороги, уже не спускавшиеся к Юстону.

Долго брат смотрел из окна, охваченный тупым изумлением. Он видел, как полицейские перебегали от двери к двери, стуча молотками и передавая какие-то приказания. Вдруг внутренняя дверь отворилась, и вошел жилец, занимавший соседнюю комнату. Он был в рубашке, брюках и туфлях; подтяжки болтались у него за спиной, и волосы были взлохмачены.

— Что за чертовщина? — спросил он. — Пожар? Что за дьявольская суматоха!

Оба они высунули головы из окна, стараясь разобрать, что кричат полицейские. Из боковых улиц повалил народ, останавливаясь кучками на углах.

— Что за чертовщина? — снова спросил сосед.

Мой брат пробормотал что-то в ответ и стал одеваться. С каждой принадлежностью своего туалета он подбегал к окну, чтобы видеть все, происходящее на улице. Откуда-то налетели газетчики; они продавали необычно рано вышедшие газеты и орали во все горло:

— Лондон под угрозой удушения! Укрепления Кингстона и Ричмонда взяты! Ужасная бойня в долине Темзы!

И повсюду кругом, в нижних квартирах, в соседних домах и в домах на той стороне улицы, за

парком и на всех прочих бесчисленных улицах Мериблона, в округе Вестберн-парка и в приходе св. Панкратия, и дальше на запад и на север — в Кильберне, Сен-Джонс-Вуде и Хемп-стеде, и на восток — в Шордиче, Хайбери, Хаггерстоне и Хокстоне; на всем громадном протяжении Лондона — от Илинга до Ист-Хема — люди протирали глаза, отворяли окна, выглядывали на улицу, задавали недоуменные вопросы и поспешно одевались. Первое дыхание надвигавшейся бури страха пронеслось по улицам. Паника начиналась. Лондон, спокойно уснувший в воскресенье вечером, проснулся в понедельник утром с острым сознанием смертельной опасности.

Не имея возможности разузнать из окна, что случилось, брат спустился вниз и вышел на улицу. Над крышами домов розовела заря. Толпа бегущих пешеходов и поток экипажей разрастались с каждой минутой.

— Черный дым! — слышались вопли. — Черный дым!

Страх расползался, как эпидемия. Стоя в нерешимости у порога, брат увидел газетчика и купил газету. Газетчик бежал вместе со всеми, продавая на бегу газеты по шиллингу за штуку, — забавная смесь корысти и трусости.

В газете брат, прочел следующее зловещее донесение главнокомандующего:

«Марсиане посредством ракет рассеивают громадные клубы черного ядовитого дыма. Они уничтожили наши батареи, разрушили Ричмонд, Кингстон и Уимблдон и медленно приближаются к Лондону, сметая все на своем пути. Остановить их невозможно. От черного дыма нет иного спасения, кроме немедленного бегства».

Вот и все. Но и этого было достаточно: население огромного шестимиллионного города зашевелилось, сорвалось с места и побежало. Одной сплошной массой все устремились к северу.

— Черный дым! — слышались крики. — Спасайтесь!

Колокола соседних церквей били в набат. Какая-то неумело управляемая повозка среди криков и ругани налетела на колоду для водопоя. Бледно-желтый свет мелькал в окнах домов; у некоторых кебов не были погашены ночные фонари. А вверху разгоралась заря, холодная, ясная, спокойная.

Брат слышал торопливые шаги в комнатах и

на лестнице. Его хозяйка вышла, набросив шаль поверх ночной кофты; за ней, бормоча что-то, брел ее муж.

Когда брат наконец понял, что происходит, он поспешно вернулся к себе в комнату, захватил все наличные деньги — около десяти фунтов, — сунул их в карман и снова вышел на улицу.

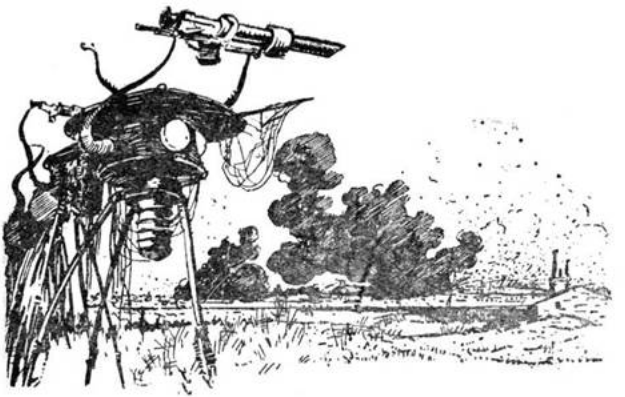
XV
Что случилось в Серрее

В то самое время, когда викарий бормотал чепуху, сидя со мной под плетнем на поле вблизи Голлифорда, а мой брат смотрел на поток беженцев, катившийся по Вестминстерскому мосту, марсиане перешли в наступление.

Если верить сбивчивым рассказам очевидцев, то до девяти часов большинство марсиан оставалось в яме на Хор-зеллском лугу. Они были заняты какой-то спешной работой, сопровождавшейся вспышками зеленого дыма.

Однако установлено, что трое из них вышли оттуда еще около восьми часов вечера и, продвигаясь медленно и осторожно через Байфлит и Пирфорд к Рипли и Уэйбриджу, появились перед готовыми к бою батареями на фоне ярко пылающего заката. Марсиане шли не кучкой, а цепью на расстоянии двух километров один от другого. Они переговаривались посредством какого-то рева, издавая то высокие, то низкие звуки, напоминавшие вой сирены. Этот вой и пальбу орудий мы и слышали у Верхнего Голлифорда.

Артиллеристы, стоявшие у Рипли, неопытные добровольцы, которых не следовало ставить на такую позицию, дали один преждевременный безрезультатный залп и тотчас же обратились в бегство — кто на конях, кто пешком. Марсианин спокойно перешагнул через орудия, даже не пустив в ход теплового луча, прошел вдоль фронта и затем врасплох уничтожил батарею в Пенсхилл-парке.



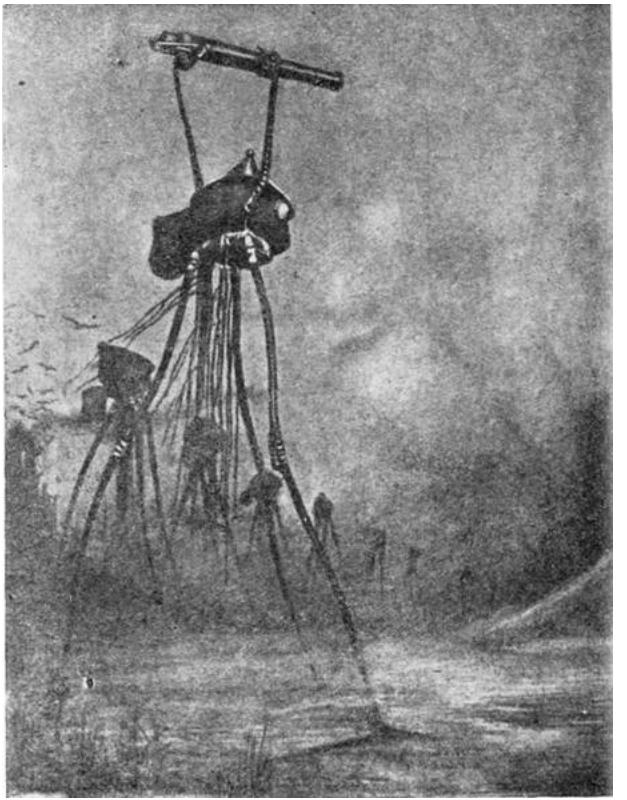
Артиллеристы Сент-Джордж-Хилла имели более искусных начальников или, быть может, занимали лучшую позицию. Укрытые соснами

от ближайшего к ним марсианина, они навели свои орудия тщательно, как на смотру, и дали залп, когда марсианин приблизился к ним на расстояние около тысячи метров.

Снаряды разорвались вокруг марсианина. Он сделал несколько шагов, пошатнулся и упал. Солдаты завопили от радости и с лихорадочной быстротой снова зарядили орудия. Рухнувший марсианин издал продолжительный рев, и тотчас второй блестящий гигант, отвечая ему, показался над деревьями. По-видимому, снарядом была разбита нога треножника. Второй залп не достиг цели. Снаряды пролетели над лежавшим на земле марсианином. Тотчас же два других гиганта подняли камеры теплового луча, направив их на батарею. Все зарядные ящики мгновенно взлетели на воздух, сосны загорелись, и из всей прислуги остались только два или три человека, успевшие убежать за гребень холма.

Подошедшие марсиане остановились и, по-видимому, начали о чем-то совещаться. Разведчики, наблюдавшие за ними, донесли, что они оставались на месте около получаса. Опрокинутый марсианин — маленькая коричневая фигурка, издали похожая на грибной нарост, — неуклюже выполз из своего колпака и занялся починкой

треножника. К девяти часам он уже кончил работу, и его колпак снова показался над лесом.



Все семеро марсиан выстроились полукругом на равном расстоянии друг от друга.

Вскоре после девяти вечера к этим трем часовым присоединились четыре других марсианина, каждый вооруженный большой черной трубой. Такие же трубы были вручены и трем первым. Затем все семеро разместились на равном расстоянии друг от друга по кривой линии между Сент-Джордж-Хиллом, Уэйбриджем и селением Сенд к юго-западу от Рипли.

Лишь только они двинулись вперед, с холмов взлетели сигнальные ракеты, предупреждая батареи, расположенные у Диттона и Эшера, об опасности. В то же время четыре другие боевые машины, также снабженные трубами, переправились через реку. Две из них, чернея на фоне заката, выросли вдруг передо мной и викарием, когда мы, усталые и измученные, плелись по дороге к северу от Голлифорда. Нам казалось, что они двигаются по облаку, потому что молочный туман, покрывавший поля, подымался до одной трети их высоты.

Увидев гигантские треножники, викарий вскрикнул сдавленным голосом и пустился наутек. Но я знал, что бежать от марсианина

бесполезно; поэтому я свернул в сторону и пополз среди покрытых росой зарослей терновника и крапивы в широкую придорожную канаву. Викарий оглянулся, увидел, что я делаю, и побежал назад ко мне. Два марсианина остановились: ближайший к нам обернулся к Сенбери, второй смутно обрисовывался как раз под Вечерней звездой в стороне Стена. Рев марсиан прекратился: в совершенном молчании они заняли позицию, расположившись широким полумесяцем, который охватил цилиндры. Расстояние между рогами полумесяца достигало восемнадцати километров. Ни разу еще со времени изобретения пороха сражение не начиналось в такой тишине.

Нам казалось, как должно было казаться любому наблюдателю, находившемуся в Рипли, что марсиане — единственные властители ночного мрака, освещенного бледной молодой луною, звездами, отблеском заката и красноватым заревом горевших лесов Сент-Джордж-Хилла и Пенсхилла. Но прямо против этого полумесяца, повсюду, у Стена, Хенслоу, Диттона, Эшера, Окхема, за холмами и лесами, к югу от реки, за низкими тучными лугами к северу от нее, из-за деревьев и домов были выставлены орудия.

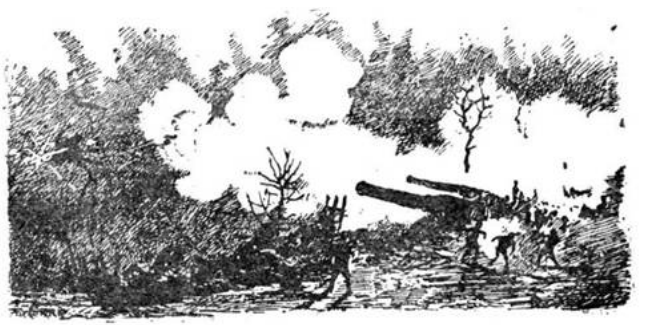
Сигнальные ракеты взвивались и рассыпались искрами во мраке; душевные силы всех тех, кто стоял на батареях, были напряжены до последней степени. Стоит марсианам приблизиться к линии огня, и все эти неподвижные людские силуэты, все эти орудия, поблескивающие в сумерках, будут охвачены громовой яростью боя.

Без сомнения, подобно мне, тысячи этих бодрствующих людей думали об одном и том же: понимают ли марсиане, с кем они имеют дело? Догадались ли они, что нас миллионы и что мы организованы, дисциплинированы и действуем согласованно? Или для них наши выстрелы, неожиданные удары наших снарядов, наша упорная осада их укреплений то же самое, что для нас яростное нападение потревоженного пчелиного роя? Неужели они так самонадеянны, что хотят истребить всех нас? (В это время еще никто не знал, чем питаются обитатели Марса). Сотни таких вопросов приходили мне в голову, пока я наблюдал за стоявшим на страже гигантом. Вместе с тем я думал о том, готов ли Лондон к встрече неприятеля? Повсюду ли вырыты волчьи ямы? Удастся ли заманить марсиан в ловушку к пороховым заводам в Хенслоу? Хватит ли у лондонцев мужества и выдержки, чтобы превратить

свой огромный город в пылающую Москву?

Но вот — после бесконечного, как нам показалось, ожидания — над землей прокатился гул отдаленного пушечного выстрела. Затем второй, много ближе, и за ним — третий. Тут марсианин, стоявший возле нас, высоко поднял свою трубу и выстрелил из нее, как из ружья, с таким грохотом, что земля задрожала. Марсианин у Стена последовал его примеру. При этом ни пламени, ни дыма, просто очень громкий выстрел.

Я был так поражен этими громовыми раскатами, следовавшими один за другим, что, забыв об опасности и о своих обожженных руках, полез на плетень посмотреть, что творится у Сенбери. Раздался новый выстрел, и высоко надо



мной пролетел снаряд. Я ожидал, что увижу дым или огонь, или какой-нибудь иной признак разрушения, но увидел только темно-голубое небо с одинокой звездой и белый туман, стлавшийся по земле. Ни вспышки, ни взрыва! Все было тихо, — прошла всего одна минута.

— Что случилось? — спросил викарий.

— Бог знает, — ответил я.

Летучая мышь пролетела и скрылась. Издали донесся и замер какой-то крик. Я взглянул на марсианина: он быстро и плавно скользил теперь к востоку вдоль берега реки.

Я ждал, что вот-вот на него обрушится огонь какой-нибудь скрытой батареи. Но ничто не нарушило спокойствия ночи. Фигура марсианина уменьшилась, и вскоре туман и ночной мрак поглотили его. Подстрекаемые любопытством, мы вскарабкались повыше. У Сенбери, заслоняя даль, виднелось какое-то темное пятно, как будто только что насыпанный конический холм. Дальше за рекой мы заметили второе такое же возвышение. Эти похожие на холмы силуэты у нас на глазах понижались и расползались.

Пораженный внезапной мыслью, я поглядел на север и там тоже заметил облачный черный курган.

Все было необычайно тихо. Лишь совсем далеко на юго-востоке перекликались марсиане. Воздух снова дрогнул от отдаленного грохота их орудий, но земная артиллерия не отвечала.

Мы не могли понять, что такое происходит. Позже я узнал значение этих зловещих, расползавшихся в темноте черных курганов. Каждый марсианин, следуя какому-то неизвестному нам сигналу, выпускал из похожей на пушку трубы большие металлические баллоны на каждый холм, лесок, дом, словом на все, что могло служить прикрытием для наших орудий. Некоторые марсиане выпустили по одному снаряду, другие по два, например, тот, которого видели мы. Говорят, что гигант, стоявший у Рипли, выпустил не меньше пяти. Ударяясь о землю, баллоны разбивались, но не взрывались при этом, а немедленно выпускали огромный клуб тяжелого чернильного пара, который сперва поднимался кверху, образуя черный облачный курган — газовый холм, а затем опускался и медленно расползался по всей окружающей местности. И прикосновение к этому пару, вдыхание его едких хлопьев умерщвляло немедленно все живое.

Он был тяжел, этот пар, тяжелее самого густого дыма. После взрыва он оседал на землю и заливал ее точно жидкость, стекая с холмов и устремляясь в долины, в углубления, к берегам реки, подобно тому, как углекислота стекает при выходе из вулканических трещин. Там, где пар попадал на воду, происходила какая-то химическая реакция, в результате которой поверхность воды тотчас же покрывалась очень медленно осаждавшейся пыльной накипью. Эта накипь совершенно не растворялась, а потому, несмотря на ядовитость газа, воду, после удаления из нее осадка, можно было пить без всякого вреда для здоровья. Этот пар не распространялся в воздухе, как распространяется настоящий газ. Он висел над ровными местами, стекал по склонам, не рассеивался от

ветра, очень медленно смешивался с туманом и влагой и оседал на землю в виде черной пыли. Мы до сих пор ничего не знаем о составе этого вещества; известно только, что в него входил какой-то неизвестный элемент, дававший четыре линии в голубой части спектра.

После бурного взлета кверху и образования газового конуса черный дым приставал к почве так плотно, что спастись от него можно было на высоте каких-нибудь пятидесяти футов, на крышах, в верхних этажах высоких домов и на высоких деревьях. Это подтвердилось в ту же ночь в Стрит-Кобхеме и Диттоне.

Человек, случайно уцелевший в Стрит-Кобхеме, сообщил любопытные подробности о кольцевом потоке этого газа. Он смотрел вниз с церковного шпиля и видел, как дома выступали из черной бездны, точно призраки. Полтора дня просидел он там, несмотря на усталость, голод и зной. Земля под голубым небом, обрамленная отдаленными возвышенностями, казалась покрытой черным бархатом с торчавшими кое-где в лучах солнца красными крышами и зелеными вершинами деревьев; кусты, ворота, амбары и стены домов казались подернутыми черным налетом.

Но так было в Стрит-Кобхеме, где марсиане не

рассеяли черный дым и он постепенно оседал на землю. В большинстве же случаев марсиане, уничтожив своих врагов, очищали воздух, направляя на газ струю обыкновенного водяного пара.

Именно так рассеяли они облака газа невдалеке от нас, мы наблюдали это при свете звезд из окна покинутого дома в Верхнем Голлифорде, куда мы вернулись. Мы видели, как лучи прожекторов скользили по Ричмонд-Хиллу и Кингстон-Хиллу. Около одиннадцати часов ночи стекла в окнах задрожали, и мы услыхали раскаты тяжелых осадных орудий. С перерывами стрельба по невидимым марсианам у Хемптона и Диттона продолжалась около четверти часа. Потом белые лучи электрического света погасли и сменились огромным красным заревом.

В это время пролетел четвертый цилиндр — яркий зеленый метеор, упавший в Беши-парк, как я впоследствии узнал. Еще до начала канонады у Ричмонда и Кингстона откуда-то с юго-запада донеслась беспорядочная орудийная стрельба. Вероятно, артиллеристы стреляли наугад, пока черный пар не задушил их.

Действуя методично, как люди, обкуривающие осиное гнездо, марсиане разливали этот удушливый газ по окрестностям Лондона. Концы

полумесяца медленно расходились, пока, наконец, атакующие не вытянулись в прямую линию от Генуэлла до Кемба и Мольдена. Всю ночь продвигались вперед их смертоносные трубы. После того, как один из марсиан был сбит со своего треножника у Сент-Джордж-Хилла, они ни разу не дали нашей артиллерии ни малейшей возможности попасть в них. Туда, где пушки стояли под прикрытием, марсиане бросали баллон с черным газом, а там, где батареи находились на открытой местности, действовали тепловым лучом. В полночь деревья, горевшие на склонах Ричмонд-парка, и зарево, пылавшее над Кингстон-Хиллом, освещали облака черного дыма, клубившегося по всей долине Темзы и простиравшегося, насколько хватал глаз. А в дыму расхаживали два марсианина, направляя во все стороны шипящие струи пара.

Марсиане в эту ночь почему-то берегли тепловой луч. Быть может, запас материала для изготовления этого луча был у них ограничен, а быть может — они не хотели опустошать страну и лишь старались сокрушить и подавить всякое сопротивление. Этой цели они, несомненно, достигли. В ночь с воскресенья на понедельник была сделана последняя организованная по-

пытка остановить их наступление. После этого никто уже не осмеливался бороться с ними. Даже команды торпедных лодок и миноносцев, поднявшихся вверх по Темзе со скорострельными пушками, отказались остаться на реке, взбунтовались и ушли в море. После этой ночи борьба с марсианами свелась лишь к закладке мин и устройству волчьих ям. Но даже эти последние проявления человеческой энергии имели какой-то судорожный, полубезумный характер.

Вы только представьте себе судьбу артиллеристов, стоявших у Ишира и с таким страшным душевным напряжением поджидавших врага в вечернем полумраке! Из них не уцелел никто. Вообразите батарею, приготовившуюся к бою: бдительные и расторопные офицеры, канониры на своих местах у орудий, сложенные по соседству снаряды, ездовые с лошадьми и зарядными ящиками, группы штатских зрителей, старающихся подойти как можно ближе, вечерняя тишина; санитарные повозки и госпитальные палатки с обожженными и ранеными из Уэйбриджа. А затем глухой раскат выстрелов со стороны марсиан и тяжеловесный неуклюжий снаряд, пролетающий над деревьями и разбивающийся на соседнем поле.

Можно также вообразить тревожное внимание, которое привлекали к себе развертывающиеся кольца и извивы черного облака, превращавшего сумерки в непроницаемую ночь. Но вот грозный и непостижимый враг — газ — охватывает свои жертвы. Бегут и падают в панике люди и лошади, слышатся вопли ужаса, орудия брошены; корчащиеся в предсмертных муках тела покрывают землю; конус черного дыма все ширится и ширится. И затем тьма и смерть, и безмолвная масса непроницаемого пара над мертвецами.

Незадолго до рассвета черный дым уже стлался по улицам Ричмонда, и распадающийся государственный организм, сделав последнее

предсмертное усилие, объявил населению Лондона о необходимости поспешного бегства.

XVI
Исход из Лондона

Трудно представить себе ту бушующую волну страха, которая прокатилась по величайшему городу мира рано утром в понедельник: ручей бегства вырос скоро в поток, бурно запенившийся вокруг железнодорожных станций, превратился в бешеный водоворот у судов на Темзе и устремился по всем улицам к северу и к востоку. К десяти часам полицейские власти, а к полудню и железнодорожные, утратили всякую организованность, распылились и наконец совсем исчезли в этом быстром разжижении социального тела.

В воскресенье служащие всех железнодорожных линий к северу от Темзы и все жители юго-восточной части города были предупреждены об опасности еще до полуночи; в два часа ночи все поезда были уже переполнены, — люди дрались из-за стоячих мест в вагонах. К трем часам поток беженцев залил даже Бишопсгетстрит. В двухстах метрах от вокзала, на Ливерпульстрит, раздавались револьверные выстрелы, шла поно-

жовщина, и посланные регулировать движение полицейские, измученные и раздраженные, разбивали своими палками головы тем людям, которых должны были охранять.

Скоро машинисты и кочегары стали отказываться от возвращения в Лондон; охваченные паникой толпы устремились от вокзалов к северу по железнодорожному полотну. В полдень у Барнса видели марсианина. Облако медленно оседающего черного пара ползло над Темзой и над Ламбетской низиной, отрезав путь через мосты. Другое облако ползло по Илингу и окружило вершину Замкового холма, как воды окружают островок; жители там уцелели, но бежать не могли.

После бесплодной попытки попасть на северо-западный поезд у Чок-Фарм, — паровоз у товарной платформы двинулся прямо на орущую толпу, и несколько дюжих молодцов еле сдержали публику, хотевшую размозжить машинисту голову о топку, — мой брат свернул с Чок-Фарм-род, перебрался через дорогу, лавируя среди роя мчавшихся экипажей, и на свое счастье поспел одним из первых к разгрому велосипедного магазина. В свалке он слегка поранил себе кисть руки, а передняя шина схваченного им велосипе-

да лопнула, когда он вытаскивал машину через окно. Тем не менее брат вскочил в седло и поехал. Опрокинутые экипажи не позволяли подняться по крутому склону Гаверстон-Хилла, и он направился по Бельсайз-род, выбрался из охваченного паникой города и, повернув на Эджуерское шоссе, к семи часам утра, голодный и усталый, но опередив толпу, достиг Эджуера. По пути он встречал крестьян, глазевших на него в недоумении. Его обогнало несколько велосипедистов, несколько всадников и два автомобиля. Километра за два от Эджуера сломался обод колеса, и машина окончательно вышла из строя. Он бросил ее у дороги и пешком направился к селению. На главной улице магазины были открыты. Жители толпились на мостовой, выглядывали из дверей и окон и дивились необычайному наплыву беженцев, который в то время еще только начинался. Брату удалось перекусить в гостинице.

Он медлил в Эджуере, не зная, что делать дальше. Поток беженцев все разрастался. Многие, подобно моему брату, казалось, хотели остановиться. Ничего нового о завоевателях с Марса не было слышно.

Дорога кишела людьми, но давка еще не началась. Сначала преобладали велосипедисты,

потом появились мчавшиеся стремглав автомобили, кебы, коляски; пыль тянулась густыми облаками по направлению к Сент-Олбенсу.

Быть может, смутное воспоминание о друзьях, живущих в Челмсфорде, заставило наконец брата свернуть на пустынную проселочную дорогу, тянувшуюся к востоку. Он дошел до забора, перебрался через него и настрадался по тропинке на северо-восток. Он проходил мимо одиноких фермерских домиков и каких-то деревушек, названия которых остались ему неизвестными. Он видел мало беженцев, пока, наконец, в заросшем травой переулке у Гай-Барнета не встретился с двумя дамами, которые стали его спутницами. Он явился туда как раз вовремя, чтобы их спасти.

Услыхав крики, он поспешно завернул за угол и увидел, что два хулигана стараются высадить женщин из запряженного маленьким пони кабриолета, а третий с трудом удерживает испуганного пони за голову. Одна из дам, невысокая и одетая в белое платье, беспомощно кричала. Другая, стройная и смуглая, колотила хлыстом по лицу мужчину, схватившего ее за руку.

Брат сразу понял, что здесь творится. Он вскрикнул и поспешил к месту происшествия. Один из нападающих оставил даму и бросился к нему.

Брат, хороший боксер, по выражению лица этого человека увидел, что драка неизбежна. Он прыгнул вперед и сразу сшиб негодяя под колеса.

Тут было не до рыцарской вежливости. Оглушив упавшего пинком ноги, брат потянул за шиворот второго грабителя, который держал за руку стройную брюнетку. Он услышал стук копыт, хлыст скользнул по его лицу, и третий хулиган со всего размаха хватил его кулаком в переносицу. При этом человек, которого он держал за воротник, вырвался и побежал по проселку. Оглушенный ударом, брат остался один на один с субъектом, только что державшим пони. Рослый противник замахнулся вторично, но брат предупредил его стремительным выпадом прямо в лицо. Кабриолет быстро удалялся по проселку,

раскачиваясь из стороны в сторону. Обе женщины со страхом глядели назад. Брат побежал за ними, преследуемый по пятам своим последним врагом, к которому уже спешил на помощь второй нападающий.

Вдруг брат споткнулся и упал. Его преследователь с разбегу пронесся мимо, но когда брат вскочил на ноги, ему пришлось встретиться с двумя противниками. У него было мало шансов справиться с ними, но тут младшая из женщин, оставив лошадь, тоже приняла участие в битве: у нее был револьвер, но, как выяснилось впоследствии, он лежал под сиденьем, когда хулиганы остановили кабриолет. Теперь она достала свое оружие и спустила курок на расстоянии шести ярдов, едва не угодив пулей в брата.

Более трусливый грабитель немедленно пустился наутек. Второй погнался за ним, ругательски ругая его за трусость.

Оба они остановились в конце переулка возле товарища, лежавшего на земле без движения.

— Возьмите, — оказала смуглая дама, подавая брату свой револьвер.

— Садитесь скорей в ваш кабриолет, — уговаривал ее брат, вытирая кровь с рассеченной губы.

Она молча повернулась, и оба они, тяжело

дыша, направились к женщине в белом платье, которая старалась сдержать испуганного пони.

Грабители больше не пытались возобновить нападение. Оглянувшись, брат увидел, что они удаляются.

— Я сяду здесь, если можно, — сказал брат и взобрался на пустое переднее сиденье.

Девушка оглянулась через плечо.

— Дайте мне вожжи, — сказала она и ударила пони хлыстом.

Через минуту хулиганы уже исчезли за поворотом.

Таким образом совершенно неожиданно брат, запыхавшийся, с рассеченной губой, с опухшим подбородком и окровавленными суставами пальцев, поехал неизвестно куда с этими двумя женщинами.

Он узнал, что первая из них была женой, а вторая младшей сестрой деревенского врача из Стенмора. Этот врач, возвращаясь домой рано утром от тяжело больного в Пиннере, услышал на железнодорожной станции о приближении марсиан. Он поспешил домой, разбудил женщин — служанка ушла от них за два дня перед тем, — уложил кое-какую провизию, сунул, к счастью для моего брата, револьвер под сиденье и сказал

им, чтобы они ехали поскорей в Эджуер к поезду. Сам он остался, чтобы оповестить соседей, и обещал их нагнать около половины пятого утра. Но шел уже десятый час, а его все не было. Остановиться в Эджуере путешественницам помешал чрезвычайный наплыв беженцев, и таким образом они заехали на глухой проселок.

Все это они бессвязно рассказывали брату, пока не остановились вблизи Нью-Барнета. Брат обещал не покидать их, по крайней мере до тех пор, пока они не решат, что предпринять, или пока их не догонит пропавший муж. Желая их успокоить, брат уверял, что он отличный стрелок из револьвера, хотя стрелять он совсем не умел.

Они расположились возле дороги, и пони стал обгладывать живую изгородь. Брат рассказал спутницам о своем бегстве из Лондона и сообщил им все, что слышал о марсианах. Солнце поднималось все выше, и скоро их оживленный разговор сменился томительным ожиданием. По проселку прошло несколько пешеходов. От них брат узнал кое-какие новости. С каждым бессвязным ответом, который ему удавалось получить, он все глубже уяснял себе громадные размеры обрушившегося на человечество бедствия и все больше убеждался в необходимости дальней-

шего бегства. Он заговорил об этом со своими спутницами.

— У нас есть деньги, — сказала молодая девушка и смутилась; но глаза ее /встретились с глазами брата, и ее нерешительность прошла.

— У меня тоже есть деньги, — ответил брат.

Она сообщила, что у них имеется тридцать фунтов золотом и одна пятифунтовая кредитка и сказала, что, быть может, им удастся сесть в поезд в Сент-Олбене или Нью-Барнете. Брат считал, что попасть в поезд совершенно невозможно: он видел, с какой яростью толпы лондонских жителей осаждали поезда, и предложил пробраться через Эссекс к Гаричу и там на пароходе покинуть Англию.

Миссис Эльфинстон — так звали даму в белом, — не слушая никаких доводов, хотела ждать своего «Джорджа». Но ее золовка оказалась рассудительнее и в конце концов согласилась с братом. Итак, они поехали к Барнету, намереваясь пересечь Большую Северную дорогу. Брат вел пони под уздцы, чтобы сберечь его силы.

Солнце поднималось по небу, и день становился необычайно жарким; густой беловатый песок обжигал лицо и слепил глаза, так что они подвигались вперед очень медленно. Живые изгороди

посерели от пыли. Когда путники приблизились к Барнету, то услышали все усиливающийся гул.

Стало попадаться больше народу. Беженцы тащились изнуренные, угрюмые, грязные, бессвязно бормоча себе под нос какие-то вопросы. Мужчина во фраке прошел мимо них, пристально глядя в землю; они слышали, как он разговаривал сам с собой, и, оглянувшись, увидели, что одной рукой он схватил себя за волосы, а другой наносил удары невидимому врагу. Когда припадок бешенства миновал, этот человек побрел дальше, ни разу не обернувшись.

Подъезжая к перекрестку дорог южнее Барнета, брат и его спутницы увидели в поле у дороги

женщину с ребенком на руках; двое других детей шли за нею, а позади плелся мужчина в грязной черной блузе, с толстой палкой в одной руке и с маленьким чемоданом в другой. Потом из-за поворота по проулку между дачами, примыкавшими непосредственно к большой дороге, выехала тележка, в которую был запряжен взмыленный черный пони; правил тощий юноша в широкополой, посеревшей от пыли шляпе. В тележке сидели три девушки, по виду фабричные работницы из Ист-Энда, и двое маленьких детей.

— Как проехать в Эджуер? — спросил растерянный, бледный возница и тотчас же хлестнул пони, не сочтя нужным поблагодарить, когда брат сказал ему, что надо свернуть влево.

Вдруг прямо перед собой брат мой заметил бледно-серый дым; он поднимался между домами и окутывал белый фасад террасы, возвышавшейся над дорогой, которая тянулась позади длинного ряда дач. Миссис Эльфинстон вскрикнула при виде языков дымно-красного пламени, плясавших над домами под знойным синим небом. Среди смутного гула выделялись теперь беспорядочно смешивавшиеся голоса, скрип множества колес и топот копыт. Проселок делал крутой поворот метрах в пятидесяти от перекрестка.

— Господи! — воскликнула миссис Эльфинстон. — Куда же вы нас ведете?

Брат придержал пони.

Большая дорога представляла собою клокочущий людской поток, беспорядочно стремившийся к северу. Облако пыли, ослепительно-белой в лучах солнца, поднимаясь над землей на высоту шести метров, окутывало все своей пеленой, а сплошная масса лошадей, пешеходов и экипаже непрерывно поднимала новые клубы.

Приближаясь к месту соединения проселка с большой дорогой, можно было подумать, что въезжаешь в дым, стелющийся от пожара. Толпа гудела, как пламя, и пыль была горячей и едкой. А немного дальше, действительно, горела дача, и клубящиеся массы черного дыма расползались над дорогой, увеличивая сумятицу.

Прошли двое мужчин, потом какая-то женщина, перепачканная и заплаканная с тяжелым узлом. Заблудившаяся охотничья собака, испуганная и жалкая, покружилась, высунув язык, около кабриолета и убежала, когда брат пригрозил ей.

Насколько хватал глаз, вся дорога, ведущая из Лондона, казалась сплошным клокочущим среди домов потоком грязных толкающихся лю-

дей. Черные головы и тесно прижатые одно к другому тела обрисовывались немного яснее у перекрестка, проходили мимо и снова сливались в сплошную темную массу под облакам пыли.

— Вперед, вперед! — раздавались крики. — Дорогу, дорогу!

Руки задних упирались в спины передних. Брат вел пони под уздцы. Этот поток неудержимо притягивал его к себе. Медленно, шаг за шагом, подвигался он по проселку.

В Эджуере царила суматоха, в Чок-Фарм — паника, но здесь происходило настоящее переселение народов. Трудно представить себе движение этой огромной массы, уже не походившей на толпу. Фигуры появлялись из-за угла и удалялись, повернувшись спинами к поселку. По краям шли пешеходы, увертываясь от колес экипажей, сталкивались друг с другом и оступались на выбоинах.

Повозки и коляски тянулись вплотную одна за другой, иногда очищая немного места для тех более быстрых и нетерпеливых экипажей, которые, как только для того представлялась малейшая возможность, прорывались вперед, заставляя пешеходов прижиматься к заборам и воротам дач.

— Вперед! — слышались крики. — Вперед! Они

идут!

В одной коляске стоял слепой, одетый в мундир Армии Спасения. Он шевелил скрюченными пальцами и вскрикивал: «Вечность, вечность!» Голос у него был хриплый и такой громкий, что брат слышал его долго после того, как он скрылся за поворотом в облаке пыли. Люди, ехавшие в экипажах, без толку подхлестывали лошадей и переругивались; другие сидели неподвижно, жалкие, растерянные; третьи в отчаянии ломали себе руки или лежали, растянувшись в повозках. Глаза у лошадей были налиты кровью, а удила покрыты пеной.

Тут были кебы, коляски, товарные фургоны, простые телеги, даже почтовая карета и повозка для нечистот с надписью: «Приход св. Панкратия», огромная ломовая платформа, переполненная оборванцами, и пивной фургон с запачканными свежей кровью колесами. — Дайте дорогу! — раздавались крики. — Дайте дорогу! — Веч-ность, веч-ность! — доносилось, как эхо, издалека.

Тут были оборванные жалкие женщины, и с ними бок о бок плелись хорошо одетые дамы в сопровождении плакавших и спотыкавшихся детей; их нарядные платья были запылены, усталые лица мокры от слез. Рядом с женщинами

нередко шли мужчины, одни предупредительно вежливые, другие — озлобленные и грубые. Тут же прокладывали себе дорогу нищие в выцветших лохмотьях, зычно кричавшие и ругавшиеся. Рядом со здоровенными рабочими, энергично пробиравшимися вперед, жались тщедушные люди, одетые как клерки или приказчики; брат заметил раненого солдата, железнодорожных носильщиков и какое-то жалкое создание в наброшенном поверх ночной сорочки пальто.

Но, при всей пестроте своего состава, толпа имела нечто общее. Лица у всех были испуганные, измученные; чувствовалось, что всех подгоняет страх. Случайный шум, раздавшийся на дороге, спор из-за места в повозке, все заставляло эту человеческую громаду ускорять шаг. Даже те, которые от страха и усталости уже едва держались на ногах, на мгновение оживлялись словно под действием электрического тока. Жара и пыль истомили толпу, кожа пересыхала, губы чернели и трескались. Всем хотелось пить, все устали, все прихрамывали. И среди хаоса криков слышались споры, упреки, стоны изнеможения. У большинства голоса были хриплые и слабые. И вся толпа повторяла, словно припев:

— Дорогу, дорогу! Марсиане идут!

Кое-кто останавливался и отходил в сторону. Проселок под острым углом соединялся с большой дорогой. Создавалось обманчивое впечатление, что он тянется по направлению к Лондону. И, однако, людской водоворот образовался у его устья. Толпа оттесняла сюда более слабых, которые большей частью отдыхали здесь не больше минуты и снова ныряли в поток.

Посреди проселка лежал мужчина с ногой, завернутой в окровавленные лохмотья. Два человека склонились над ним. Счастливец! У него были друзья.

Маленький старичок, с седыми солдатскими усами, в грязном черном сюртуке, выбрался, прихрамывая, из давки, сел, снял башмак — носок был в крови, — вытряс мелкие камешки и снова обулся. Девочка лет восьми-девяти бросилась на землю у забора, неподалеку от моего брата, и расплакалась.

— Я не могу больше итти. Я не могу больше итти…

Мой брат, очнувшись от своего столбняка, стал ее утешать, поднял и понес ее к мисс Эльфинстон. Девочка притихла, как будто в испуге.

— Элен! — крикнула со слезами в голосе какая-то женщина из толпы. — Элен!

Девочка вдруг вырвалась из рук брата с криком «мама».

— Они идут, — оказал мужчина, ехавший верхом по проселку.

— Прочь с дороги, эй, вы! — кричал, привстав на козлах, какой-то кучер.

Брат увидел закрытую карету, которая сворачивала на проселок.

Люди бросились в сторону, давя друг друга, чтобы не попасть под копыта. Брат осадил пони ближе к забору. Кучер проехал мимо и остановился у поворота. Это была парная карета, но почему-то ее везла только одна лошадь.

Брат заметил сквозь облако пыли, что двое мужчин вынесли кого-то на белых носилках из кареты и осторожно положили на траву у забора. Один из них подбежал к брату.

— Есть тут где-нибудь вода? — спросил он. — Он умирает. Он хочет пить… Это лорд Гаррик.

— Лорд Гаррик! — воскликнул брат. — Председатель верховного суда?

— Где тут вода?

— Может быть, в одном из этих домов найдется водопроводный кран, — сказал брат, — у нас нет воды, я боюсь оставить своих.

Человек стал пробиваться сквозь толпу к воро-

там углового дома.

— Проходите, проходите! — кричали люди, напирая на него. — Они идут! Проходите!

Брат заметил бородатого мужчину с орлиным профилем, с небольшим саквояжем в руке; саквояж раскрылся, и из него посыпались золотые соверены. Со звоном падали они на землю и катились под ноги двигавшихся людей и лошадей. Бородатый мужчина остановился, тупо глядя на рассыпавшееся золото, оглобля кеба ударила его в плечо, он пошатнулся, вскрикнул и отскочил в сторону, чуть не угодив под колесо.

— Дорогу! — кричали ему. — Дайте дорогу!

Как только кеб проехал, бородатый мужчина, протянув руки, снова бросился к куче монет и стал совать их пригоршнями себе в карманы.

Вдруг над ним выросла лошадь. Он приподнялся, но тут же упал под копыта.

— Стойте! — закричал брат и, оттолкнув с дороги какую-то женщину, бросился вперед, чтобы схватить лошадь под уздцы.

Но, прежде чем брат успел это сделать, послышался крик, и сквозь клубы пыли он увидел, как колесо проехало по спине упавшего. Кучер хлестал кнутом подбегавшего брата; рев толпы оглушал его. Несчастный бородач корчился в пыли среди своих золотых монет и не мог подняться, потому что колесо раздробило ему позвоночник и у него отнялись ноги. Брат попросил кучера следующего экипажа остановиться. Какой-то человек, ехавший верхом на вороной лошади, пришел к нему на помощь.

— Уберите его с дороги! — крикнул он.

Брат схватил упавшего за воротник и стал одной рукой тащить его в сторону, но тот все силился подобрать свои монеты и злобно бил брата по руке пригоршней золота.

— Не останавливайтесь, проходите! — кричали сзади гневные голоса. — Дорогу, дорогу!

Послышался треск, и дышло кареты ударилось о повозку, которую остановил владелец вороной лошади.

Брат оглянулся, и человек, цеплявшийся за свое золото, вдруг укусил руку, державшую его за воротник.

Произошло столкновение: вороной конь рванулся в сторону, а лошадь, запряженная в повозку, дернула вперед, чуть не наступив копытом на ногу брату. Он выпустил упавшего и отскочил в сторону. Злоба сменилась ужасом на лице несчастного; в одну минуту он исчез в давке. Брата оттеснили, и он с большим трудом выбрался обратно на проселок.

Он видел, как мисс Эльфинстон прикрыла рукой глаза, а маленький ребенок с чисто детским любопытством уставился на неподвижную черную кучу тряпья под колесами катившихся экипажей.

— Назад! — крикнул брат и натянул вожжи. — Нам не пробраться через этот ад.

Они проехали около ста метров назад по проселку; остервенившаяся толпа скрылась за поворотом. Проходя мимо, брат увидел мертвенно-бледное, искаженное, лоснящееся от пота лицо лорда Гаррика, который умирал в канаве под забором. Обе женщины, дрожа и не говоря ни слова, ухватились за сиденье.

За поворотом брат остановился. Мисс Эльфин-

стон страшно побледнела, а ее невестка тихо плакала и была так потрясена, что забыла даже про своего Джорджа. Брат тоже растерялся. Но, отъехав на некоторое расстояние от большой дороги, он понял, что надо сделать новую попытку так или иначе перебраться на другую сторону. Он решительно повернулся к мисс Эльфинстон.

— Мы должны там проехать, — сказал он и снова повернул пони.

Вторично в этот день молодая девушка выказала большое присутствие духа. Чтобы снова пробиться в русло потока, брат ринулся вперед и схватил под уздцы напиравшую на него лошадь какого-то кеба. Пользуясь этим мгновением, мисс Эльфинстон хлестнула пони и выехала на дорогу. Но тут кабриолет сцепился с проезжающей фурой, и в ту же минуту из его кузова вылетела планка, выбитая дышлом третьего экипажа. В следующую секунду поток подхватил их и понес вперед. Брат с красными следами кучерского бича на лице и руках вскочил в кабриолет и схватил вожжи.

— Цельтесь в этого человека позади нас, если он будет слишком напирать, — сказал он, подавая револьвер мисс Элъфинстон. — Или нет… цельтесь в лошадь.

Затем он стал поджидать возможности перебраться на противоположный край дороги. Но, очутившись внутри потока, они словно потеряли собственную волю и стали частицей мятущейся пыльной громады. Вместе с потоком беглецов они миновали Чиппинг-Барнет и проехали больше километра от центра города, прежде чем им удалось сделать то, что они хотели. Гвалт и шум стояли неописуемые. К счастью, за городом дорога разветвлялась, и это несколько уменьшило давку.

Они свернули на восток через Гедли. Там, по обе стороны от дороги, они заметили множество людей, пивших прямо из реки; некоторые дрались из-за доступа к воде. А дальше, с вершины холма у Восточного Барнета, они увидели два поезда, медленно тащившиеся без сигналов. Поезда были набиты людьми — люди теснились даже между кучами угля на тендерах — и шли на север по Главной Северной линии.

Брат полагал, что эти поезда приняли пассажиров где-нибудь за пределами Лондона, потому что в это время неистовство перепуганной толпы уже остановило всякую работу на центральных вокзалах. Наконец они остановились, чтобы отдохнуть: все трое страшно устали от пережитых

за этот день волнений, но уснуть боялись. Ночь была очень холодная. В темноте мимо них проходили вереницы людей, убегавших от неведомой опасности, которая подстерегала их впереди, и направлявшихся как раз в ту сторону, откуда приехал мой брат.

XVII
«Сын Грома»

Если б целью марсиан было лишь истребление человеческого рода, то они могли бы в этот понедельник уничтожить все население Лондона, медленно растекавшееся по ближайшим графствам. Не только по дороге к Барнету, но и по дорогам к Эджуеру и Вальтамскому аббатству, и на восток к Саусенду и Шрусбери, и к югу от Темзы к Дилю и Бродстарсу стремилась такая же неистовая толпа. Если б в это июньское утро кто-нибудь поднялся на воздушном шаре в ослепительную синеву и взглянул на Лондон сверху, то все северные и восточные дороги, расходящиеся от запутанной сети улиц, показались бы ему усеянными черными точками беженцев — каждая точка олицетворение ужаса и физического страдания. В предыдущей главе я привел рассказ моего брата о его приключениях по дороге, ведущей в Чиппинг-Барнет. Мне хотелось показать читателю, чем представлялся этот рой черных точек одному из беженцев. Еще ни разу в истории мира такое множество людей не передвигалось и

не страдало вместе. Легендарные полчища готов и гуннов, величайшие орды, какие когда либо видела Азия, показались бы только каплей в этом потоке. Это не было организованное отступление, — это было паническое стадное бегство, гигантское и ужасное, без всякого порядка, без определенной цели; шесть миллионов людей, безоружных и голодных, стремились куда-то очертя голову. Это было началом падения цивилизации, истребления всего человеческого рода.

Прямо под собой воздухоплаватель увидел бы сеть улиц, дома, церкви, скверы, перекрестки, сады, уже покинутые, распростертые, как огромная карта, с пятнами черного дыма на юге. Словно какое-то чудовищное перо накапало чернильные кляксы на карту над Илингом, Ричмондом, Уимблдоном. Безостановочно, неуклонно каждое пятно ширилось и разветвлялось, останавливаясь перед подъемами и быстро переливаясь через возвышенности в какую-нибудь вновь открывшуюся ложбину. Так расплывается чернильное пятно на промокательной бумаге.

А дальше, за голубыми холмами, поднимающимися к югу от реки, расхаживали блистающие марсиане, спокойно и планомерно выпуская свои ядовитые облака над этим участком территории.

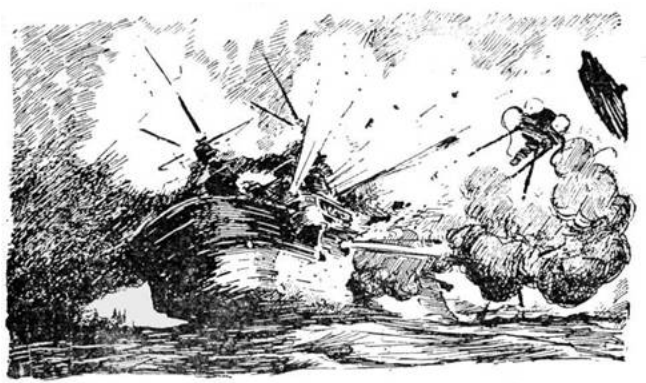
Затем струями пара они рассеивали сослуживший свою службу газ и вступали во владение покоренной страной. Они, очевидно, не собирались уничтожать всех людей, а только хотели поколебать мужество у своих противников и сломить всякое сопротивление. Они взрывали пороховые склады, перерезывали телеграфные провода и портили в разных местах полотно железных дорог. Они как бы подсекали человечеству подколенную жилу. Казалось, они не торопились расширить сферу своих действий и не продвинулись в этот день далее центральных кварталов Лондона. Весьма возможно, что значительное число лондонских жителей осталось в своих домах в понедельник утром. Не подлежит сомнению, что многие из них были задушены черным дымом.

Вплоть до полудня Пуль[8] представлял удивительное зрелище. Пассажирские пароходы и другие суда не уходили в море, привлеченные огромными суммами, которые платили беженцы… Говорят, что многие, у кого не было денег, бросались вплавь к кораблям, но их отталкивали баграми, и они тонули. Около часу дня под арка-

[8] Примечания: 8
Часть Темзы между Лондонским мостом и Блекуолем.

ми Блек-Фрайерского моста показались тонкие струйки черного пара. Мгновенно весь Пуль превратился в арену бешеного смятения, борьбы и свалки. Множество лодок и катеров столпилось у северной арки Тауэр-Бриджа; матросы и грузчики отчаянно отбивались от людей, устремившихся к ним с берега. Некоторые, карабкаясь, спускались даже по устоям моста…

Когда час спустя за Часовой башней парламента появился первый марсианин и направился вниз по реке, за Лаймхаузом плавали одни обломки.



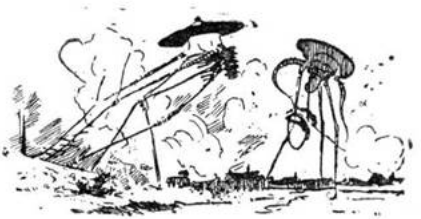
О падении пятого цилиндра я еще расскажу. Шестой упал близ Уимблдона. Брат, охраняя

своих спутниц, спавших в кабриолете на лугу, видел зеленую вспышку далеко над холмами. Во вторник, все еще не потеряв надежды сесть на какой-нибудь корабль, они продолжали пробираться среди толп беженцев в Колчестеру. Слухи о том, что марсиане уже захватили Лондон, подтвердились: их встречали у Гайета и даже у Нисдена.

Брат мой, однако, увидел их только на следующий день.

Скоро толпы беженцев почувствовали недостаток продовольствия. Голодные не церемонились с чужой собственностью. Фермеры вынуждены были защищать с оружием в руках свои скотные дворы, амбары и зреющую, но еще не снятую с полей жатву.

Некоторые беженцы, как мой брат, повернули на восток. Находились такие смельчаки, которые в поисках пищи возвращались обратно к Лондону. Это были, главным образом, жители северных предместий, которые знали черный пар только понаслышке. Брату сказали, что около половины членов кабинета министров собралось в Бирмингеме и что большие количества сильных взрывчатых веществ собраны для закладки автоматических мин в графствах Средней Англии.



Ему передавали также, что Мидленская железнодорожная компания, исправив все повреждения, причиненные в первый день паники, восстановила сообщение, и поезда снова идут к северу от Сент-Олбена, чтобы уменьшить прилив беженцев в ближайшие графства. В Чиппинг-Онгере висело объявление, гласившее, что в северных городах имеются значительные запасы муки и что не позднее, как через двадцать четыре часа хлеб будет раздаваться голодающим жителям окрестностей Лондона. Однако это сообщение не заставило брата изменить свой план. Весь день он и его спутницы продвигались к востоку и нигде не видели раздачи хлеба. Да и никто не видел. В эту ночь седьмая звезда упала на Примроз-Хилл. Она пролетела во время дежурства мисс Эльфинстон, которая сторожила бивак, чередуясь с моим братом.

В среду наши три беглеца после ночевки на

пшеничном поле достигли Челмсфорда, где банда местных жителей, именовавшая себя Комитетом общественного продоволь- ствия, отобрала у них пони, пообещав, правда, уделить часть мяса при разделе на следующий день. По слухам, марсиане были уже у Эппинга. Говорили также, что при неудачной попытке взорвать одного марсианина разрушены пороховые заводы Вальтамского аббатства. На церковных колокольнях были устроены сторожевые посты. Брат, на свое счастье, как выяснилось позже, предпочел итти пешком к побережью, не дожидаясь раздачи съестных припасов, хотя и он и обе его спутницы сильно проголодались. В полдень они прошли через Тиллингхем, который оказался безлюдным: лишь несколько мародеров рыскало по домам в поисках пищи. За Тиллинг-хемом они увидели море и множество самых разнообразных судов.

Не смея подняться вверх по Темзе, моряки направились к берегам Эссекса — к Гаричу, Уолтону и Клектону, а потом и к Фаульнессу и Шеберри, где принимали на борт пассажиров. Суда расположились широкой серповидной линией, конец которой терялся в туманной дымке у Нейза. У самого берега стояли небольшие рыбачьи шхуны, английские, шотландские, французские, голланд-

ские и шведские, паровые катера с Темзы, яхты, моторные лодки; подальше — суда более крупного тоннажа: грязные угольщики, пароходы грузовые, пассажирские, нефтеналивные, даже один старый госпитальный транспорт и изящные, серые с белым пакетботы, поддерживавшие сообщение между Саусгемптоном и Гамбургом. И вся синеющая линия берега от Блекуотера до самого Мельдона кишела лодками. Лодочники торговались с людьми, толпившимися на побережье, и перевозили их на суда.

Километрах в трех от берега виднелся броненосец с такой низкой осадкой, что при первом взгляде брат мой счел его затонувшим. То был монитор береговой обороны «Сын Грома». Других военных судов поблизости не было, но далеко вправо, над спокойной поверхностью моря — в этот день стоял мертвый штиль — змеился черный дымок: броненосцы Ламаншской эскадры, вытянувшись длинной линией против устья Темзы, держались под парами; они были в полной боевой готовности и зорко наблюдали за победоносным шествием марсиан, которому бессильны были помешать.

Увидев море, миссис Эльфинстон струсила, хотя золовка и старалась ее ободрить: до сих пор она

никогда не покидала Англии; она предпочитает лучше умереть, чем плыть на чужбину, и так далее. Бедняжка! Она, кажется, воображала, что французы мало чем отличаются от марсиан. За последние два дня она становилась все истеричнее, боязливей и печальней. Она во что бы то ни стало хотела вернуться в Стенмор. В Стенморе всегда было так тихо и мирно. К тому же они, наверное, встретят Джорджа в Стенморе…

С большим трудом уговорили ее спуститься к берегу. Там брату удалось привлечь внимание матросов колесного парохода, шедшего из устьев Темзы. Они выслали лодку и сторговались на тридцати шести фунтах за троих. По их словам, пароход направлялся в Остенде.

Было уже около двух часов, когда брат и его спутницы, заплатив за свои места на шкафуте, поднялись наконец на борт. Здесь, хотя и по безумным ценам, можно было достать еду, и они решили закусить, примостившись на палубе.

На борту уже набралось больше сорока человек; многие из них истратили свои последние деньги, чтобы заручиться местом. Однако капитан простоял у Блекуотера до пяти часов, набирая новых пассажиров, пока вся палуба не наполнилась народом. Он, может быть, оставался бы и дольше,

но около пяти часов на юге началась канонада. Как бы в ответ на нее, «Сын Грома» выстрелил из небольшой пушки и выкинул ряд флажков. Клубы дыма вырывались из его труб.

Некоторые пассажиры уверяли, что пальба доносится из-под Шубьернеса, но вскоре всем стало ясно, что канонада приближается. Далеко на юго-востоке в море показались мачты и верхние части трех броненосцев, окутанные черным дымом. Тут внимание брата отвлекла отдаленная орудийная пальба на юге. Ему показалось, что он увидел в тумане поднимающийся столб дыма.

Пароходик заработал колесами и двинулся к востоку от длинной изогнутой линии судов. Низкий берег Эссекса уже оделся голубоватой дымкой, когда появился марсианин. Маленький, чуть заметный на таком расстоянии, он подходил по илистому берегу со стороны Фаульнесса. Перепуганный капитан на своем мостике стал сердито браниться во все горло, упрекая себя за промедление, и лопасти колес, казалось, заразились его страхом. Все пассажиры стояли у бортов или на скамейках и смотрели на далекую фигуру, возвышавшуюся над прибрежными деревьями и колокольнями, которая приближалась, забавно пародируя человеческую походку.

До сих пор брат мой еще ни разу не видел марсиан. Теперь он стоял, скорее удивленный, чем испуганный, глядя на титана, решительно приближавшегося к линии судов и все глубже погружавшегося в воду. Потом — далеко за Кроучем — показался другой марсианин, шагавший через низкие деревья; за ним — еще дальше — третий, шедший вброд через поблескивавшую илистую отмель, которая, казалось, висела между небом и землей. Все они направлялись прямо в море, как бы намереваясь помешать отплытию многочисленных судов, собравшихся между Фаульнессом и Нейзом. Несмотря на усиленное пыхтенье машины и на потоки пены за колесами, пароходик очень медленно уходил от надвигавшейся опасности.

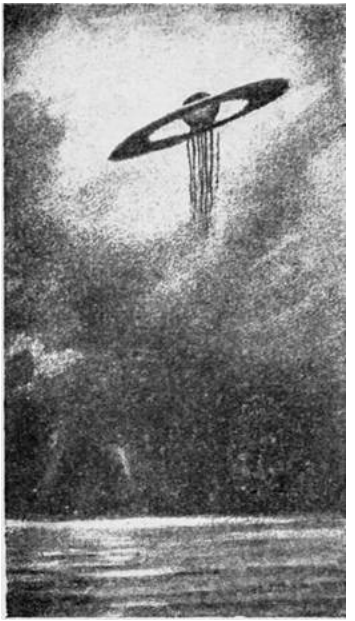
Поглядев на северо-запад, брат заметил, что линия судов расстроилась. Корабли в панике заворачивали, шли наперерез друг другу; машины давали свистки и выпускали клубы дыма, паруса распускались, катера беспорядочно сновали туда и сюда. Захваченный этим зрелищем, брат совсем не смотрел в сторону моря. Неожиданный поворот — пароход должен был свернуть в сторону, чтобы избежать столкновения, — сбросил брата со скамейки, на которой он стоял. Кругом затопали, закричали «ура», и этому крику слабо ответило эхо. Тут судно накренилось, и брат полетел в сторону.

Он вскочил и увидел за штирбортом, всего в каких-нибудь ста метрах от их накренившегося, нырявшего пароходика, огромное стальное тело, разрезавшее воду, точно лемех плуга, на две высокие пенистые волны. Пароходик то беспомощно махал лопастями колес по воздуху, то почти черпал воду бортами.

Целый душ пены на один миг ослепил брата. Протерев глаза, он увидел, что чудовище пронеслось мимо, направляясь прямо к берегу. Верхняя часть длинного стального корпуса поднималась из воды, а из двух труб вырывались искры и клубы дыма. Это торпедный монитор «Сын Грома»

спешил на выручку беззащитной флотилии пассажирских судов.

Снова вскочив на ноги и держась за перила качающейся палубы, брат посмотрел вслед идущему в атаку левиафану и опять увидел марсиан. Теперь они все трое сошлись и стояли так далеко в море, что их треножники были почти целиком под водой. На таком далеком расстоянии и погруженные в воду, они казались гораздо менее грозными, чем огромное железное чудовище, в кильватере которого беспомощно плескался пароходик. Казалось, марсиане с удивлением рассматривали нового противника. Быть может, этот гигант представлялся им существом одной с ними породы. «Сын Грома» шел полным ходом и не стрелял. Вероятно, благодаря этому ему и удалось подойти так близко к неприятелю. Марсиане не знали, что делать с ним. Один снаряд — и они тотчас же пустили бы его ко дну тепловым лучом.



Что-то огромное и плоское описало большую дугу и снова исчезло в таинственном полумраке.

«Сын Грома» шел таким ходом, что через минуту уже находился на половине расстояния между пароходиком и марсианами, — черное, быстро уменьшавшееся пятно на фоне низких удаляю-

щихся берегов Эссекса.

Вдруг передний марсианин опустил свою трубу и метнул в броненосец баллон черного газа. Точно струя чернил залила левый борт судна, и черное облако дыма заклубилось по морю. Броненосец проскочил сквозь эту дымовую завесу. Он шел против солнца, и с низко сидящего пароходика казалось, что он уже находится среди марсиан.

На пароходе заметили, что тощие долговязые фигуры разделились и стали отступать к берегу, все выше и выше подымаясь над водой. Один из марсиан поднял похожий на фотографический аппарат прибор и направил его под углом вниз. Целое облако поднялось с водной поверхности от прикосновения теплового луча. Он, должно быть, прошел сквозь стальную обшивку корабля, как раскаленный добела железный прут сквозь бумагу.

Вдруг среди дымящегося пара блеснула вспышка, — марсианин дрогнул и зашатался. Через секунду второй снаряд срезал его, и смерч из воды и пара поднялся высоко в воздух. Орудия «Сына Грома» стреляли одно за другим среди облаков дыма. Один снаряд, взметнув водяной столб, упал возле пароходика, отлетел рикошетом к другим судам, уходившим к северу, и раздробил в щепки

рыбачью шхуну.

Но никто не обратил на это внимания. Увидев, что марсианин упал, капитан на мостике испустил нечленораздельный крик, дружно подхваченный столпившимися на корме пассажирами. И тотчас же все завопили вновь: за белым хаосом пара, вздымая волны, неслось что-то длинное и черное, с пламенем посередине, с вентиляторами и трубами, извергающими огонь.

Броненосец был еще жив. Винт, по-видимому, уцелел, и машины работали. Корабль шел прямо на второго марсианина и находился в ста метрах от него, когда тот выпустил тепловой луч. Среди ослепительного пламени палуба и трубы с грохотом взлетели кверху. Марсианин пошатнулся от взрыва, и через секунду пылающая развалина, все еще сохранившая свой первоначальный порыв, ударила и подмяла его, как кусок картона.

Брат невольно вскрикнул. Снова все скрылось в кипящем хаосе.

— Два! — завопил капитан.

Все кричали; весь пароход от кормы до носа сотрясался от радостного крика, повторившегося на всех судах и лодках, уходивших в море.

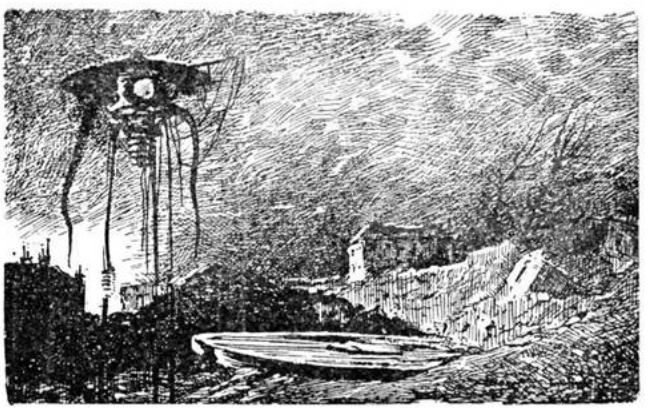
Пар висел над водой в течение нескольких минут, скрывая берег. Пароходик продолжал

работать колесами, удаляясь от места боя. Когда, наконец, пар рассеялся, его сменил черный газ, нависший такой тучей, что нельзя было разглядеть ни «Сына Грома», ни третьего марсианина. Зато броненосцы подошли совсем близко и стали между сушей и пароходиком.

Суденышко уходило в море; броненосцы приближались к берегу, все еще скрытому причудливыми клубами пара и черного газа. Целый флот спасавшихся бегством судов уходил к северо-востоку; несколько рыбачьих шхун ныряло между броненосцами и пароходиком. Но некоторое время спустя, не дойдя до оседавшего облака пара и газа, эскадра повернула к северу и скрылась в сгущавшихся вечерних сумерках. Берег сливался с далью и становился все менее заметным под низкой стеной облаков, собиравшихся вокруг заходящего солнца.

Вдруг из золотистой мглы заката донеслись раскаты орудий, и показались какие-то темные движущиеся тени. Все устремились к борту и стали вглядываться в ослепительное сияние на западе, но ничего нельзя было различить. Туча дыма поднялась и закрыла солнце. Пароходик, пыхтя, уходил все дальше и дальше под гнетом этой томительной неизвестности.

Солнце село среди серых облаков; небо побагровело и потемнело; вверху блеснула Вечерняя звезда. Было уже совсем темно, когда капитан вскрикнул и указал вдаль. Брат напряженно всматривался. Что-то взлетело к небу из недр туманного мрака и косо поднялось кверху, двигаясь быстро в отблеске зари на верхних краях туч на западном небосклоне; что-то плоское, широкое, огромное описало большую дугу и, медленно снижаясь, снова исчезло в таинственном полумраке. От этого полета на землю падала мрачная тень.



Книга вторая
ЗЕМЛЯ ПОД ВЛАСТЬЮ МАРСИАН

I
Под пятой

В первой книге я несколько отклонился в сторону от моих собственных приключений, рассказывая о похождениях брата. Все то время, пока совершались события, описанные в двух последних главах, мы с викарием просидели в пустом доме в Голлифорде, куда окрылись, спасаясь от черного дыма. С этого момента я и буду продолжать свой рассказ. Мы провели всю ночь с воскресенья на понедельник и весь следующий день — день паники — на маленьком островке дневного света, отрезанные от остального мира черным дымом. Мы ничего не могли предпринять и оставались в мучительном бездействии в течение этих двух тягостных дней.

С величайшей тревогой думал я о своей жене. Я представлял ее себе в Лезерхеде — перепуганную, окруженную опасностями, уверенную, что меня уже нет в живых. Я шагал по комнатам и громко плакал, размышляя о том, что может случиться с ней в мое отсутствие. Я не сомневался в мужестве моего двоюродного брата, но он

был не из тех людей, которые быстро понимают опасность и немедленно начинают действовать. А ведь в данном случае нужна была не столько смелость, сколько сообразительность. Утешало меня лишь то, что марсиане, продвигаясь к Лондону, удалялись от Лезерхеда. Я страшно устал от этих тревожных размышлений, и меня раздражали бесконечные причитания викария, его себялюбивое отчаяние. После нескольких бесплодных попыток успокоить его я обежал в одну из дальних комнат, где нашел глобусы, парты и тетради; прежде там, очевидно, помещалась детская классная. Когда викарий проник по моим следам и в это убежище, я забрался в каморку на чердаке и заперся на ключ: мне хотелось побыть наедине со своим горем.

В течение этих двух дней мы были отрезаны от всего мира черным дымом. Но в воскресенье вечером мы заметили людей в соседнем доме; чье-то лицо у окна, движущийся свет, хлопанье дверей. Не знаю, кто были эти люди и что сталось с ними. На следующий день мы их больше не видели. В понедельник утром черный дым начал медленно сползать к реке, подбираясь все ближе и ближе к нам, и наконец заклубился на дороге перед тем домом, где мы скрывались.

Около полудня на поле показался марсианин. Он выпускал из какого-то прибора струю горячего пара. Струя эта со свистом ударялась о стены, разбивала стекла и обварила руку викарию, выбегавшему из комнаты, которая выходила окнами на дорогу. Когда, долгое время спустя, мы тайком пробрались в отсыревшие от пара комнаты и снова выглянули на улицу, вся местность к северу имела такой вид, будто над нею только что пронесся черный буран. Посмотрев в сторону реки, мы очень удивились, заметив какие-то странные красные пятна на черных обожженных лугах.

Мы не сразу сообразили, какая перемена наступила в нашем положении, мы видели только, что теперь нечего бояться черного дыма. Наконец я понял, что мы свободны и можем уйти, что дорога к спасению открыта, и мной снова овладела жажда деятельности. Но викарий был в каком-то оцепенении и не поддавался ни на какие уговоры.

— Мы здесь в полной безопасности, — твердил он, — в полной безопасности.

Я решил бросить его. (Ах, почему я этого не сделал!)

Помня наставления артиллериста, я стал запасаться пищей и питьем. Я нашел растительное

масло и тряпку, чтобы перевязать свои ожоги; захватил шляпу и фланелевую рубашку, найденную в одной из спален. Когда викарий понял, что я намерен уйти один, он тоже начал собираться. Казалось, нам ничто не грозило, и во второй половине дня мы двинулись по почерневшей дороге в Сенбери. По моим расчетам, было около пяти часов.

На улицах Сенбери и на большой дороге отдельными кучами валялись скорченные трупы, людские и конские, опрокинутые повозки и разбросанная поклажа. Все было густо покрыто черной пылью. Этот угольно-черный налет напомнил мне читанные когда-то рассказы о гибели Помпеи. Мы благополучно дошли до Хемптон-Корта, удрученные странным и необычным видом окружающей местности. В Хемптон-Корде мы с радостью увидели клочок зелени, уцелевший от удушливой лавины. Мы прошли через Беши-парк, где между каштановыми деревьями бродили лани; вдалеке несколько мужчин и женщин торопились к Хемптону. Это были первые люди, которых мы видели. Наконец мы добрались до Твикнема.

Вдали, за дорогой к Гему и Питерсгему, горели леса. Тепловые лучи и черный дым пощадили

Твикнем, и здесь было больше народу, но никто не мог сообщить ничего нового. По большей части, эти люди бежали, как и мы, пользуясь затишьем. Мне показалось, что кое-где в домах еще оставались жители; вероятно, они были слишком напуганы, чтобы спасаться бегством. И здесь на дороге виднелись многочисленные следы паники. Мне запомнились три изломанные велосипеда, лежавшие кучей и вдавленные в землю колесами проехавших по ним повозок. Мы перешли по Ричмондскому мосту около половины девятого. Конечно, мы торопились поскорей миновать открытый мост. Все же я заметил плывущие вниз по течению какие-то красные куски в несколько футов шириной. Я не знал, что это такое, — мне некогда было вглядываться, — и я дал этому зрелищу гораздо более ужасное толкование, чем следовало. На Серрейском берегу густо лежала черная пыль, оставшаяся после оседания черного дыма. Около дороги, ведущей на станцию, целыми кучами валялись трупы. Марсиан нигде не было видно, пока мы не подошли ближе к Барнесу.

В темнеющей дали мы увидели трех мужчин, убегавших по боковому проулку к реке, но, в общем, селение казалось покинутым. На вер-

шине Ричмондского холма дымился пожар. За Ричмондом следов черного дыма уже не было. Вдруг, когда мы уже подходили к Кью, показалось довольно много народа, разбегавшегося во все стороны, и верхняя часть марсианского боевого треножника обрисовалась над крышами домов — метров за сто от нас. Если бы марсианин посмотрел вниз, наша гибель была бы неизбежна. Мы оцепенели от ужаса, потом бросились в сторону и спрятались в сарае, в каком-то саду. Викарий присел на землю, всхлипывая и отказываясь итти дальше.

Но я решил во что бы то ни стало добраться до Лезерхеда и с наступлением темноты снова двинуться в путь. Я пробрался через кустарник, прошел по какому-то проулку мимо большого барского дома с пристройками и вышел на дорогу к Кью. Викария я оставил в сарае, но он поспешно догнал меня.

Трудно себе представить что-нибудь безрассуднее этой попытки. Было очевидно, что мы окружены марсианами. Едва викарий поравнялся со мною, как мы увидели вдали над полями, тянувшимися к Кью-Лоджу, боевой треножник, — не знаю, тот ли самый, который мы встретили перед тем, или другой. Четыре или пять маленьких черных фигурок убегали от него по серо-зеленому полю, — очевидно, марсианин преследовал их. Сделав три шага, он их нагнал; они удирали из-под его ног в разные стороны. Марсианин не воспользовался тепловым лучом и не уничтожил их. Он просто хватал их и прятал в большой металлический ящик, привешенный у него за спиной, точно мешок с инструментами у рабочего.

В первый раз мне пришло в голову, что марсиане, может быть, вовсе не собираются уничтожить побежденное человечество, а имеют в

виду какую-то другую цель. С минуту мы стояли, пораженные ужасом, потом повернули назад и через калитку пробрались в обнесенный стеною сад. Там мы забились в какую-то яму и лежали в ней, едва смея перешептываться, пока на небе не зажглись звезды.

Вероятно было уже около одиннадцати часов, когда мы решились повторить нашу попытку и пошли уже не дорогой, а полями, вдоль изгородей: я справа, викарий — слева, высматривая в темноте марсиан, которые, по-видимому, окружали нас со всех сторон. В одном месте мы наткнулись на почерневшую и опаленную площадку, уже остывшую и покрытую пеплом, с целой кучей трупов, обгорелых и обезображенных, — уцелели только ноги в сапогах. Лошадиные туши валялись тут же, на расстоянии пятидесяти футов от четырех разорванных пушек и разбитых лафетов.

Городок Шин, по-видимому, избежал разрушения, но пустота и безмолвие царили в нем. Здесь не было видно трупов. Впрочем, ночь была очень темная, и мы не могли разглядеть боковых улиц. В Шине мой спутник вдруг стал жаловаться на слабость и жажду, и мы решили зайти в какой-нибудь дом.

Для начала мы, не без труда взломав окно, про-

никли в маленькую виллу, стоявшую в стороне от прочих. Мне не удалось найти там ничего съестного, кроме куска заплесневелого сыра. Зато там была вода, и мы утолили жажду. Я захватил также топор, который мог нам пригодиться при взломе других помещений.

Мы перебрались через улицу в том месте, где дорога сворачивает к Мортлеку. Здесь, посреди сада, обнесенного каменным забором, стоял дом, выкрашенный в белую краску. В кладовой мы обнаружили целый склад провизии: две ковриги хлеба, кусок сырой говядины и половину окорока. Я перечисляю все это так подробно потому, что в течение двух следующих недель нам пришлось довольствоваться лишь этими запасами. На полках мы нашли несколько бутылок пива, два мешка фасоли и пучок салата. Кладовая примыкала к судомойне, где сложены были дрова и стоял буфет. В нем оказалась без малого дюжина бутылок бургонского; кроме того — консервы, лососина и две жестянки с бисквитами.

Мы уселись на кухне и в темноте, так как не смели зажечь огонь, принялись за хлеб и ветчину и распили одну бутылку пива. Викарий, все еще пугливый и беспокойный, усиленно настаивал на том, что надо возможно скорее итти дальше, а

я убеждал его предварительно подкрепить наши силы едой, когда вдруг произошло событие, вынудившее нас остаться.

— Неужели уже полночь? — спросил я; и тут вдруг блеснул ослепительный ярко-зеленый свет.

На один миг все предметы, бывшие в кухне, окрасились в зеленые и черные тона и снова исчезли во мраке. Затем последовал такой взрыв, какого я никогда не слыхал ни раньше, ни после. И сразу же вслед за ним послышался треск, звон стекол и грохот падающей каменной кладки; штукатурка посыпалась с потолка, разбиваясь на мелкие куски о наши головы. Я свалился на пол, ударился головой о выступ печи и потерял сознание. Викарий говорил, что я очень долго пролежал без чувств. Когда я пришел в себя, мы снова были во тьме, и викарий брызгал на меня водой. Его лицо было мокро от крови, которая, как я после разглядел, текла из рассеченного лба.

Несколько минут я не мог сообразить, что случилось. Наконец память мало-помалу вернулась ко мне, и я почувствовал в виске боль от ушиба.

— Вам лучше? — шопотом спросил викарий.

После некоторого молчания я ответил ему. Потом приподнялся и сел.

— Не шевелитесь, — сказал он, — весь пол усеян осколками посуды. Вы можете нашуметь, а мне кажется — они близко.

Мы сидели так тихо, что слышали дыхание друг друга. Могильная тишина; только неподалеку упал сверху кусок штукатурки или оторвавшийся кирпич. Снаружи, где-то совсем близко, слышалось прерывистое металлическое постукивание.

— Слышите? — спросил викарий, когда стук повторился.

— Да, — ответил я. — Но что это такое?

— Марсианин, — сказал викарий.

Я снова прислушался.

— Это не похоже на тепловой луч, — сказал я и подумал, что боевой треножник задел дом; ведь недавно у меня на глазах один из них налетел на колокольню Шеппертонской церкви.

Наше положение было так необычно и так непонятно, что три или четыре часа подряд, вплоть до рассвета, мы сидели на месте, не смея шевельнуться. Наконец отблеск зари проник к нам, но не через окно, которое осталось темным, а сквозь треугольное отверстие между кровельной балкой и грудой осыпавшихся кирпичей у стены позади нас. В первый раз мы могли разглядеть в сумерках внутренность кухни.

Окно было завалено разрыхленной землей, покрывавшей стол, у которого мы сидели, и лежавшей у нас под ногами. Снаружи вся почва была взрыта, — высокие валы окружили дом. Над верхней частью оконной рамы виднелась исковерканная дождевая труба. Пол был усеян металлическими обломками. Часть кухни, примыкавшая к жилым комнатам, осела, а когда совсем рассвело, мы убедились, что большая часть дома разрушена. Резким контрастом рядом

с этими руинами выделялись изящный расписанный бледно-зеленой краской буфет с множеством жестяной и медной посуды, обои в белых и голубых квадратах и цветные рельефные украшения стены над плитой.

Когда окончательно рассвело, мы увидели сквозь брешь фигуру марсианина, стоявшего, надо думать, на страже у еще не остывшего цилиндра. Мы осторожно поползли из полутемной кухни в совсем темную кладовую.

Вдруг я сообразил, что случилось.

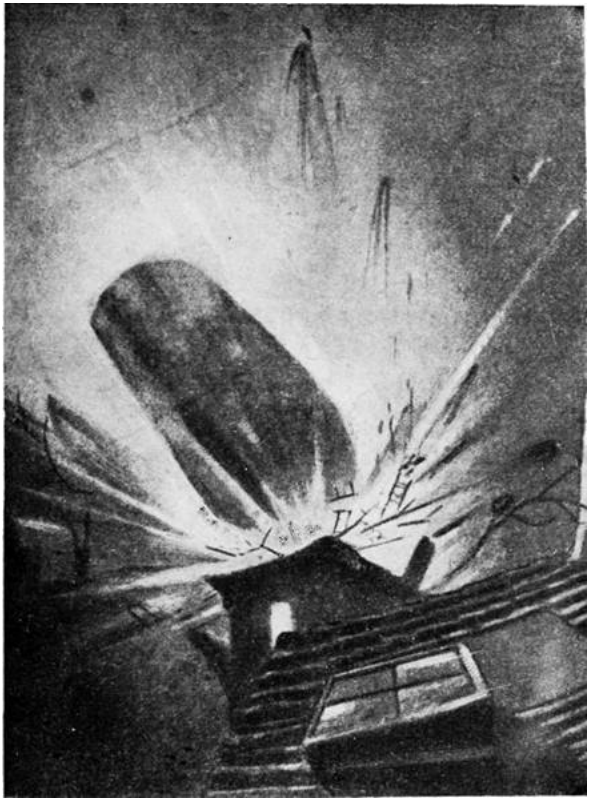
— Пятый цилиндр, — прошептал я: — пятый выстрел с Марса попал в этот дом и похоронил нас под развалинами.

Викарий долго молчал, потом прошептал:

— Господи, смилуйся над нами.

И он стал что-то бормотать себе под нос.

Все было тихо, и мы, притаившись, сидели в кладовой.



Пятый цилиндр с Марса попал в дом.

Я боялся даже дышать и сидел, пристально гля-

дя на слабый свет, проникавший к нам из дверей кухни. Я мог разглядеть лицо викария — неясный овал, — его воротник и отвороты сюртука. Снаружи доносился звон металла, а иногда резкий свист и шипенье, точно от паровой машины. Все эти загадочные звуки раздавались с перерывами, постепенно усиливаясь и делаясь все более разнообразными. Вдруг раздался какой-то размеренный, вибрирующий гул, от которого задрожало все окружающее, и посуда в кладовой зазвенела. Свет померк, дверь кухни стала совсем темной. Так мы сидели много часов подряд, дрожа от страха, пока, наконец, не заснули в полном изнеможении.

Я проснулся и почувствовал сильный голод. Вероятно, мы проспали большую часть дня. Го-

лод заставил меня наконец двинуться с места. Я сказал викарию, что хочу добыть еды, и пополз в кладовую. Он ничего не ответил, но, лишь только я начал есть, этот слабый шум вывел его из оцепенения, и я услышал, как он ползет за мной.

II
Что мы видели из разрушенного дома

Наевшись, мы поползли назад в судомойню. Там я, кажется, опять задремал и немного спустя проснулся в одиночестве. Вибрирующее гуденье продолжалось с докучливым упорством. Я несколько раз топотом окликнул викария, потом пополз к кухонной двери. Дневной свет еще не померк, и я увидел моего спутника в противоположном конце комнаты: он лежал ничком у треугольного отверстия, обращенного к марсианам. Его плечи были приподняты, и потому голова была от меня скрыта.

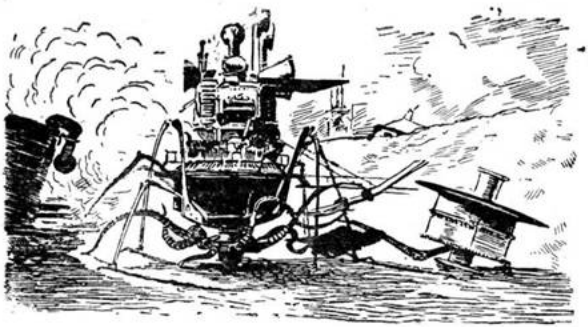
В кухне было шумно, как в паровозном депо. Казалось, что вся постройка содрогается. Сквозь отверстие в стене я мог видеть верхушку дерева, освещенную солнцем, и голубой клочок ясного вечернего неба. С минуту я смотрел на викария, потом подкрался ближе, осторожно переступая через осколки посуды.

Я тронул викария за ногу. Он так быстро обернулся, что снаружи с треском отвалился большой кусок штукатурки. Я схватил его за руку, боясь,

что он закричит, и мы оба замерли. Потом я поднял голову, чтобы посмотреть, уцелело ли наше прикрытие. В пробоине стены образовалось новое отверстие; осторожно поднявшись и заглянув поверх балки, я едва узнал пригородную дорогу, — так сильно все кругом изменилось.

Пятый цилиндр упал, очевидно, на тот дом, куда мы заходили сначала. Строение совершенно исчезло, — превратилось в щепки и разлетелось. Цилиндр лежал глубоко в земле, в воронке, гораздо более широкой, чем яма возле Уокинга. От страшного удара земля вокруг словно расплескалась («расплескалась» — самое подходящее слово) и засыпала корпуса соседних домов. Все произошло так, как если бы хватили молотом по грязи. Наш дом осел назад; его передняя часть была разрушена до самого фундамента. Кухня и судомойня уцелели каким-то чудом. Но они с трех сторон были опоясаны огромным валом из земли и мусора, открытой осталась лишь сторона, обращенная к цилиндру. Мы повисли на самом краю огромной воронки, в которой работали марсиане. Тяжелые удары, очевидно, раздавались непосредственно позади нас; светло-зеленый пар поднимался из ямы и окутывал дымкой нашу щель. В центре ямы цилиндр был уже рас-

крыт, а в дальнем конце, среди вырванных и засыпанных песком кустарников, стоял пустой боевой треножник — огромный металлический скелет, рисовавшийся на фоне вечернего неба. Прежде всего следовало бы описать здесь яму и цилиндр. Но в ту минуту я бросил на них только беглый взгляд. Все внимание мое было отвлечено какой-то блестящей машиной, рывшей землю, и странными существами, которые медленно и неуклюже копошились около нее. Я прежде всего заинтересовался механизмом. Это была одна из тех чрезвычайно сложных машин, названных впоследствии многорукими, изучение которых дало такой мощный толчок нашей земной технике. На первый взгляд она напоминала металлического паука с пятью суставчатыми подвижными ногами, со множеством коленчатых рычагов и хватающих передаточных щупальцев вокруг корпуса. Большая часть рук этой машины была втянута внутрь, но тремя длинными щупальцами она выуживала металлические брусья, доски и перекладины, служившие, по-видимому, подпорками и скрепами для стенок цилиндра. Машина вытаскивала, поднимала и складывала все это на ровную площадку позади себя.



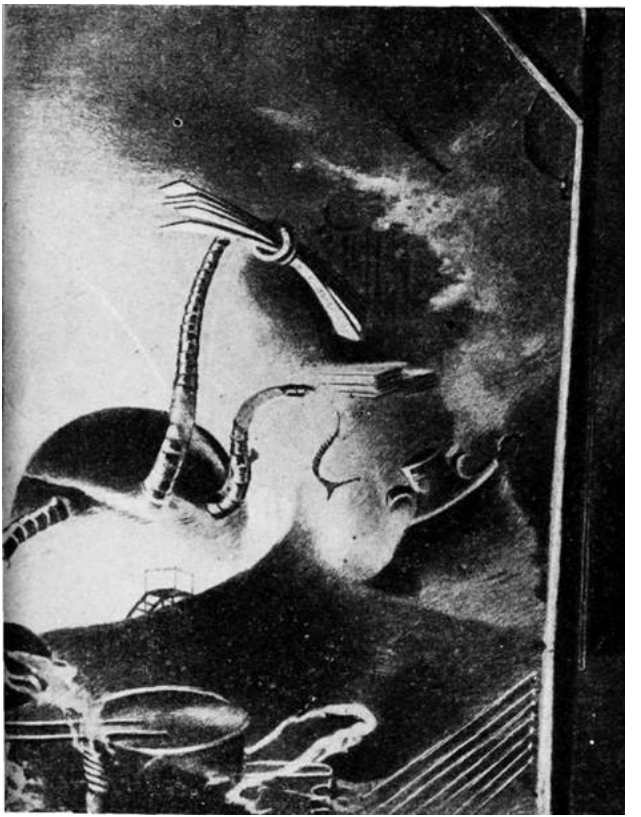
Все движения были так быстры, сложны и совершенны, что сначала я не мог поверить, что передо мной находится машина, несмотря на ее металлический блеск. Боевые треножники были тоже удивительно совершенные, точно одухотворенные, но их и сравнить нельзя с этой машиной. Люди, никогда не видевшие подобных сооружений и знающие их только по рисункам и по отрывочным рассказам свидетелей вроде меня, вряд ли «могут представить себе эти почти живые механизмы.

Я вспоминаю иллюстрации в одной из первых брошюр, излагающих историю этой войны. Художник, очевидно, наспех и очень поверхностно ознакомился с внешним видом одного из боевых треножников. Он изобразил боевую машину в

виде каких-то ходуль из трех прямых жердей, лишенных гибкости и легкости, способных лишь к очень однообразным движениям, что совершенно не соответствует действительности. Брошюра со своими иллюстрациями наделала много шуму, и я упоминаю о них лишь для того, чтобы предостеречь читателей. Иллюстрации были похожи на живых марсиан, которых я видел собственными глазами, не больше, чем восковая кукла похожа на человека. По моему мнению, иллюстрации эти только испортили брошюру.

Как я уже говорил, с первого взгляда я не признал многорукую машину за искусственный механизм. Она показалась мне живым существом, похожим на краба в блестящей оболочке. Тело марсианина, тонкие щупальца которого регулировали все ее движения, я счел чем-то вроде мозгового придатка. Но затем я заметил тот же серовато-коричневый лоснящийся кожаный покров на других копошившихся вокруг телах и понял загадку изумительного аппарата. После этого все свое внимание я уже обратил на живых, настоящих марсиан. Мельком я видел их раньше, но теперь отвращение уже не мешало мне наблюдать за ними; кроме того, я теперь находился в засаде, я следил за ними из-за прикрытия, а не

во время поспешного бегства.



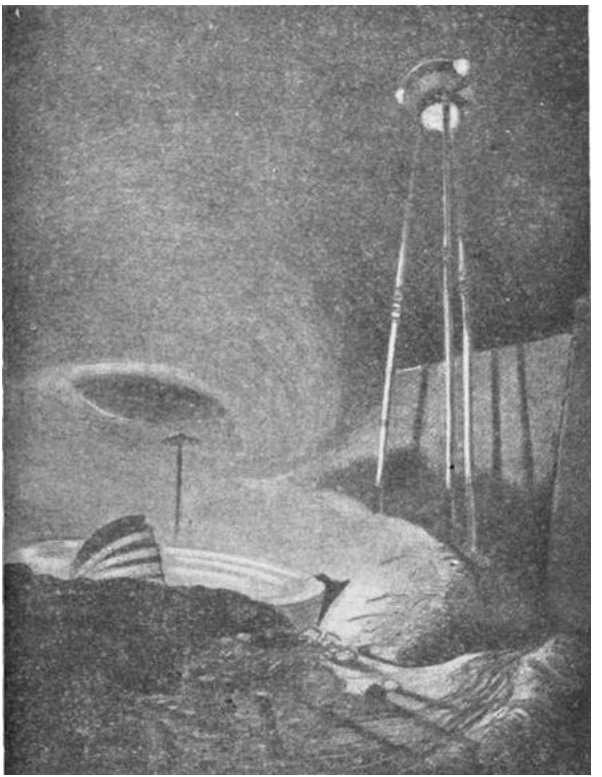
Это была многорукая машина марсиан.

Существа эти, как я теперь видел, не имели на Земле себе подобных. У них были большие круглые тела, точнее говоря — головы, около четырех футов в диаметре, с некоторым подобием лица. Ноздри на этом лице отсутствовали (марсиане, по-видимому, совершенно лишены чувства обоняния); выделялись только два очень больших темных глаза и сразу под глазами что-то вроде мясистого клюва. Сзади этой головы или тела — я, право, не знаю, как и сказать, — находилась тугая перепонка, соответствующая (как это впоследствии выяснилось) нашему уху, хотя она, вероятно, оказалась почти бесполезной в нашей более плотной атмосфере. Около рта торчало шестнадцать тонких, похожих на хлысты щупальцев, разделенных на два пучка — по восьми щупальцев в каждом. Знаменитый анатом профессор Гоуэс впоследствии весьма удачно назвал эти пучки руками. Когда я в первый раз встретил марсиан, мне показалось, что они стараются опираться на руки, но им, очевидно, мешал их увеличившийся в земных условиях вес. Можно предположить, что на Марсе они довольно свободно передвигаются при помощи этих рук.

Внутреннее анатомическое строение марсианина, как показали позднейшие вскрытия, очень просто. Большую часть тела занимает мозг, громадными нервами сообщающийся с глазами, ухом и осязательными щупальцами. Кроме того, были обнаружены сложного устройства легкие, с которыми непосредственно сообщались рот и сердце с кровеносными сосудами. Усиленная работа легких, обусловленная более плотной земной атмосферой и увеличением силы тяготения, была заметна по конвульсивным движениям внешней оболочки.

Вот и все органы марсианина. Человеку может показаться странным, что у марсиан совершенно не оказалось никаких признаков сложного пищеварительного аппарата, составляющего одну из главнейших частей нашего организма. Они состояли из одной головы. У них не было внутренностей. Они не ели, не переваривали пищи. Вместо этого они брали свежую живую кровь других существ и впрыскивали ее в свои вены. Я сам видел, как они это делали, и расскажу об этом в свое время. Чувство отвращения мешает мне подробно описывать то, на что я почти не мог смотреть. Достаточно сказать, что кровь из живого организма, в большинстве случаев из

тела человека, при помощи маленькой пипетки впрыскивалась прямо в воспринимающий канал марсианина...



Около ямы стоял пустой треножник.

Самая мысль об этом кажется нам ужасной, но в то же время я не могу не думать, насколько отвратительными должны были бы показаться наши плотоядные привычки какому-нибудь понятливому кролику.

Нельзя отрицать физиологических преимуществ подобных впрыскиваний, если вспомнить, как много времени и энергии тратит человек на принятие пищи и пищеварение. Наше тело наполовину состоит из желез, каналов и органов, занятых перегонкой разнородной пищи в кровь. Пищеварительные процессы и их воздействие на

нервную систему подрывают наши силы, отражаются на нашей психике. Люди чувствуют себя счастливыми или несчастными в зависимости от того, здоровая или нездоровая у них печень. У марсиан настроение духа не зависит от состояния организма.

Существа, захваченные с Марса в качестве провианта, объясняют отчасти, почему марсиане предпочитали питаться людьми, а не животными. Судя по тем сморщенным останкам, которые попали в людские руки, то были также двуногие существа, со слабо развитой мускулатурой и с хрупким ноздреватым скелетом, вроде ноздреватых губок. Ростом они были около шести футов; имели круглые, прямо поставленные головы с большими глазами в твердых впадинах. Помнится, в каждом цилиндре находилось два или три таких существа; но все они были умерщвлены еще до прибытия на Землю. Впрочем, здесь они все равно погибли бы, так как при первой попытке выпрямиться во весь рост на нашей планете поломали бы себе все кости.

Поскольку я уже занялся этим описанием, то разрешите мне добавить еще некоторые подробности, хотя далеко не все они были замечены и поняты мною во время пребывания в яме. По-

дробности эти помогут читателю, никогда не видевшему марсиан, составить себе более ясное представление об этих опасных существах.

Их физиологическое устройство странно отличалось от нашего еще тремя особенностями. Их организм не нуждался во сне и вечно бодрствовал, как бодрствует сердце

у спящих людей. Так как они не обладали мышечным механизмом, который требует отдыха, то им не приходилось возмещать сильное мускульное напряжение, и периодическая приостановка сознательной деятельности была им неизвестна. Равным образом почти чуждо им было чувство усталости. На Земле они не могли двигаться без значительных усилий, но даже и здесь до последней минуты они находились в непрерывной деятельности. В течение суток они работали двадцать четыре часа, как, вероятно, работают муравьи.

Затем, сколь это ни странно, между марсианами совсем не существовало половых различий — они размножались путем деления. Точно установлено, что во время войны родился один марсианин: он был найден на теле своего родителя в виде почки, точно чашечка молодой лилии или молодая особь пресноводного полипа.

Здесь стоит отметить, что некий философствующий писатель, впрочем, пользующийся довольно сомнительной научной репутацией, задолго до вторжения марсиан предсказал, что со временем человеческий организм приобретет именно такое строение, какое наблюдалось у пришельцев с Марса. Помнится, его пророчество было напечатано в ноябрьском или декабрьском номере ныне давно прекратившегося издания „Pall Mall Budget“ („Всякая Всячина“) за 1893 год.[9] Вспоминаю также связанную с этим карикатуру, появившуюся в „Punch“ („Петрушка“) — одном из распространеннейших журналов домарсианской эпохи.

Цитируемый мною автор, излагая свою мысль в веселом, игривом тоне, доказывал, что развитие техники должно в конце концов остановить развитие членов человеческого тела, а химическая пища сделает излишним пищеварение. Он утверждал, что волосы, нос, зубы, уши, подбородок не будут более являться характерными чертами человеческого лица и что с течением веков естественный отбор их уничтожит. Только мозг останется действительно необходимым

---

[9] Примечания: 9
Автором этой статьи был сам Г. Уэллс.

органом. Да еще одна часть тела — рука — имеет шансы пережить другие, потому что рука — „учитель и слуга мозга“. Остальное тело начнет атрофироваться, а руки будут все более и более удлиняться.

Истина сплошь да рядом высказывается под личиной шутки, и марсиане бесспорно являют пример подчинения интеллекту всей животной стороны организма. Мне кажется весьма вероятным, что марсиане произошли от существ, в общем похожих на нас, путем постепенного развития мозга и рук (последние, в конце концов, заменились двумя пучками щупальцев) за счет остального тела. Мозг, лишенный тела, конечно, должен был создать более эгоистичный интеллект, без всяких эмоций, свойственных человеческому существу.

Третье отличие организма марсиан от нашего на первый взгляд может показаться совсем несущественным. Микроорганизмы, возбудители стольких болезней и страданий на Земле, или никогда не появлялись на Марсе, или марсианская санитарная наука уничтожила их много веков тому назад. Сотни недомоганий, лихорадок и прилипчивых болезней, подтачивающих жизнь человека, — чахотка, рак, нарывы и другие бо-

лезненные явления — никогда не нарушают их нормального жизненного уклада.

Говоря о различии между жизнью на Земле л на Марсе, я должен упомянуть здесь еще об одном странном явлении, а именно, о красной траве.

Очевидно, растительное царство Марса вместо преобладающего у нас зеленого цвета имеет яркую кроваво-красную окраску. Во всяком случае все те семена, которые марсиане (намеренно или случайно) привезли с собой, давали ростки красного цвета. Впрочем, в борьбе с земными формами только всем известная красная трава достигла некоторого развития; красный вьюн скоро засох, и видели его лишь немногие. Но что касается красной травы, то некоторое время она распространялась изумительно быстро. Она появилась на краях ямы „а третий или четвертый день нашего заключения, и ее побеги, напоминавшие отростки кактуса, образовали карминовую бахрому около нашего треугольного окна. Позднее я видел ее в изобилии по всей стране, особенно вблизи воды.

У марсиан, по-видимому, имеется орган слуха — круглая перепонка на задней стороне головы тела — и глаза, по силе зрения не уступающие нашим; только голубой и фиолетовый цвета, по

мнению Филипса, должны казаться им черными. Принято думать, что марсиане сообщались друг с другом при помощи звуков и движений своих щупальцев. Так говорится, например, в весьма талантливой, но слишком поспешно написанной брошюре, автор которой, надо думать, никогда не видел марсиан. Эта брошюра, о которой я уже упоминал, доныне является у нас главным источником сведений о марсианах. Но никто из ныне живущих людей не наблюдал марсиан так близко, как я. Это случилось, правда, не по моему желанию, но все же это несомненно так. Я наблюдал за ними очень внимательно изо дня в день и утверждаю, что сам видел, как четыре, пять и однажды даже шесть марсиан, тяжело двигаясь, выполняли сообща самые тонкие и сложные работы, не обмениваясь ни единым звуком, ни единым жестом. Похожие на крик филина звуки, обычно издаваемые

ими перед едой и лишенные какого бы то ни было выражения, по-моему, вовсе не были сигналами, а объяснялись просто выдыханием воздуха перед вливанием крови. Я претендую на некоторое знакомство с элементарными основами психологии, и я убежден — так твердо, как только можно быть в чем-нибудь убежденным, — что марсиане обменивались мыслями, не произнося никаких слов. Я вынужден допустить это вопреки всем моим предвзятым мнениям: перед нашествием марсиан, если только читатель помнит мои статьи, я высказывался довольно резко про-

тив телепатических[10] теорий.

Марсиане не носили никакой одежды. Их понятия о красоте и приличии, естественно, сильно расходятся с нашими. К тому же они не только менее чувствительны к переменам температуры, чем мы, но и перемена давления, по-видимому, не отражается вредно на их здоровье. Но если они и не пользуются одеждой, то их огромное превосходство над людьми заключается, ко-

[10] Примечания: 10

Телепатией называется свойственная будто бы некоторым людям способность видеть предметы, находящиеся вне поля их зрения, слышать звуки, недоступные нормальному слуху, сообщать собеседнику свои мысли без помощи слов или каких-либо сигналов и т. д. В Западной Европе и особенно в Северной Америке многочисленные шарлатаны не раз демонстрировали перед доверчивой публикой мнимо телепатические явления, для объяснения которых придумано было множество нелепых теорий.

нечно, в других искусственных дополнениях к телу. Мы с нашими велосипедами и роликами, с нашими лилиенталевскими летательными аппаратами, с нашими пушками и штыками и так далее стоим лишь в начале той эволюции, которую уже проделали марсиане. Они стали как бы умами, облекающимися, смотря по надобности, в различные тела, подобно тому как люди меняют одежду, садятся для скорости на велосипед или берут зонт во время дождя. Но во всех аппаратах, построенных марсианами, всего удивительнее отсутствие того, что составляет такую существенную принадлежность всех человеческих достижений в области механики, а именно — отсутствие колеса. Среди всех предметов, доставленных ими на землю, нет даже намека на колесо. А между тем, казалось, можно было бы ожидать, что они употребляют колеса хотя бы для передвижения. В связи с этим интересно отметить, что и на Земле природа совсем не знает колеса и предпочитает ему другие приспособления. Марсиане тоже либо вовсе не знают колеса (это, впрочем, мало вероятно), или, во всяком случае, избегают пользоваться им. Кроме того, они очень редко снабжают свои аппараты неподвижными или относительно неподвижными осями с

круговым движением, сосредоточенным в одной плоскости. Почти все соединения в их машинах представляют собой сложную систему скользящих частей, двигающихся на небольших искусно изогнутых подшипниках. Коснувшись этого вопроса, я должен упомянуть и о том, что длинные рычажные соединения в их машинах приводятся в движение подобием мускулатуры из дисков в эластичной оболочке; эти диски поляризуются при пропускании электрического тока и плотно прилегают друг к другу. Следствием такого устройства является странное сходство с движениями живого существа, столь поражающее и ошеломляющее наблюдателя. Такие искусственные мускулы находились в изобилии и в той напоминавшей краба многорукой машине, которая на моих глазах разгружала цилиндр, когда я в первый раз посмотрел в щель. В лучах заходящего солнца она казалась бесконечно более живой, чем лежавшие за ней марсиане, тяжело дышавшие, шевелившие своими щупальцами и еле передвигавшиеся после своего перелета через межпланетное пространство.

Я долго наблюдал при ярком дневном свете за их медлительными движениями и подмечал странные особенности их внешнего облика, пока

викарий не напомнил мне о своем присутствии, схватив меня за руку. Я обернулся и увидел его нахмуренное лицо и сжатые губы. Он тоже хотел посмотреть в щель, у которой мог поместиться только один человек. Итак, я был вынужден отказаться от наблюдений за марсианами, пока викарий осуществлял свое законное право.

Когда я снова заглянул в щель, многорукая машина уже приладила все части вынутого из цилиндра аппарата; новая машина была во всем подобна первой. А слева, внизу, тем временем работал какой-то другой не очень большой механизм. Выпуская клубы зеленого дыма, он рыл землю и продвигался вокруг ямы, углубляя и выравнивая ее. Этот механизм и производил тот ритмический шум, от которого содрогалось наше разрушенное убежище. Во время работы он дымил и свистел. Насколько я мог видеть, он действовал самостоятельно, без всякого участия марсианина.

III
Дни заточения

Появление второго боевого треножника отогнало нас от щели и заставило вернуться в судомойню, так как мы боялись, что марсианин со своей вышки заметит нас в нашей засаде. Позднее мы поняли, что опасность быть обнаруженными не так уж велика, ибо глазу, ослепленному солнцем, наше убежище должно было представляться в виде пустой черной дыры. Но первое время, при всяком случайном приближении марсиан, мы, замирая от страха, спасались в судомойню. Однако любопытство наперекор опасности тянуло нас в щели. Теперь я с удивлением вспоминаю, что, несмотря на всю безвыходность нашего положения, — нам грозила или смерть от голода, или другой, еще более ужасный конец, — мы жестоко ссорились из-за страшной привилегии глядеть на марсиан. Мы были способны затеять нелепо-комическую скачку через всю кухню, стараясь обогнать друг друга; при всей нашей боязни произвести малейший шум, мы толкались и лягались, будучи на вершок от гибели.

Мы были совершенно разные люди по характеру, по привычкам, по всему нашему умственному складу. Опасность и заключение еще сильней подчеркивали наше несходство. Еще в Голли-

форде викарий своими беспомощными причитаниями и тупой неповоротливостью своего ума опротивел мне нестерпимо. Его бесконечные невнятные монологи мешали мне сосредоточиться и при моем истерическом настроении доводили меня чуть не до припадков. У него было не больше выдержки, чем у глупой старой бабы. Он готов был плакать по целым часам, и я уверен, что он, как ребенок, воображал, будто слезы ему помогут. Даже в темноте он ежеминутно напоминал мне р своем присутствии. Кроме того, он ел гораздо больше меня, и я тщетно напоминал ему, что нам придется оставаться в доме до тех пор, пока марсиане не закончат свою работу в яме, а стало быть, надо беречь провизию, так как это наша единственная надежда на спасение. Он ел и пил помногу после длительных перерывов. Спал мало.

Прошло несколько дней; беззаботность викария и его упорное нежелание вникнуть в мои слова еще более ухудшили наше отчаянное положение. Я принужден был прибегнуть к угрозам, даже к побоям. Это образумило его, но не надолго. Он принадлежал к числу тех хитрых, но слабых, лишенных гордости, трусливых, презренных людей, которые лгут и богу, и людям, и даже себе

самим.

Мне неприятно вспоминать и писать об этом, но иначе мой рассказ будет не полон. Те, кому удалось избежать темных и ужасных сторон жизни, не задумаются осудить меня за грубость, за порывы бешенства в последнем акте нашей трагедии; эти люди, конечно, хорошо умеют отличать добро от зла. Но, я полагаю, им вряд ли известно, что человек, измученный пыткой, не может отвечать за себя. Зато всякий, кто сам прошел через мрак и видел скрытые корни вещей, поймет меня и найдет для меня оправдание.

И вот, в то время, как мы с викарием шопотом спорили, вырывали друг у друга пищу и питье, боролись и дрались, снаружи в яме, под беспощадным солнцем этого страшного июня, марсиане налаживали свою непонятную для нас жизнь. Теперь я расскажу о том, что видел. После долгого промежутка я наконец снова завоевал право смотреть в щель и заметил, что к новоприбывшим присоединилось еще трое марсиан с тремя боевыми треножниками и с какими- то новыми приспособлениями, расставленными в стройном порядке вокруг цилиндра. Только что собранная вторая многорукая машина обслуживала какой-то новый аппарат, принесенный

одним из треножников. Аппарат этот своими общими очертаниями напоминал жбан для молока, а над ним был укреплен качающийся приемник грушевидной формы; какой-то белый порошок непрерывно сыпался из него в подставленный внизу круглый сосуд.

Вращение шло от одного из щупальцев многорукой машины. Две лопатообразные руки копали глину и бросали куски ее в грушевидный приемник, в то время как третья рука периодически открывала дверцу и удаляла из средней части прибора обожженный кирпич, покрытый нагаром. Четвертое стальное щупальце направляло порошок из котла по коленчатой трубке в какой-то другой приемник, скрытый от меня

кучей голубоватой пыли. Из этого невидимого приемника поднималась прямо вверх струйка зеленоватого дыма. Пока я смотрел, многорукая машина с легким музыкальным звоном вдруг, словно подзорную трубу, растянула щупальце, скрытое раньше за кучей глины и казавшееся минуту назад коротким тупым отростком. Секунду спустя щупальце подняло кверху полосу белого алюминия, еще не успевшего остыть и ярко блестевшего, и отложило его в клетку из таких же полос, сложенную у одной стороны ямы. В промежутке между заходом солнца и появлением первых звезд эта проворная машина изготовила не менее сотни таких полос прямо из сырой глины, и куча голубоватой пыли поднялась выше краев ямы.

Контраст между быстрыми и сложными движениями всех этих машин и тяжелой пыхтящей неуклюжестью их владельцев был так велик, что сплошь да рядом живыми казались машины, а не марсиане.

Викарий стоял у щели, когда к яме принесли первых пойманных людей. Я сидел на полу и прислушивался.

Вдруг он отпрянул назад, а я, думая, что нас заметили, замер от ужаса. Он тихонько пробрал-

ся ко мне по мусору и присел рядом со мной в темноте, бормоча и показывая что-то пальцами; испуг его сообщился и мне. Движением руки он дал мне понять, что уступает мне щель. Любопытство придало мне храбрости, я встал, перешагнул через викария и прильнул к щели. Сначала я не понял причины его страха. Уже смеркалось, звезды казались крошечными и тусклыми, но яма была освещена зелеными вспышками от машины, изготовлявшей алюминий. Неровные отсветы зеленого огня и двигавшиеся черные смутные тени производили странное впечатление. В воздухе кружились летучие мыши.

Марсиан не было видно за кучей голубовато-зеленой пыли. В одном из углов ямы стоял боевой треножник с укороченными поджатыми ногами. Вдруг среди машинного гула как будто послышались человеческие голоса. Я подумал, что мне померещилось, и сначала не обратил на это внимания.

Я нагнулся, наблюдая за боевым треножником, и только тут окончательно убедился, что в колпаке и впрямь скрывается марсианин. Когда зеленое пламя вспыхнуло ярче, я разглядел его лоснящийся покров и блеск его глаз. Вдруг послышался крик, и я увидел, как длинное щупальце

перегнулось за плечо машины к маленькой клетке, висевшей позади нее наподобие гроба. Потом высоко в воздухе поднялось что-то барахтавшееся, какой-то неясный, загадочный предмет, черневший на фоне звездного неба. Когда предмет опустился, то при зеленой вспышке я увидел, что это человек. В течение нескольких секунд я успел его рассмотреть. Это был хорошо одетый, здоровенный, упитанный мужчина средних лет. Три дня назад он, вероятно, занимал видное положение в обществе. Я видел его широко раскрытые глаза и отблеск огня на его пуговицах и часовой цепочке. Он исчез по другую сторону кучи, и одно мгновенье все было тихо, но потом снова послышался жалобный крик и продолжительное ликующее уханье марсиан…

Я присел на кучу мусора, потом вскочил, зажал уши и бросился в судомойню. Викарий, обхватив голову руками, молча пригнулся к полу, взглянул на меня, когда я проходил мимо, всхлипнул, очевидно, вообразив, что я покидаю его, и бросился вслед за мной.

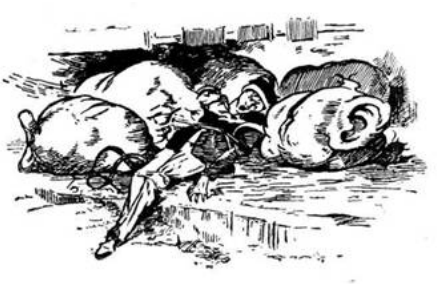
Эту ночь мы провели в судомойне, колеблясь между ужасом и жутким соблазном поглядеть в щель. Я чувствовал, что надо действовать, но тщетно пытался придумать какой-нибудь план

бегства. Только на следующий день удалось мне вполне ясно понять создавшееся положение. Я видел, что викарий совершенно не способен рассуждать логично. От всех этих ужасов он стал необычайно порывист, потерял всякое благоразумие и предусмотрительность. В сущности он уже опустился до уровня животного. Мне приходилось рассчитывать исключительно на себя. Обдумав все хладнокровно; я решил, что, несмотря на всю трагичность нашего положения, отчаиваться нечего. Наша главная надежда в том, что марсиане, вероятно, лишь временно расположились в яме. Если они даже превратят ее в свой постоянный лагерь, то и тогда нам может представиться случай к бегству, если только они не сочтут нужным его охранять. Я обдумывал также с большим усердием план подкопа в противоположную от ямы сторону, но здесь нам угрожала опасность очутиться в поле зрения какого-нибудь стоявшего на карауле треножника. Кроме того, подкоп пришлось бы рыть мне одному, — викарий, конечно, был не пригоден для такой работы.

Если память мне не изменяет, я видел, как убили человека, на третий день нашего заключения. То был единственный случай, когда я имел

возможность воочию наблюдать, чем питаются марсиане. После этого я больше не приближался к щели в дневные часы.

Я отправился в судомойню, затворил дверь и несколько часов подряд тихонько рыл землю топором. Но когда я прокопал отверстие фута в два глубиной, рыхлая земля с шумом обвалилась, и я не решился копать дальше. Я замер и долго лежал на полу, боясь пошевелиться. После этого я оставил всякую мысль о подкопе.



Марсиане произвели на меня такое сильное впечатление, что я уже почти не надеялся на помощь со стороны людей. Но на четвертую или пятую ночь я услыхал звуки, напоминавшие выстрелы из тяжелых орудий.

Была глубокая ночь, и луна ярко сияла. Марси-

ане убрали свой экскаватор и куда-то скрылись. Только вдалеке стоял боевой треножник, да на одном из углов ямы многорукая машина продолжала работать как раз под той щелью, сквозь которую я смотрел. В яме было совсем темно, если не считать тех мест, куда падал лунный свет и отблески многорукой машины, которая одна нарушала тишину своим лязганьем.

Ночь была ясная, светлая; луна, единственная из планет, царила на небе. Я услыхал собачий вой, и этот знакомый звук заставил меня насторожиться. Потом я отчетливо различил гул канонады. Я насчитал шесть выстрелов и после долгого перерыва — еще шесть. И это было все.

IV
Смерть викария

Это случилось на шестой день нашего заключения. Я смотрел в щель и вдруг почувствовал, что я один. Вместо того, чтобы стоять рядом и отталкивать меня от щели, викарий почему-то ушел в судомойню. Мне показалось это подозрительным. Проворно, но беззвучно ступая, я вернулся в судомойню. В темноте я услыхал, что викарий пьет. Я протянул руку в темноту, и мои пальцы нащупали бутылку бургонского.

Несколько минут мы боролись. Бутылка упала и разбилась. Я выпустил викария и выпрямился. Мы стояли, тяжело дыша, готовые к новой схватке. Наконец я встал между ним и запасом провизии и сказал, что решил установить дисциплину. Я разделил весь оставшийся запас на части с таким расчетом, чтобы хватило на десять дней. На другой день викарий сделал попытку снова подобраться к пище. Я дремал, но сразу встрепенулся. Весь день и всю ночь мы просидели друг против друга; я сильно утомился, но не уступал, викарий плакал и жаловался на голод. Я

знаю, что мы провели так одну ночь и один день, но мне казалось тогда, — кажется и теперь, — что прошла целая вечность.

Несходство наших характеров привело наконец к открытому столкновению. В течение двух долгих дней мы перебранивались вполголоса, спорили, обвиняли друг друга. Иногда я терял самообладание и колотил его; иногда пытался действовать лаской и убеждением; однажды я даже попробовал соблазнить его последней бутылкой бургонского: в кухне стоял насос для откачивания дождевой воды, при помощи которого я мог утолять жажду. Но ни уговоры, ни угрозы не привели ни к чему: видимо, викарий совсем потерял рассудок. Он не прекращал попыток захватить провизию и разговаривал вслух сам с собой. Он держался очень неосторожно, — каждую минуту нас могли обнаружить. Скоро я понял, что он помешался, что моим единственным товарищем в этом тесном заточении был сумасшедший. Теперь я склонен думать, что и сам я в то время был отчасти не в своем уме. Меня мучили нелепые, безобразные кошмары. Но, как это ни странно, быть может, сумасшествие викария послужило мне предостережением: я взял себя в руки и потому сохранил рассудок.

На восьмой день викарий начал говорить громко, и я никак не мог удержать поток его красноречия.

— Праведен гнев твой, о господи! — повторял он поминутно, — праведен. Наложи кару твою на меня и на всех, кто со мною. Согрешили мы и впали в нечестие. Нищета была всюду и скорбь, бедняка попирали во прахе, а я потакал этому. Я проповедывал безумие, боже мой, безумие века сего, когда я должен был восстать, хотя бы и смерть мне грозила, и призвать их к покаянию. К покаянию угнетателей бедного и нищего.

Потом он снова вспоминал о провизии, к которой я не допускал его, надоедал мне клянчил, плакал, угрожал. Наконец он начал повышать голос; я умолял его замолчать; тогда он понял, что может держать меня в руках, и стал грозить, что поднимет крик и привлечет внимание марсиан. На первых порах это испугало меня. Но моя уступчивость уменьшила бы наши шансы на спасенье. Я не слишком верил его застращиваниям, хотя и считал его способным на самую безумную выходку. В тот день, по крайней мере, он не привел в исполнение своей угрозы. Но он продолжал разглагольствовать, постепенно повышая голос, в течение восьмого и девятого дней — это были

проклятия и мольбы, перемешанные с покаянными возгласами о недостойном служении богу. Мне стало жаль его. Но, отоспавшись немного, он снова начал говорить так громко, что я вынужден был принять какие-нибудь меры.

— Молчите, молчите, — заклинал я.

Он стал на колени; до тех пор он сидел на корточках в темноте возле медной посуды.

— Я слишком долго молчал! — крикнул он так громко, что его, казалось, не могли не услышать в яме. — Но теперь я должен свидетельствовать. Горе этому нечестивому граду! Горе! Горе! Горе! Горе обитателям Земли, ибо уже прозвучала труба!..

— Тише, — прошептал я, вскакивая на ноги и холодея от ужаса при мысли, что марсиане услышат нас. — Ради бога.

— Нет! — заорал во все горло викарий, тоже поднявшись и простирая руки. — Слово господне на устах моих!

В три прыжка он был у двери в кухню.

— Я должен свидетельствовать. Я иду. Я и так уже слишком долго медлил.

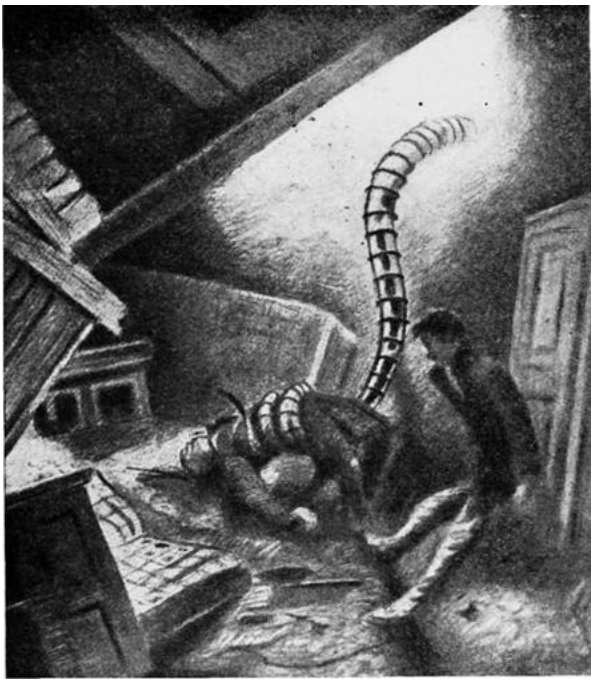
Я протянул руку и нащупал сечку для мяса, висевшую на стене. В один миг я настиг его. Я рассвирепел от страха. Я нагнал его прежде, чем он успел добежать до середины кухни. Уступая

последнему порыву человеколюбия, я обернул острие кверху и ударил его тупой стороной. Он ничком упал на пол. Я споткнулся о его тело и остановился, тяжело дыша. Он лежал неподвижно.

Вдруг я услышал снаружи возню и стук осыпающейся штукатурки; треугольное отверстие в стене потемнело. Я взглянул вверх и увидел, что нижняя часть многорукой машины медленно входит в пролом стены. Одно из сокращавшихся щупальцев извивалось среди обломков. Показалось второе щупальце, скользившее по рухнувшим балкам. Я оцепенел от ужаса. Потом у края отверстия, позади особого рода стеклянной пластинки, я увидел, с позволения сказать, лицо и большие темные глаза марсианина. Щупальце, как длинная металлическая змея, медленно вползало в дыру.

Я отскочил, споткнулся о тело викария и остановился у двери судомойни. Щупальце просунулось на два метра в кухню, извиваясь и поворачиваясь. Несколько секунд я стоял, как зачарованный, глядя на его медленное порывистое продвижение. Потом, тихо вскрикнув от страха, я пробежал через судомойню. Я весь дрожал и едва мог держаться на ногах. Я открыл дверь в угольный

чулан и стоял



Щупальце поволокло к отверстию тяжелое тело.

там в темноте, глядя через щель двери в кухню

и прислушиваясь. Заметил ли меня марсианин? Что он там делает?

В кухне что-то двигалось, задевало о стены с легким металлическим побрякиванием, точно связка ключей на кольце. Какое-то тяжелое тело — я слишком хорошо знал, какое именно, — проволокли по полу в отверстие. Уступая непобедимому соблазну, я подошел к двери и выглянул. В треугольном освещенном солнцем отверстии я увидел марсианина на многорукой машине; он внимательно рассматривал голову викария. Я сразу же подумал, что марсианин догадается о моем присутствии по рубцу от удара, который я нанес.

Я вполз обратно в угольный чулан, затворил дверь и в темноте стал по возможности бесшумно зарываться в дрова и в уголь. То и дело я замирал на месте без движения, прислушиваясь, не ввел ли снова марсианин свое щупальце в отверстие.

Вдруг легкое металлическое побрякивание возобновилось. Щупальце медленно двигалось по кухне. Все ближе и ближе. Вот оно уже в судомойне. Я надеялся, что щупальце не дотянется до меня. Щупальце царапнуло по двери чулана. Наступила целая вечность почти нестерпимого ожидания; я услышал, как стукнула щеколда. Он

отыскал дверь. Марсианин понимает, что такое дверь.

Щупальце провозилось со щеколдой около минуты; потом дверь отворилась.

В темноте я мог разглядеть это металлическое щупальце, несколько напоминавшее слоновый хобот. Оно приближалось ко мне, трогало и ощупывало стену, куски угля, дрова и потолок. Это был какой-то темный червяк, поворачивавший свою слепую голову туда и сюда.

Щупальце коснулось моего каблука. Я чуть не закричал, но сдержался, укусив себя за руку. С минуту все было тихо, я уже начинал думать, что оно удалилось. Вдруг, неожиданно щелкнув, оно схватило что-то — мне почудилось, что меня, — и как будто стало выползать из погреба. Я не был вполне в этом уверен. Очевидно, оно захватило кусок угля.

Я воспользовался случаем, чтобы немного изменить чрезвычайно неудобное положение моего тела, и прислушался.

Вдруг я снова услыхал знакомое побрякиванье. Щупальце приближалось ко мне. Медленно, очень медленно, царапая стены и постукивая по мебели.

Я не знал, дотянется оно до меня, или нет. Вдруг

сильным и коротким ударом оно захлопнуло дверь угольного чулана. Я слышал, как оно заходило по кладовой, слышал, как передвигались жестянки с бисквитами, как разбилась бутылка. Потом новый удар в дверь чулана. Потом тишина, перешедшая в томительное ожидание.

Щупальце ушло? Да, как будто.

Оно не возвращалось больше в судомойню; но я пролежал весь десятый день в темноте, зарывшись в угле и дровах, не смея выползти, чтобы напиться, хотя меня страшно томила жажда. Только на одиннадцатый день я рискнул покинуть свое убежище.

V
Тишина

Прежде чем войти в кладовую, я затворил дверь из кухни в судомойню. Но кладовая была пуста; провизия вся исчезла — до последнего куска. Очевидно, марсианин взял все. Сначала я впал в отчаяние. Я ничего не ел и не пил в течение одиннадцатого и двенадцатого дня.

Губы и глотка у меня пересохли. Я страшно ослабел. Я сидел в темной судомойне в полном

отчаянии. Думал я только о еде. Мне пришло в голову, что я оглох, так как привычные звуки со стороны ямы совершенно стихли. Я не чувствовал себя достаточно сильным, чтобы бесшумно подползти к щели в кухне, иначе я бы это сделал.

На двенадцатый день горло мое так пересохло от жажды, что я, рискуя привлечь внимание марсиан, привел в действие скрипучий насос над раковиной и добыл стакана два мутной, темноватой жидкости. Питье подкрепило меня, и я несколько приободрился, видя, что шум насоса не заставил щупальце появиться вновь.

В течение этих дней я вспоминал о викарии и о его смерти смутно, как во сне.

На тринадцатый день я выпил еще немного воды и задремал, мечтая о еде и о фантастических невыполнимых планах бегства. Лишь только я успевал задремать, меня начинали мучить кошмары: смерть викария, роскошные блюда… Но и во сне и наяву я испытывал мучительную жажду, которая заставляла меня пить без конца. Свет, проникавший в судомойню, имел теперь не сероватый, а красноватый оттенок. Моему больному воображению этот свет представлялся кровавым.

На четырнадцатый день я вошел в кухню и

очень удивился, увидев, что трещина в стене заросла красной травой и что именно от этого полумрак стал красноватым.

Рано утром на пятнадцатый день я услышал в кухне какой-то странный, но знакомый звук. Прислушавшись, я решил, что это повизгиванье и царапанье собаки. Войдя в кухню, я увидел собачью морду, просунувшуюся в щель сквозь заросли красной травы. Я очень удивился. Почуяв меня, собака отрывисто залаяла.

Я подумал, что если мне удастся заманить ее в кухню, я смогу убить ее и съесть. Во всяком случае, благоразумнее будет убить ее, так как она может привлечь внимание марсиан.

Я протянул руку и ласково поманил:

— Песик, песик.

Но собака скрылась.

Я прислушался, — нет, я не оглох, — в яме было действительно совершенно тихо. Я различал лишь какой-то звук, похожий на хлопанье птичьих крыльев, да еще резкое карканье — и больше ничего.

Долго стоял я у щели, не решаясь раздвинуть красную поросль. Раз или два я слышал царапанье — это собака бегала по песку. Слышался также шум птичьих крыльев — и только. Нако-

нец, собравшись с духом, я выглянул наружу.

В яме никого. Только в одном углу стая ворон дралась над остовами мертвецов, съеденных марсианами.

Я оглянулся кругом, не веря своим глазам. Ни одной машины. Яма опустела. В одном углу — груда серовато-синей пыли, а в другом — несколько алюминиевых полос, да черные птицы над трупами жертв.

Медленно пролез я сквозь красную поросль на куче щебня. Я мог смотреть во все стороны, — только позади

В пустых комнатах росла трава.

меня, на севере, высился дом, — и нигде не заметил ни малейших признаков присутствия марсиан. Яма начиналась как раз у моих ног, и по щебню я мог выбраться из развалин. Значит, я спасен. Я затрепетал от радости.

Несколько минут я стоял и колебался; потом

вдруг в порыве отчаянной решимости с бьющимся сердцем вскарабкался на груду обломков, под которыми я так долго был заживо погребен.

Я осмотрелся еще раз. На севере тоже ни одного марсианина.

Когда я в последний раз видел эту часть Шина при дневном свете, здесь тянулась извилистая улица, застроенная уютными белыми и красными домиками, под тенью раскидистых деревьев. Теперь я стоял на куче мусора, кирпичей, глины и песку, густо заросшей какими-то красными растениями вроде кактусов. Они доходили мне до колен и вытеснили всю земную растительность. Ближайшие деревья высились — черные и мертвые, — но немного дальше сеть красных побегов обвивала еще живые стволы.

Все окрестные дома были разрушены, но ни один не сгорел. Некоторые стены уцелели до второго этажа, но все окна были разбиты, двери выломаны. Красная трава росла даже в комнатах, оставшихся без крыш. Внизу, в яме, вороны дрались из-за мертвечины. Несколько птиц прыгало кое-где по развалинам. Вдали по стене одного из домов осторожно спускалась отощавшая кошка, но людей я не заметил нигде.

После моего недавнего заключения в полутьме день показался мне ослепительным, небо — ярко-голубым. Легкий ветерок слегка шелестел в красной траве, которая покрывала каждый клочок свободной земли. И какой чудесный был воздух!

VI
Что сделали марсиане за две недели

Несколько минут я стоял, пошатываясь на груде мусора. В убогой каморке, только что покинутой мною я вынужден был с тягостным напряжением думать лишь о нависшей надо мной опасности. Я не знал, что произошло за это время в мире, и был поражен открывшимся передо мной зрелищем. Я ожидал увидеть Шин в развалинах, но я увидел мрачный и зловещий ландшафт чужой планеты.

В этот миг я впервые испытал чувство, которое неизвестно большинству людей, но которое слишком хорошо знают бедные звери, живущие под нашим игом. Я испытал то, что испытывает кролик, возвратившийся к своей норке и вдруг увидевший дюжину землекопов, которые вскапывают землю под фундамент будущего дома. То были первые проблески чувства, совершенно ясно осознанного мною немного позже и угнетавшего меня в течение долгих дней: чувства развенчанности, убеждения, что я уже не хозяин, а животное среди других животных под пятой у марсиан. Как все животные, мы должны теперь

быть вечно начеку, убегать и прятаться Царство человека миновало.

Но это своеобразное ощущение, едва успев возникнуть, тотчас же исчезло и уступило место чувству нестерпимого голода после долгого и скорбного поста. Невдалеке от ямы, за заросшим красной травой забором, я увидел клочок уцелевшего сада. Это внушило мне надежду, и я стал пробираться вперед, увязая по колено и по шею в красной траве, с отрадным сознанием безопасности. В такой густой растительности спрятаться было нетрудно. Забор, окружавший сад, достигал шести футов в высоту, и когда я попробовал вскарабкаться на него, то оказалось, что я не могу перекинуть через него ногу. Я прошел дальше и, цепляясь за лепные украшения углового столба, взобрался наверх и спрыгнул в сад. Тут я нашел несколько молодых луковиц, земляных груш и кучку мелких морковок. Собрав все это, я перебрался через разрушенную стену и по дороге, окаймленной пурпуровыми и малиновыми растениями, направился в Кью. Это походило на прогулку среди гигантских кровяных капель. Я думал о бегстве и о пище: уйти так скоро, как только позволят мои силы, из этой проклятой, не похожей на нашу Землю области.

Немного дальше я нашел в траве несколько штук грибов и съел их; затем наткнулся на коричневую полоску мелкой текучей воды, — раньше тут простирались луга. Несколько съеденных кусочков еще сильнее распалили мой голод. Сначала я недоумевал, откуда взялась здесь вода в разгаре жаркого сухого лета; но затем понял, что это объясняется тропически бурным распространением красной травы. Повсюду, где это необыкновенное растение встречало влагу, оно быстро достигало гигантских размеров и разрасталось необычайно. Его семена попали в струи Уэя и Темзы, и титанически разрастающаяся водянистая листва вскоре покрыла обе реки.

Разлив Темзы.

Вскоре я увидел, что в Петни мост почти исчезает под зарослями; у Ричмонда воды Темзы

широким, но неглубоким озером разлились по лугам Хемптона и Твикнема. Вместе с разливом двигалась и красная трава, и одно время разрушенные виллы в долине Темзы исчезли посреди тех красных джунглей, на окраине которых я находился и которые скрывали следы опустошения, произведенного марсианами.

Впоследствии красная трава погибла так же быстро, как распространилась; очевидно, она была уничтожена болезнью, вызванной какими-то бактериями.

Благодаря естественному подбору все земные растения выработали способность сопротивляться бактериям; они никогда не погибают без упорной борьбы; но красная трава засыхала на корню. Листья ее белели, морщились, делались хрупкими и отваливались при малейшем прикосновении. Вода, ранее помогавшая развитию красной травы, теперь уносила в море ее последние остатки.

Приблизившись к воде, я, конечно, прежде всего утолил жажду. Я напился вволю и, повинуясь какому-то смутному побуждению, стал жевать листья красной травы; они оказались очень водянистыми и имели неприятный, металлический привкус. Я заметил, что вода неглубока и что я

безопасно могу пуститься вброд, хотя мои ноги и заплетались в красной траве. Но глубина, очевидно, увеличивалась по мере приближения к середине реки, и поэтому я повернул обратно в сторону Мортлека. Я старался держаться дороги, ориентируясь по случайно уцелевшим остаткам придорожных вилл, заборов и фонарей, и наконец выбрался из болота к холму у Рогемптона и вышел на Петнийские луга.

Здесь картина резко изменилась. Ничего чуждого, странного, а только разгром всего знакомого и привычного. Местами страна была так опустошена, как будто над ней пронесся циклон, а в нескольких десятках метров дальше попадались совершенно не тронутые участки: дома с чистыми задернутыми шторами и запертыми дверьми выглядели так, как будто их обитатели спали или покинули свои жилища всего на один-два дня. Красная трава росла уже не так густо, высокие деревья вдоль улицы были свободны от красных паразитов. Я искал каких-нибудь съедобных растений под деревьями, но не нашел ничего; заглянул также в два безлюдных дома, но здесь, очевидно, уже побывали другие: дома стояли разграбленные. Остаток дня я провалялся в кустах. Я выбился из сил и был не в состоянии

итти дальше.

За все это время я не встретил ни одного человека и нигде не видел марсиан. Мне попались навстречу лишь две голодные собаки, но обе они убежали от меня и не подошли, хотя я усердно подманивал их к себе. Близ Рогемптона я наткнулся на два человеческих скелета: не трупа, а скелета — так чисто они были объедены; в лесу я нашел разбросанные кости кошек и кроликов и череп овцы. Но на них совсем не сохранилось мяса; напрасно я глодал их.

После захода солнца я направился по дороге к Петни, где, надо думать, марсиане действовали тепловым лучом. В чьем-то огороде за Рогемптоном я добыл молодого картофеля и немного утолил голод. Из огорода открывался вид на Петни и реку — мрачный и пустынный: обуглившиеся деревья, черные безлюдные развалины, у подножия холма красноватые болота речного разлива и гнетущая тишина. Я содрогался при мысли о том, как быстро произошла эта перемена.

Сначала я даже подумал, что все человечество уничтожено, сметено с лица Земли и что я стою здесь один, последний оставшийся в живых человек. У самой вершины Петнийского холма я опять наткнулся на скелет: руки его

были оторваны и лежали в нескольких метрах от туловища. Продвигаясь дальше, я все более и более убеждался, что все люди в этой местности истреблены, за исключением разве немногих беглецов вроде меня. Очевидно, марсиане в поисках пищи продвинулись дальше и покинули опустошенную страну. Или, чего доброго, они направились к северу…

VII
Человек на Петнийском холме

Я провел эту ночь в гостинице на вершине Петнийского холма и спал в постели впервые со времени моего

бегства в Лезерхед. Не стоит рассказывать, как я совершенно напрасно ломился в дом, а потом обнаружил, что входная дверь закрыта снаружи только на щеколду; как я обшарил все комнаты в поисках пищи и наконец, уже отчаявшись, на-

шел в какой-то комнатке, — кажется, в спальне служанки, — черствый хлеб, обглоданный крысами, и две банки ананасных консервов. Кто-то уже успел обыскать дом и опустошил его. Позднее я нашел в буфете изрядный запас сухарей и сандвичей, очевидно, не замеченных первым грабителем. Сандвичи были совсем несъедобны; зато сухарями я не только утолил голод, но и наполнил карманы. Лампы я не зажигал, опасаясь, что какой-нибудь марсианин разгуливает по этой части Лондона, отыскивая себе поживу во мраке. Прежде чем улечься, я долго с беспокойством переходил от окна к окну и высматривал, не видно ли где-нибудь этих чудовищ. Спал я плохо. Лежа в постели, я заметил, однако, что рассуждаю совершенно логично, к чему был решительно неспособен со времени моей последней стычки с викарием. После этого столкновения я все время испытывал какую-то смутную душевную тревогу, или находился в состоянии тупой подавленности. Но в эту ночь мой мозг, подкрепленный пищей, снова прояснился, — я начал мыслить последовательно. Три вопроса занимали меня: смерть викария, местопребывание марсиан и участь моей жены. О викарии я думал без всякого чувства ужаса или сознания своей вины; я

принимал его смерть как совершившийся факт, о котором не-приятно вспоминать, но не испытывал никаких угрызений совести. Тогда, как и теперь, я считал себя жертвой простого стечения обстоятельств, которые шаг за шагом привели нас к роковой развязке. Я не осуждал себя, но застывшее неизменное воспоминание преследовало меня. В тишине ночи я призвал себя к допросу и начал судить себя собственным судом за этот миг ярости и страха. Я припомнил все подробности наших бесед с той первой минуты, когда он склонился надо мной, не слушая моих стонов, вызванных жаждой, и указал на огонь и дым среди развалин Уэйбриджа. Мы были совсем разные люди, но случай свел нас вместе. Если бы я мог предвидеть все последствия, то бросил бы его в Голлифорде. Но я ничего не предвидел; я был бы преступником, если б все предвидел и тем не менее не расстался с ним. Я рассказал здесь все, как оно было. Свидетелей нет — я мог бы все утаить: но я рассказал, и пусть читатель судит меня, как хочет. Наконец, сделав усилие, я изгнал из своих мыслей образ повергнутого, распростертого тела и стал размышлять о марсианах и о судьбе моей жены. Что касается марсиан, то я ничего не знал наверное; я мог предполагать

что угодно. Со вторым вопросом дело обстояло не лучше. И вдруг мною овладел ужас. Я сидел на кровати, всматриваясь в темноту… Одно только желание сохранилось во мне: чтобы мою жену внезапно и безболезненно поразил тепловой луч. Страшная ночь…

На рассвете я крадучись выбрался из дома, как крыса из своей норы, как низшее существо, которое может быть поймано и убито по первой прихоти своего властелина. Много надо было пережить, чтобы дойти до этого. Да, несомненно, если бы даже эта война не научила нас ничему другому, она во всяком случае должна была

научить нас состраданию — состраданию к тем бессловесным тварям, которые вынуждены сносить наше господство.

Утро было ясное. Восток розовел и клубился золотыми облаками. По дороге, сбегающей с вершины Петнийского холма к Уимблдону, виднелись следы того людского потока, который устремился отсюда к Лондону в ночь на понедельник, после начала битвы с марсианами: двухколесная ручная тележка с надписью: «Томас Лоб, зеленщик, Нью-Молден», со сломанным колесом и опустошенным жестяным ящиком; чья-то соломенная шляпа, затоптанная в затвердевшую уже грязь, а на вершине Западного холма — осколки разбитого стекла со следами крови. Я шел медленно, не отдавая себе отчета в своих намерениях. Я собирался пойти в Лезерхед, хотя и знал, что почти нет надежды найти там мою жену. Конечно, если только смерть не настигла моих родственников совершенно неожиданно, то они бежали оттуда вместе с ней. Но мне казалось, что на месте я хоть смогу выяснить, куда направились жители Серрея. Я знал, что хочу найти жену, что мое сердце рвется к ней и к другим людям, но я не знал, как мне начать свои поиски;

я понимал, что я совершенно одинок. Свернув

у перекрестка, я под прикрытием деревьев и кустов направился к широко раскинувшемуся Уимблдонскому лугу.

На темной почве выделялись желтые пятна дрока и вереска; красной травы не было нигде. Я пробирался осторожно по самой окраине открытого пространства. Взошло солнце и озарило все своим живительным светом. В луже под деревьями я наткнулся на выводок лягушек и остановился: глядя на них, я учился упорству в жизненной борьбе. И вдруг, проворно обернувшись, со странным ощущением, что за мною наблюдают исподтишка, я заметил какое-то движение в кустах. Постояв немного, я сделал шаг вперед, и мне навстречу поднялся человек с тесаком в руке. Я медленно приближался к нему. Он стоял молча, не двигаясь, и следил за мной.

Приблизившись, я разглядел, что одежда на нем такая же грязная, как и на мне. Казалось, его только что протащили по канализационной трубе.

Подойдя еще ближе, я увидел, что весь он выпачкан в тине, глине и саже. Черные волосы свисали ему на глаза, лицо было смуглое, грязное и осунувшееся, так что в первую минуту я совсем не узнал его. На подбородке у него виднелся крас-

ный шрам.

— Стой! — закричал он, когда я подошел к нему на расстояние десяти метров.

Я остановился. Голос у него был хриплый.

— Откуда вы идете? — опросил он.

Я молчал, наблюдая за ним.

— Я иду из Мортлека, — отвечал я наконец. — Меня засыпало около ямы, которую марсиане вырыли возле своего цилиндра. Я выбрался оттуда и убежал.

— Тут мало съестного, — сказал он. — Это моя земля, весь этот холм до реки, до Клейхема и до края луга.

Пищи тут найдется только на одного. Куда вы идете?

Я ответил не сразу.

— Не знаю, — сказал я. — Я просидел в развалинах разрушенного дома тринадцать или четырнадцать дней. Я не знаю, что случилось за это время.

Он поглядел на меня недоверчиво, но затем выражение его лица вдруг изменилось.

— Я вовсе не желаю оставаться здесь, — сказал я, — я иду в Лезерхед, — там моя жена.

Он вытянул указательный палец.

— Это вы? — спросил он. — Человек из Уокинга?

Так, значит, вас не убили под Уэйбриджем?

Я узнал его в ту же минуту.

— Вы артиллерист? Вы заходили в мой сад?

— Здорово! — сказал он. — Нам повезло обоим. Так это вы!

Он протянул мне руку и пожал ее.

— Я прополз по сточной трубе, — продолжал он. — Они не всех перебили. Когда они ушли, я полями пробрался к Уолтону. Но не прошло и шестнадцати дней, а ваши волосы поседели, — вдруг он тревожно оглянулся через плечо. — Это только грач, — сказал он. — Теперь замечаешь даже тень птицы. Здесь место открытое, заберемся в кусты и потолкуем.

— Видели вы марсиан? — спросил я. — С тех пор, как я выбрался.

— Они ушли в Лондон, — перебил он. — Я думаю, там их главный лагерь. Ночью, вон там, за Хемпстедской дорогой, все небо бывает красно от зарева. И в зареве двигаются их тени. При дневном свете их не видать. Но ближе… Я не встречал их… — он стал считать по пальцам. — Пять дней… Потом я видел, как двое из них тащили что-то большое через Геммерсмитскую дорогу. А в позапрошлую ночь, — он помолчал и многозначительно добавил, — опять что-то светилось, да

только высоко в воздухе. Я думаю, они построили летательную машину и учатся летать.

Я встал на четвереньки, и мы поползли к кустам.

— Летать?

— Да, — сказал он, — летать.

Я дополз до небольшого бугра и сел.

— Значит, с человечеством покончено… — сказал я. — Если они могут летать, они просто облетят вокруг света…

Он кивнул головой.

— Они полетят. Здесь тогда станет чуточку легче. Да, впрочем… — Он посмотрел на меня. — Разве вы сомневаетесь, что с человечеством покончено? Я не сомневаюсь. Ничего не поделаешь. Крышка. Мы побиты.

Я поглядел на него. Как это ни странно, мне до сих пор не приходила в голову эта мысль, ставшая такой очевидной с той минуты, как он ее высказал. По привычке я все еще на что-то смутно надеялся. Он повторил свои слова: «Мы побиты». И это меня окончательно убедило.

— Все кончено, — сказало он. — Они потеряли одного. Только одного. Они хорошо укрепились и разбили наголову величайшую державу. Они растоптали нас. Смерть марсианина под Уэйбри-

джем была случайностью. Ведь эти марсиане — только разведчики. Они продолжают прибывать. Эти зеленые звезды — я не видел их уже пять или шесть ночей, но я уверен, что они каждую ночь падают где-нибудь. Ничего не поделаешь. Крышка. Мы побиты.

Я ничего не ответил, тщетно стараясь придумать какие-нибудь возражения.

— Это даже не война, — продолжал артиллерист. —

Разве возможна война между людьми и муравьями?

Мне вдруг вспомнилась ночь в обсерватории.

— После десятого выстрела они больше не стреляли; по крайней мере, до прибытия первого цилиндра.

— Откуда вы знаете? — спросил артиллерист. Я объяснил ему. Он задумался.

— Что-нибудь неладное случилось у них с пушкой, — оказал он. — Да только что из этого? Они снова приведут ее в порядок. Если и будет небольшая отсрочка, разве это изменит конец? Люди — муравьи. Муравьи строят города, живут своей жизнью, ведут войны, и так — до тех пор, пока они не мешают людям; а когда они начинают мешать, их истребляют. Мы превратились теперь

в муравьев. Только…

— Только что? — спросил я.

— Мы съедобные муравьи…

Мы молча переглянулись.

— Что же они сделают с нами? — спросил я.

— Вот об этом-то я и думал, — ответил он, — много думал. Из Уэйбриджа я пошел к югу и всю дорогу думал. Я понял, в чем дело. Людям пришлось плохо, вот они и стали пищать и скулить. А я скулить не люблю. Мне случалось раз или два смотреть в лицо смерти. Я не солдат с плац-парада, а умереть, рано или поздно, все рано придется. Человек, который не одурел от страха, везде проберется. Я видел, что все направлялись к северу. Я и сказал себе: «Еды там на всех не хватит», и повернул в обратную сторону. Я кормился около марсиан, как воробей около человека. А они там, — он указал рукой на горизонт, — околевают от голода кучами, топчут и рвут друг друга на части.

Он поглядел мне прямо в лицо и вдруг замолчал.

— Конечно, — сказал он, — многие, у кого были деньги, удрали во Францию. — Он еще раз посмотрел мне в глаза и продолжал: — Еды тут повсюду вдоволь. В магазинах есть консервы, вино, спирт,

минеральные воды; а бассейны и водопроводные трубы пусты. Я вам говорю то, что думаю. Они разумные существа, решил я, и, кажется, хотят употреблять нас в пищу. Сначала они уничтожат наши корабли, машины, пушки, города, весь наш порядок и организацию. Все это будет разрушено. Если бы мы по размерам походили на муравьев, ну, тогда мы могли бы как-нибудь проскользнуть мимо. Но мы — не муравьи. Мы слишком велики, нас можно задержать. Вот мой первый вывод. А?

Я согласился.

— Вот о чем я подумал. Ладно, теперь дальше: сейчас нас можно ловить, когда угодно. Марсианину стоит только пройти несколько километров, чтобы набрать целую толпу. Раз я видел, как один марсианин у Уондсворта расшибал дома на куски и рылся в обломках. Но так поступать они будут недолго. Как только они разделаются с нашими пушками и кораблями, разрушат железные дороги и сделают все, что собираются сделать, то начнут ловить нас систематически, отбирая лучших и запирая их в клетки. Вот чем они вскоре займутся. Пока они еще не принялись за нас как следует. Разве вы этого не понимаете?

— Пока еще не принялись! — воскликнул я.

— Не принялись… Все, что случилось, произо-

шло по нашей вине: мы не поняли, что нужно сидеть смирно, докучали им нашими пушками и разными глупостями. Мы потеряли голову и толпами удирали от них туда, где опасность была нисколько не меньше чем там, откуда мы бежали. Они пока не интересуются нами. Они заняты своим делом: изготовляют все то, что не могли захватить с собой, приготовляют все для тех, которые еще должны явиться. Возможно, что и цилиндры на время перестали падать потому только, что марсиане боятся попасть в своих. И вместо того, чтобы, как стадо, кидаться в разные стороны или устраивать динамитные подкопы в надежде взорвать их, нам следовало бы приноровиться к новому порядку вещей. Вот что я думаю. Это не совсем то, к чему стремилось человечество, но это вытекает из совершившегося. Исходя из этого, я и действовал. Города, нации, цивилизация, прогресс — со всем этим покончено. Игра сыграна. Мы побиты.

— Но если это действительно так, к чему тогда жить? Артиллерист посмотрел на меня с минуту.

— Да, конечно, концертов не будет, пожалуй, в течение миллиона лет или около того. Не будет и Королевской академии искусств и ресторанов с разными деликатесами. Если вы гонитесь за

этими удовольствиями, то, я думаю, ваша карта бита. Если у вас салонные манеры, или вы не любите, когда едят грушу ножом или сморкаются без платка, то, вам придется изменить свои вкусы. От приличий теперь мало толку.

— Вы полагаете…

— Я полагаю, что люди, подобные мне, борются за право жить ради продолжения человеческого рода. Я говорю вам, что твердо решил жить. И, если я не ошибаюсь, вы тоже скоро проявите свое настоящее нутро. Нас не истребят. Но я не хочу, однако, чтобы меня поймали, приручили, откармливали и растили, словно какого-нибудь быка. Брр… вспомните только этих коричневых ползунов!

— Вы не хотите сказать этим…

— Именно хочу! Я продолжаю: мы у них под пятой. Я все рассчитал; я обо всем подумал. Мы, люди, побиты.

Мы слишком мало знаем. Мы должны поучиться, прежде чем снова попытаем счастья. И мы должны жить и сохранить свою свободу, пока будем учиться. Видите? Вот что нам нужно делать.

Я посмотрел на него с удивлением, глубоко пораженный решимостью этого человека.

— Господи! — воскликнул я. — Действительно,

вы настоящий мужчина. — И я стал жать ему руку.

— Не правда ли? — сказал он, и его глаза засверкали. — Я хорошо все обдумал?

— Продолжайте, — сказал я.

— Но те, которые хотят избежать рабства, должны быть готовы на все. Я готов на все. Ведь не все люди, пожалуй, способны превратиться в диких зверей? А нужно именно превратиться в диких зверей. Я потому и приглядывался к вам. Я сомневался в вас. Вы худой и тощий; я ведь не знал, что это вы; не знал, что вы были заживо похоронены. Все люди, жившие в этих домах, и все жалкие маленькие клерки, которые жили там, дальше, на этой улице, ни на что не годны. У них нет ни мужества, ни гордых помыслов, ни гордых радостей. А без этого мужчина — не мужчина, а трус и размазня. Они вечно торопятся на службу, — я видел их сотнями. С завтраком в руке, они бегут, как сумасшедшие, думая только о том, как бы попасть на поезд, на который у них есть сезонный билет, труся, что их уволят, если они опоздают. Работают они, не вникая в дело; потом спешат назад, боясь опоздать к обеду; после обеда сидят дома из страха перед темными улицами; живут с женами, которых

выбрали не по любви, а потому, что целились на приданое. Жизнь их застрахована и обеспечена от несчастных случаев. А по воскресеньям они опять празднуют труса, размышляя о том, что их ждет за гробом. Как будто ад создан для кроликов! Для таких людей марсиане прямо благодетели: хорошенькие просторные клетки, сытный корм, порядок, никаких неприятностей. Побегав на пустой желудок с недельку по полям и лугам, они сами придут и позволят себя поймать. А немного спустя даже будут очень довольны. Станут удивляться, как это они раньше жили без марсиан. А этих ресторанных героев, сердцеедов и певцов я очень хорошо себе представляю, — сказал он с каким-то мрачным удовольствием. — Среди них заведутся разные сантименты и всякие там религии. Я в своей жизни видел целую кучу вещей, которые по-настоящему стал понимать только за последние дни. Найдется много людей, тупых и жирных, которые спокойно примут новый порядок вещей. И много других, которых будет мучить сознание, что все это несправедливо и что надо что-нибудь сделать. А когда множество людей чувствует, что надо что-нибудь сделать, слабые и те, которые сами ослабляют себя всякими сложными рассуждениями, непременно

выдумывают какую-нибудь никчемную религию, весьма благочестивую и возвышенную, и начинают проповедовать покорность угнетению и воле господней. Вам, вероятно, тоже приходилось видеть нечто подобное. Энергия трусов всегда обращается в эту сторону. В клетках будут распевать псалмы и гимны и разводить всяческое благочестие. Он помолчал.

— Может быть эти марсиане сделают кое-кого из людей своими любимчиками, обучат их разным фокусам — кто знает! Может быть вдруг им жалко станет какого-нибудь мальчишку, который вырос и которого надо убить? Некоторых они, может быть, приучат охотиться за нами…

— Нет! — воскликнул я. — Это невозможно! Ни один человек…

— Зачем обольщаться? — перебил артиллерист. —

Найдутся люди, которые с радостью будут делать это. Глупо думать, что это не так.

И я вынужден был с ним согласиться.

— Попробовали бы они за мной поохотиться! — продолжал он. — Попробовали бы только! — повторил он и смолк в мрачном раздумье.

Я сидел, размышляя о его словах. Я не находил ни одного возражения против доводов этого че-

ловека. До вторжения марсиан никто не решился бы оспаривать мое умственное превосходство над ним: я — известный писатель на философские темы, он — простой солдат, а теперь он так точно охарактеризовал положение, которое я едва осознал.

— Что же вы намерены делать? — спросил я наконец. — Какие у вас планы?

Он, видимо, колебался.

— Ну, я представляю себе это так, — сказал он. — Что нам остается делать? Нужно придумать такой род жизни, чтобы люди могли существовать, кормиться и в относительной безопасности выращивать детей. Да, погодите немного, я выскажу яснее, что, по-моему, надо делать. Те, которых приручат, станут похожи на обыкновенных домашних животных; через несколько поколений это будут крупные, красивые, откормленные, глупые скоты. Но мы, решившие остаться на свободе, рискуем совсем одичать, выродиться в больших диких крыс… Вы понимаете, я имею в виду жизнь под землей. Я много думал о канализационной сети. Разумеется, те, которые не знают, что это такое, воображают себе всякие ужасы. Под одним Лондоном канализационные трубы тянутся на сотни километров. Несколько дождливых дней

— и в пустом городе все трубы прочистятся. Главные трубы довольно просторны, воздуху в них тоже достаточно. Потом есть еще погреба, склады, подвалы, откуда можно провести к трубам потайные ходы. А железнодорожные туннели? А метро? Ну что? Теперь вы смекнули? Мы составим целую шайку из ловких, способных людей. Мы не станем подбирать всякую дрянь, какая только попадется. Слабых будем выбрасывать.

— И меня тоже выбросите?

— Ну вот! Стал бы я тогда рассуждать с вами?

— Не будем спорить об этом, продолжайте.

— Те, кто останется, должны будут повиноваться. Нам понадобятся также здоровые, чистые духом женщины — матери и воспитательницы. Никаких сентиментальных дам, строящих глазки! Мы не можем допускать к себе слабых и глупых. Действительная жизнь снова вступает в свои права, и все бесполезные, обременительные и вредные для других должны вымирать. Они и будут вымирать. Они сами должны желать смерти. В конце концов это нечестно — жить и портить породу. Они не могут быть счастливы. Кроме того, смерть не так уж страшна; одна наша трусость делает ее ужасной. Во всех таких местах мы и станем собираться. Нашим окру-

гом будет Лондон. Мы даже сможем выставить сторожевые посты и побегать под открытым небом, когда марсиан не будет поблизости. Порой сыграем даже в крикет.1 Так-то мы и сохраним нашу породу. Ну что? Возможно это или нет? Но недостаточно обеспечить простое продолжение человеческого рода. Это значит всего-навсего сделаться крысами. Нет, мы должны спасти накопленные знания и еще более увеличить их. Здесь понадобятся люди, подобные вам. Существуют книги, существуют модели. Мы должны устроить глубоко под землей безопасные места и собрать туда все книги, какие только нам удастся раздобыть. Не романы и не стишки, конечно, а дельные, научные книги. Понадобятся люди вроде вас. Нам нужно будет пробраться в Британский музей и захватить все необходимые книги. Мы не должны забывать нашей науки; мы должны как можно больше учиться. Придется следить за марсианами; некоторые из нас должны сделаться шпионами. Когда все будет налажено, я сам, пожалуй, пойду в шпионы. Иначе говоря, дам себя изловить. И, самое главное, мы должны оставить марсиан в покое. Мы не смеем ничего красть у них. Если мы попадемся им на дороге, мы обязаны посторониться. Надо показать им,

что мы не замышляем ничего худого. Ведь они разумные существа и не станут истреблять нас, если у них будет все, что им требуется, и если они поверят, что мы просто безвредные черви.

1 Английская национальная игра в мяч.

Артиллерист замолчал и положил свою загорелую руку мне на плечо.

— В конце концов нам, может быть, и не так много придется учиться, прежде чем... Вы только представьте себе: четыре или пять боевых треножников вдруг начинают двигаться... тепловой луч вправо и влево... И не марсиане на треножниках, а люди, — люди, научившиеся управлять ими. Может быть я еще увижу этих людей.

Представьте, что в вашей власти одна из этих машин, да еще тепловой луч, который вы свободно можете направлять куда угодно. Вообразите, что вы всем этим управляете. Что за беда, если после такой прогулки вас истолкут в порошок? Вот марсиане выпучат от удивления свои хорошенькие глазки! Разве вы не видите их? Не видите, как они спешат, задыхаясь, пыхтя, ухая, к остальным машинам? Везде что-нибудь не в порядке. И хлоп, бац, бум, дзынь! В тот самый миг, когда они уже карабкаются наверх, — бац! — является тепловой

луч, и человек снова овладевает землей.

Пылкое воображение артиллериста, его уверенный тон и несомненное мужество произвели на меня глубокое впечатление. Я без колебания поверил в его пророчество о судьбах человеческого рода и в осуществимость его планов. Читатель, который сочтет меня слишком легковерным и глуповатым, пусть сравнит свое положение с моим: он читает спокойно и сосредоточенно, я же слушал моего собеседника, забившись в кусты и вздрагивая от каждого шороха.

Мы беседовали об этом все утро; потом вылезли из кустов и, осмотревшись, нет ли где-нибудь марсиан, быстро направились к дому на Петнийском холме, где артиллерист устроил себе берлогу. Она находилась в угольном погребе, и когда я осмотрел ту работу, на которую он потратил целую неделю, — это была какая-то нора, не более десяти метров длиной, а он намеревался соединить ее с главной сточной трубой Петнийского холма, — я впервые понял, как велика пропасть между его мечтами и его силами. Такую ямку я мог бы вырыть за один день. Но я все еще верил в него и трудился вместе с ним над его норой до самого полудня. У нас была садовая тачка, и мы свозили вырытую землю к кухонной плите.

Затем мы подкрепились жестянкой консервированного черепахового супа и вином из соседней кладовой. Странно сказать, я чувствовал большое душевное облегчение. Эта упорная тяжелая работа позволяла забыть о чуждом уродливом мире, окружавшем нас. Пока мы работали, я обдумывал план моего товарища, и в мозгу моем начали зарождаться возражения и сомнения, но я не переставал трудиться все утро, радуясь, что могу заняться каким-нибудь делом. Однако, проработав около часу, я уже стал вычислять, сколько надо прорыть, чтобы достичь центрального стока, и сообразил, что мы рискуем совсем не добраться до него. Потом

я стал недоумевать: зачем собственно мам нужно копать этот длинный туннель, когда можно просто проникнуть в сеть сточных труб через один из люков на улице и уже оттуда проложить ход к дому. Мне показалось далее, что дом выбран неудачно, и потому без всякой пользы придется вести слишком длинный туннель.

В ту самую минуту, когда начались мои сомненья, артиллерист перестал копать и посмотрел на меня.

— Здорово поработали, — сказал он и бросил заступ. — Надо передохнуть немного… Я думаю, пора пойти понаблюдать с крыши дома.

Я настаивал на продолжении работы, и после некоторого колебания он снова взялся за лопату. Вдруг мне пришла в голову одна мысль. Я остановился. Он тоже перестал копать.

— Почему вы разгуливали по лугу, вместо того чтобы работать здесь? — спросил я.

— Просто хотел освежиться, — ответил он. — Я уже шел назад. Ночью безопасней.

— А как же работа?

— Нельзя же все время работать, — сказал он, и я понял, что это за человек. Он колебался, держа заступ. — Надо пойти на разведку, — сказал он. — Если кто-нибудь подойдет близко, то мо-

жет услышать, как мы копаем, и застигнет нас врасплох.

У меня пропала охота спорить с ним. Мы вместе полезли на чердак и, стоя на лесенке, поглядели в слуховое окно: марсиан нигде не было видно. Мы вылезли на черепичную крышу и соскользнули вниз под прикрытием парапета.

Большая часть Петнийского холма была скрыта за деревьями, но мы увидели внизу реку с порослью красной травы и тоже покрасневшую, залитую водой нижнюю часть Ламбета. Красный вьюн карабкался по деревьям вокруг старого дворца; ветви, сухие и мертвые, с блеклыми листьями, торчали среди пурпурных кистей. Любопытно отметить, как тесно распространение этих растений было связано с присутствием текучей воды. Так, например, около нас, на вершине холма, их совсем не было. Здесь росли — ярко зеленеющий лавр, альпийский ракитник, красный боярышник, калина. Поднимавшийся за Кенсингтоном густой дым и голубоватый туман окутывали холмы на севере.

Артиллерист стал рассказывать мне, что за люди остались в Лондоне:

— На прошлой неделе какие-то сумасшедшие зажгли электричество. На освещенной

Риджентс-стрит и на Цирковой площади толпы размалеванных, оборванных пьяниц — мужчин и женщин — бесновались и плясали до рассвета. Мне рассказывал об этом один человек, который там был. А когда рассвело, они заметили, что боевой треножник стоит недалеко от Ленгхема, и марсианин смотрит на них. Бог знает, сколько времени он там простоял. Потом пошел на них и нахватал больше сотни людей, слишком пьяных или слишком напуганных, чтобы спасаться бегством.

Любопытный эпизод, характерный для времени, о котором история вряд ли даст полное представление.

После этого рассказа артиллерист в ответ на мои вопросы снова перешел к своим грандиозным планам. Он страшно увлекался и так красноречиво говорил о возможности захватить хотя бы один боевой треножник, что я снова готов был ему поверить. Но все-таки я уже понимал, с кем имею дело, и догадался, почему он считает всего важнее «ни в коем случае не торопиться». Я заметил также, что теперь он уже не говорит о том, что лично захватит треножник и будет сражаться.

Потом мы снова вернулись в угольный погреб. Никто из нас не подумал снова приняться за работу, и когда артиллерист предложил закусить, я охотно согласился. Он вдруг стал чрезвычайно щедр; после того как мы насытились, он куда-то ушел и вернулся с несколькими превосходными сигарами. Мы закурили, и оптимизм его еще более увеличился. Он уже готов был считать встречу со мной важным событием.

— В погребе есть шампанское, — сказал он.

— Нам бы лучше налечь на красное бургонское

из Темзы, — ответил я.

— Нет, — сказал он, — сегодня я угощаю. Шампанского! Нам предстоит нелегкая задача. Необходимо отдохнуть и собраться с силами, пока можно, Взгляните-ка на эти мозоли!

После еды, вдруг вспомнив, что сегодня праздник, он предложил сыграть в карты. Он научил меня игре в джокер. Мы поделили между собой Лондон, — причем мне досталась северная часть, а ему южная, — и стали играть на приходские участки. Любому трезвому человеку это может показаться нелепым и глупым, но тем не менее это сущая правда. И, что всего удивительнее, я чрезвычайно увлекся этой игрой.

Странное существо человек! В то самое время,

когда всему роду людскому грозила гибель или ужасающий упадок, мы, ничего не видя впереди, кроме самой страшной смерти, могли с интересом следить за случайными комбинациями кусочков разрисованного картона и с азартом кричали «джокер!» Потом артиллерист выучил меня игре в покер, а я три раза подряд обыграл его в шахматы. Когда стемнело, мы были до того увлечены, что даже рискнули зажечь лампу.

После бесконечного чередования различных игр мы поужинали, и артиллерист допил шампанское. Мы продолжали курить сигары. Это был, однако, уже не тот, полный энергии, восстановитель человеческого рода, которого я встретил утром. Он был по-прежнему настроен оптимистически, но его энтузиазм приобрел теперь более спокойный характер. Помню, он выпил за мое здоровье, (произнеся но этому случаю какую-то путаную речь, в которой много раз повторял одно и то же. Я взял сигару и пошел наверх посмотреть на те светившиеся вдоль Хайгетских холмов зеленые огни, о которых он мне рассказывал.

Вначале я довольно тупо глядел на долину, где лежит Лондон. Северные холмы были окутаны тьмой; около Кенсингтона светилось зарево; порою оранжево-красный язык пламени выры-

вался кверху и пропадал в темной синеве ночи. Остальные части города казались совершенно черными. Потом я заметил вблизи от нас какой-то странный свет — неяркий фиолетово-пурпурный мерцающий отблеск, вздрагивавший от порывов ночного ветерка. Сначала я не мог понять, что это такое, потом догадался, что это фосфоресцирует красная трава. Во мне опять проснулась угасшая было способность удивляться. Я поглядел на Марс, красный и яркий, сиявший высоко на западе; потом долго и пристально всматривался в темноту у Хемпстеда и Хайгета.

Я долгое время оставался на крыше, размышляя

об этом необычайном дне. Я припомнил все свои поступки и мысли, начиная с бессонницы прошлой ночи и кончая этой глупой игрой в карты. Настроение мое резко изменилось. Помню, как почти презрительным движением я отбросил сигару. Я не только понял свое безумие, но оно даже представилось мне в преувеличенном виде. Мне казалось, что я изменил своей жене, изменил человечеству. Я горько раскаивался. Я решил покинуть этого чудаковатого, необузданного мечтателя, предоставив ему заниматься пьянством и обжорством, и пойти в Лондон. Мне казалось, что там я скорее всего узнаю, что делают марсиане и мои собратья — люди. Я все еще находился на крыше, когда поднялась луна.

VIII
Мертвый Лондон

Расставшись с артиллеристом, я спустился с холма и пошел по Хай-стриту, через мост, к Ламбету. Красная трава продолжала бурно разрастаться и почти скрыла дорогу через мост, но ее побеги уже покрывались беловатым налетом — губительная болезнь быстро распространялась.

На углу переулка, ведущего к станции Петни-Бридж, лежал какой-то человек, запачканный черной пылью, как трубочист. Он был жив, но мертвецки пьян.

Я ничего не мог добиться от него, кроме ругательств и яростных попыток ударить меня по голове. Может быть мне следовало остаться с ним, но меня отпугнуло скотское выражение его лица.

За мостом, на дороге, лежал слой черной пыли, становившийся все толще по мере того, как я приближался к Фулхему. На улицах царила грозная тишина. В булочной я нашел хлеб, прокисший, черствый л заплесневелый, но вполне съедобный. Дальше, по направлению к Уолхем-Грину,

черной пыли уже не было, и я прошел мимо горевших домов. В этой удручающей тишине даже треск пожара показался мне приятным. Ближе к Бромптону на улицах опять стало тихо.

Здесь я вновь увидел черную пыль и мертвые тела. На протяжении Фулхем-рода я насчитал всего около двенадцати трупов. Полузасыпанные черной пылью, они, очевидно, валялись здесь много дней. Я торопливо обходил их. Некоторые из них были обглоданы собаками.

Там, где не встречалось черной пыли, город имел обычный воскресный вид: магазины были закрыты, дома заперты, шторы спущены. Повсюду тихо и пустынно. Кое-где виднелись следы грабежа — главным образом в винных и гастрономических магазинах. В витрине одного ювелирного магазина стекло было выбито, но, очевидно, вору помешали: множество золотых цепочек и часов валялось на мостовой. Я не счел нужным нагнуться, чтобы поднять их. Дальше, на пороге двери, лежала женщина в лохмотьях; ее рука, свесившаяся с колена, была порезана и залила кровью дешевое коричневое платье, а шампанское из разбитой бутылки лужей растеклось вокруг нее. Женщина казалась спящей, но она была мертва.

Чем глубже проникал я в Лондон, тем глуше становилась тишина. Это было, однако, не безмолвие смерти, а скорее тишина тревоги и ожидания. Каждую минуту тепловые лучи, уже спалившие северо-западную часть столицы, уничтожившие Илинг и Кильберн, могли коснуться и этих домов и превратить их в дымящиеся развалины. Это был покинутый и обреченный город…

В Южном Кенсингтоне на улицах не было ни мертвецов, ни черной пыли. И как раз вблизи Южного Кенсингтона я впервые услышал вой. Вначале мой слух почти не улавливал его. То было всхлипывающее чередование двух звуков — «улля… улля, улля», — повторявшееся непрерывно. «Улля… улля… улля… улля…» Когда я проходил через улицы, ведущие к северу, вой стал громче. Строения, казалось, то заглушали, то усиливали его. Особенно гулко отдавался вой на Эксгибишн-род. Я остановился, посмотрел на Кенсингтонский парк, прислушиваясь к странным далеким стенаниям. Казалось, вся пустыня обрела голос и жаловалась на страх и одиночество.

«Улля… улля… улля… улля…» — раздавался этот нечеловеческий плач, и волны звуков расходились по широкой, залитой солнцем улице среди высоких зданий. В недоумении я повернул

к северу, к железным воротам Гайд-парка. Мне на минуту захотелось проникнуть в Естественно-исторический музей, забраться на башню и поглядеть на парк сверху. Потом я решил остаться внизу, где было легче спрятаться, и снова пошел по Эксгибишн-род. Огромные здания по обе стороны от дороги были пусты. Мои шаги отдавались в тишине гулким эхом.

Наверху, невдалеке от ворот парка, я набрел на странное зрелище — опрокинутый омнибус и начисто обглоданный скелет лошади. Постояв немного, я пошел дальше к мосту через речку Серпентину. Стон становился все громче, хотя к северу от парка над крышами домов ничего не было видно, и только на северо-западе поднималась пелена дыма.

«Улля… улля… улля… улля…» — плакал голос, доносясь, как мне казалось, откуда-то со стороны Риджентс-парка. Этот одинокий жалобный крик действовал удручающе. Вся моя отвага покинула меня; мной овладела тоска. Я чувствовал, что страшно устал, что у меня болят ноги и что меня вновь мучают голод и жажда.

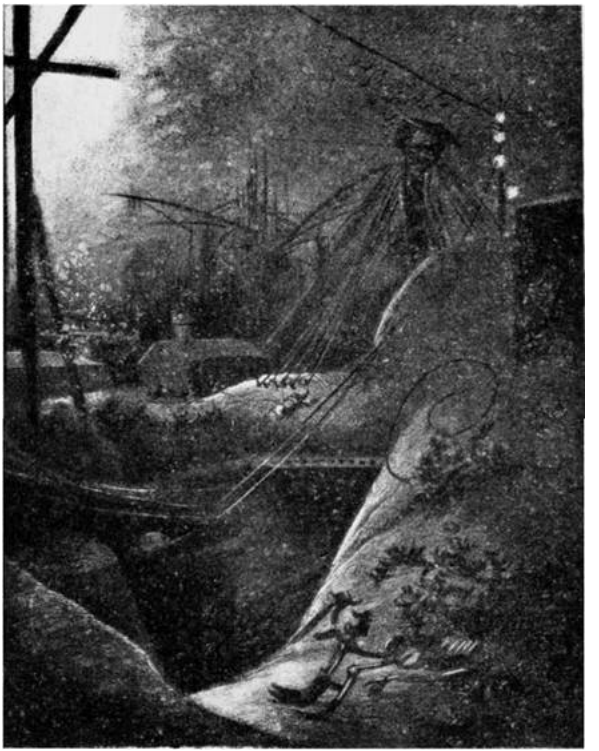
Было уже за полдень. Зачем я брожу по этому городу мертвецов? Почему я один жив, когда весь Лондон лежит, как труп, одетый черным сава-

ном? Я почувствовал себя нестерпимо одиноким. Вспомнил о старых друзьях, давно позабытых. Подумал об ядах в аптеках, о спиртных напитках в погребах виноторговцев; вспомнил о тех двух жалких созданиях, которые, видимо, одни делили со мной власть над городом.

Пройдя под Мраморной аркой, я вышел на Оксфорд-стрит. Здесь опять лежали трупы и черная пыль, и зловещим скверным запахом веяло из решетчатых подвальных люков некоторых домов. После долгого блуждания по жаре меня томила жажда. Я взломал дверь какого-то трактира и раздобыл себе еды и питья. Потом, чувствуя сильную усталость, вошел в салон, улегся на черную софу, набитую конским волосом, и уснул.

Когда я проснулся, унылый вой по-прежнему раздавался в моих ушах: «Улля… улля… улля… улля… улля…» Уже смеркалось. Я разыскал в буфете несколько сухарей и кусок сыру — там было также мясо, но оно сплошь кишело червями. Я отправился на Бекер-стрит по пустынным скверам, — могу вспомнить название только одного из них: Портмен-сквер, — и наконец вышел к Риджентс-парку. Спускаясь с Бекер-стрит, я заметил вдали над деревьями, на светлом фоне заката, колпак марсианского гиганта, откуда доносился

этот вой. Но я нисколько не испугался. Я пошел прямо на него как ни в чем не бывало. Некоторое время я следил за ним, но он не двигался. Он стоял и выл; что означал этот вой, я не мог догадаться.



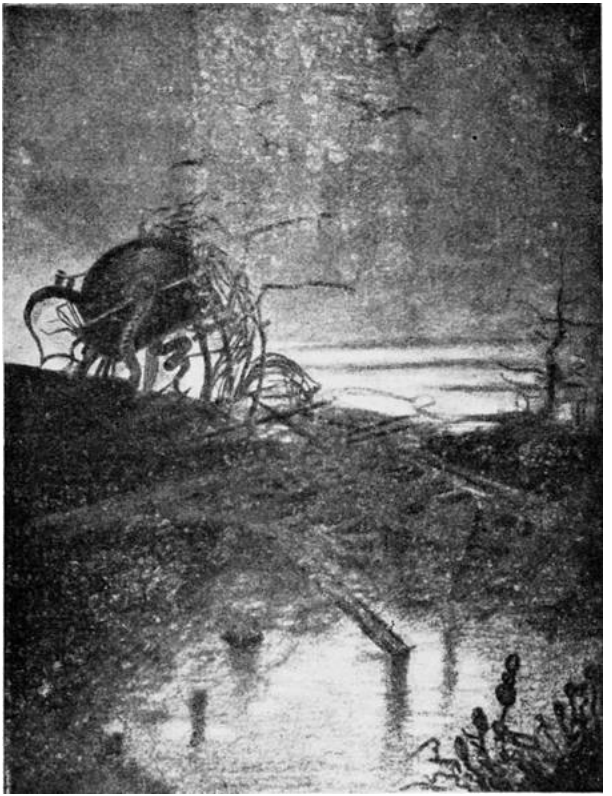
Я старался придумать какой-нибудь план действий. Но непрерывный вой: «улля… улля… улля… улля…» мешал мне сосредоточиться. Может быть усталость была причиной моего бесстрашия. Во всяком случае этот однозвучный плач внушал мне больше любопытства, нежели боязни. Я повернул назад и вышел на Парк-род, намереваясь обогнуть парк; я пробирался под прикрытием террас, чтобы со стороны Сент-Джонс-Вуда посмотреть на этого неподвижного воющего марсианина. Отойдя от Бекер-стрит метров на двести, я услыхал разноголосый собачий лай и увидел сначала одну собаку, стремглав мчавшуюся на меня с куском гнилого красного мяса в зубах, а потом целую свору голодных уличных псов, которые преследовали ее. Собака сделала крутой поворот, чтобы избежать встречи со мною. Она словно боялась, что я могу покуситься на ее добычу. Когда лай замер в отдалении, снова послышалось: «Улля… улля… улля… улля…»

На полпути к станции Сент-Джонс-Вуд я наткнулся на сломанную многорукую машину. Сначала я подумал, что поперек улицы лежит обрушившийся дом. Только пробравшись среди

обломков, я увидел с изумлением, что это был механический Самсон[11] с изогнутыми, сломанными и скрученными щупальцами, лежавший посреди им самим нагроможденных развалин. Передняя часть была разбита вдребезги. Машина наскочила прямо на дом и, разрушив его, застряла в руинах. Очевидно это случилось потому, что марсианин перестал управлять ею. Я не мог взобраться на обломки, а наступившие сумерки скрыли от меня обрызганное кровью сиденье и обглоданные собаками хрящи марсианина.

[11] Примечания: 11

Намек на библейского богатыря Самсона, славившегося своей чудовищной силой. Легенда рассказывает, что Самсон погиб под развалинами филистимльского храма, который он сам опрокинул.



Я наткнулся на сломанную многорукую машину марсиан.

Пораженный всем этим, я направился к Примроз-Хиллу. Вдалеке, сквозь деревья, я увидел второго марсианина, такого же неподвижного, как и первый: он молча стоял в парке близ Зоологического сада. Дальше, за развалинами, окружавшими изломанную многорукую машину, я снова увидел красную траву.

Весь канал Регента был покрыт пузырчатой массой тёмнокрасной растительности.

Когда я переходил мост, вой: «Улля… улля… улля… улля…» вдруг оборвался, точно кто-то его остановил. Внезапно наступившая тишина заставила меня вздрогнуть, как удар грома.

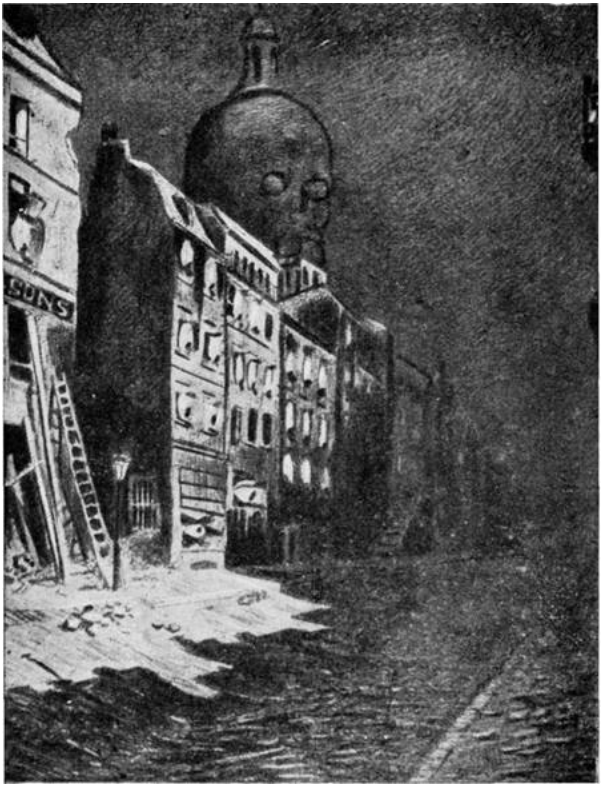
Со всех сторон меня окружали мрачные пустые дома; деревья ближе к парку становились все чернее; среди развалин росла красная трава; в сумерках казалось, что побеги ее ползут ко мне. Надвигалась ночь — мать страха и тайны. Пока звучал Риджентс-парку этот голос, я еще мог мириться с одиночеством. Лондон казался мне еще живым, и я бодрился. И вдруг эта перемена! Что-то случилось, — что именно, я не знал, — и наступила тишина, такая глубокая, что казалась

почти доступной осязанию. Спокойствие смерти!

Лондон глядел на меня призрачным взором. Окна пустых домов напоминали глазные впадины черепов. Мне чудились тысячи бесшумно подкрадывающихся врагов. Ужас охватил меня, ужас перед моей собственной опрометчивостью. Улица впереди почернела, как будто ее вымазали смолой, и я различил какую-то судорожно искривленную тень поперек дороги. Я не мог заставить себя итти дальше, свернул на Сент-Джонс-род и побежал к Кильберну, спасаясь от этого невыносимого молчания. Я спрятался от мрака и тишины в извозчичьей будке на Гарроу-род. Я просидел там почти всю ночь. Перед рассветом я немного приободрился и под мерцающими звездами пошел к, Я заплутался и вдруг, в полусвете ранней зари, различил в конце длинного проспекта кривые очертания Примрозского холма. На вершине, поднимаясь высоко навстречу потухающим звездам, стоял третий марсианин, такой же прямой и неподвижный, как остальные.

Безумная решимость овладела мной: пусть смерть, только бы избавиться от этого ужаса! Передо мной открывалась возможность избежать всяких хлопот, связанных с самоубийством. Я

бесстрашно направился прямо к титану. Подойдя ближе, я увидел в мерцании рассвета целую стаю черных птиц, круживших над колпаком марсианина. Сердце у меня заколотилось, и я побежал напрямик. Я угодил в заросли красной травы, покрывавшей террасу Сент-Эдмонд (пришлось перейти вброд через поток воды, бивший из водопровода на Альберт-род и достигавший мне до



Дома стали казаться призраками, глядящими на меня тысячью очей.

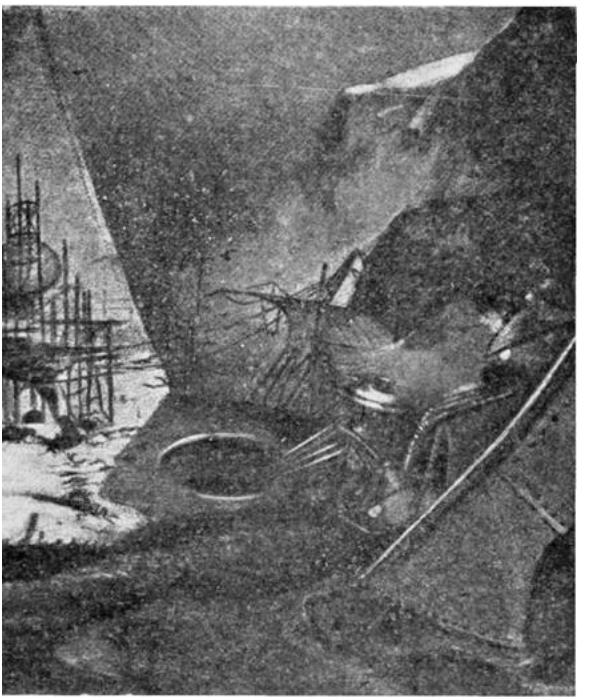
груди), и очутился на противоположной стороне как раз перед восходом солнца. Огромные груды земли были нагромождены вокруг гребня холма, превращенного в исполинский редут; то было последнее и самое большое укрепление, построенное марсианами, и оттуда поднимался к небу легкий дымок. По гребню холма быстро пробежала собака и скрылась. Мысль, промелькнувшая в моем уме, становилась похожей на истину, становилась правдоподобной. Я уже не испытывал страха и только весь дрожал от лихорадочного возбуждения, взбегая вверх по холму к неподвижному чудовищу. Из-под колпака свисали дряблые бурые лоскутья. Их клевали и рвали голодные птицы.

В следующий миг я уже вскарабкался на земляной вал и стоял на его гребне. Внутренность редута находилась по до мной. То было обширное пространство с разбросанными здесь и там гигантскими машинами, огромными грудами материалов и причудливыми навесами. И на всем этом пространстве — одни на опрокинутых боевых треножниках, другие — на неподвижных отныне многоруких машинах, а третьи — числом не менее дюжины — прямо на земле, окоченелые, безмолвные и сложенные в ряд, — валялись

марсиане, мертвые, убитые болезнетворными бактериями, к борьбе с которыми их организм не был подготовлен; убитые, как была убита красная трава; убитые ничтожнейшими из земных тварей, после того как человек исчерпал все известные ему средства обороны.

Итак, случилось то, что я и многие другие люди могли бы предвидеть, если бы ужас и скорбь не ослепили нашего разума. Эти зародыши болезней брали дань с человечества с самого начала времен; брали дань с наших доисторических предков с тех самых пор, как жизнь началась на земле. Лишь благодаря естественному отбору существа нашей породы выработали в себе способность к сопротивлению. Ни одной бактерии мы не уступаем без упорной борьбы, а многим бактериям, например тем, которые порождают гниение трупов, живой человеческий организм недоступен. Но на Марсе нет бактерий, и, как только завоеватели с этой планеты явились на Землю, начали пить и есть, наши микроскопические союзники принялись за работу, готовя им гибель. Когда я увидел марсиан, они уже были осуждены на смерть, медленно умирали и разлагались еще при жизни. Это было неизбежно. Заплатив биллионами жизней, человек купил се-

бе право первородства, и это право принадлежит ему, вопреки всем пришельцам. Оно осталось бы за ним, будь марсиане даже в десять раз более могущественны. Ибо люди живут и умирают не напрасно.



На дне ямы в разных положениях валялись мертвые марсиане.

Марсиан было всего около пятидесяти. Они валялись в своей огромной могиле, которую сами для себя вырыли, застигнутые смертью, которая должна была им казаться неразрешимой загадкой. В то время смерть их была непонятна и для меня. Я видел только, что эти чудовища, наводившие такой ужас на людей, мертвы. На минуту мне показалось, что снова повторилось поражение Сеннахерима, что ангел смерти поразил их всех в одну ночь.[12]

Я стоял, глядя в яму, и сердце у меня билось от радости, когда восходящее солнце озарило окружавший меня мир своими лучами. Яма оставалась в тени; мощные машины, такие громадные, сложные и удивительные, неземные даже по своей форме, поднимались, точно заколдованные, из сумрака навстречу свету. Целая стая собак дралась над трупами, сгрудившимися в глубине подо мною. Поперек ямы, в дальнем конце ее, лежала большая и плоская летательная

[12] Примечания: 12

В известной библейской легенде ангел, ниспосланный богом, в одну ночь истребляет войско царя Сеннахерима, осаждавшее Иерусалим.

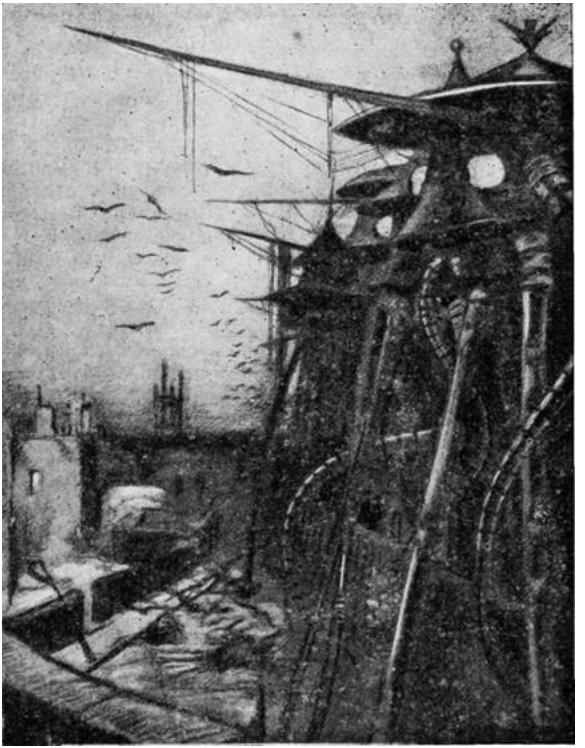
машина диковинного вида, с которой марсиане производили опыты в нашей более плотной атмосфере, когда зараза и смерть помешали им. Смерть явилась как раз вовремя. При звуках голодного карканья я глядел на громадный боевой треножник, который никогда больше не примет участия ни в одной битве, на разорванные красные куски мяса, которые свисали с перевернутого сиденья над вершиной Примрозского холма.

Я повернулся и взглянул вниз на склон холма — туда, где под стаей кружащихся птиц стояли другие два марсианина, свидетелем смерти которых я был накануне вечером. Один из них скончался как раз в ту минуту, когда он призывал своих товарищей; может быть он умер последним, и голос его продолжал звучать до тех пор, пока не остановился механизм. В лучах восходящего солнца блестели безвредные теперь гигантские треножники из сверкающего металла…

Вокруг меня, чудом спасенный от уничтожения, расстилался великий отец городов. Тот, кто видел Лондон только под завесою дыма, едва ли сможет представить себе обнаженную красоту этой безмолвной пустыни домов.

К востоку, над почерневшими развалинами

Альбертинской террасы и сломанным церковным шпилем, солнце сияло на чистом небе. Кое-где среди необозримой пустыни кровель какой-нибудь обломок стекла отражал луч и сверкал ослепительным блеском. Солнце сообщало таинственную прелесть даже круглым винным складам у станции Чок-Фарм; рельсы, некогда черные, теперь тянулись красными лентами, так как они успели заржаветь за две недели бездействия. К северу простирались Кильберн и Хемпстед — сплошная синеватая масса домов; на западе гигантский город был подернут туманной дымкой; на юге, за становищем, в лучах солнца, уменьшенные расстоянием, но ясно видимые, поднимались зеленые волны Риджентс-парка, Ленгхем-отель, купол Альберт-холла, Королевский институт и громадные здания на Бромптон-род, а вдалеке уже неясно



Странные формы громадных машин рисовались перед глазами.

обрисовывались зубчатые развалины Вестминстера. Еще дальше в голубой дали виднелись

холмы Серрея и блестели, как два серебряных шеста, башни Хрустального дворца. Темным пятном на фоне восхода выделялся купол св. Павла; я заметил, что на западной стороне его зияла большая пробоина.

Я стоял и смотрел на это море домов, фабрик, церквей, тихих и покинутых; я думал о тех надеждах и усилиях, о тех бесчисленных жизнях, которые были потрачены на постройку этой человеческой твердыни, и о нависшем над нею близком и безжалостном разрушении. Когда я понял, что мрак отхлынул прочь, что люди снова могут жить на этих улицах, что мой родной громадный мертвый город оживет снова и обретет свою прежнюю мощь, я едва не заплакал от умиления.

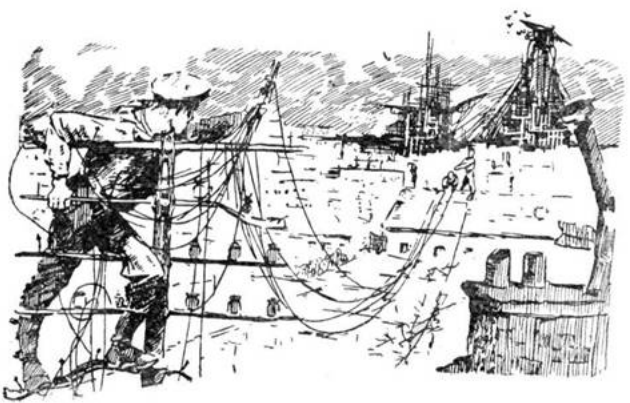
Болезнь миновала. С сегодняшнего дня начинается выздоровление. Оставшиеся в живых люди, бродившие по стране без руководителей, без законов, без пищи, как стадо без пастуха, и тысячи тех, которые отплыли за море, начнут возвращаться. Пульс жизни, все более и более громкий, снова забьется на пустынных улицах и скверах. Как ни страшен был разгром, разящая рука остановилась. Все эти печальные руины, почерневшие остовы домов, мрачно возвышающиеся на за-

литых солнцем холмах, скоро огласятся стуком молотков. Один год, думал я, один только год…

И тут, как ошеломляющий удар, вспыхнула мысль о себе, о жене, о прежней счастливой, полной надежд жизни, которая не возвратится никогда.

IX
Обломки крушения

Теперь я должен сообщить одну из самых странных подробностей всей моей истории. Впрочем, может быть, в ней нет ничего особенно странного. Я помню ясно, живо, отчетливо все, что я делал в этот день до того момента, когда я со слезами на глазах стоял на вершине Примрозского холма. Остальное я забыл…



Я ничего не знаю о том, что произошло в тече-

ние последующих трех дней. После мне говорили, что не я первый обнаружил гибель марсиан, что несколько таких же, как я, скитальцев узнало о ней еще раньше, среди ночи. Первый очевидец отправился в Сент-Мартинс-Ле-Гран и, пока я сидел в извозчичьей будке, умудрился протелеграфировать в Париж. Оттуда радостная весть облетела весь мир; тысячи оцепеневших от ужаса городов мгновенно осветились яркими огнями иллюминаций. Когда я стоял на краю ямы, о гибели марсиан было уже известно в Дублине, Эдинбурге, Манчестре, Бирмингаме. Люди, плакавшие и вопившие от радости, заставляли идущие к северу поезда сворачивать обратно к Лондону. Церковные колокола, безмолвствовавшие две недели подряд, трезвонили по всей Англии. Люди на велосипедах, исхудалые, нечесаные, носились по всем проселочным дорогам, сообщая о нежданном спасении. А продовольствие? Через Ламанш, по Ирландскому морю, через Атлантический океан к нам спешили на помощь корабли, нагруженные зерном, хлебом и мясом. Казалось, все суда мира стремились к Лондону в эти дни. Но обо всем этом у меня не сохранилось никакого воспоминания. Я не выдержал, и мой разум помутился. Очнулся я в

доме каких-то добрых людей, которые подобрали меня на третий день. Я скитался, плакал и бредил на улицах Сент-Джонс-Вуда. Они рассказывали мне, что я нараспев выкрикивал бессмысленные слова: «Последний человек, оставшийся в живых, ура! Последний человек, оставшийся в живых».

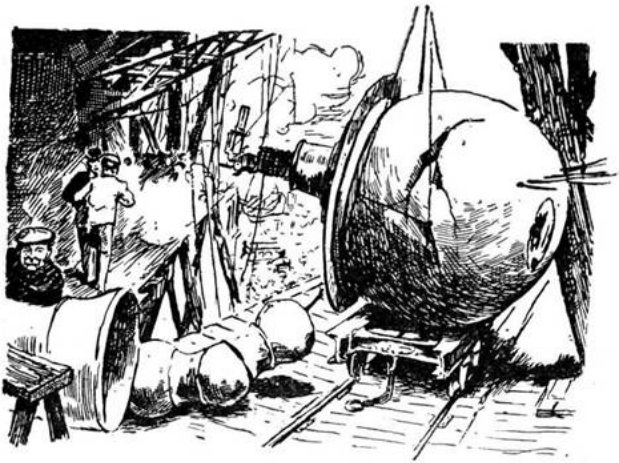
Занятые своими личными заботами, эти добрые люди (я даже не помню их имен и не могу выразить им здесь свою благодарность) все-таки не бросили меня на произвол судьбы и приютили у себя.

Вероятно они кое-что узнали от меня самого о моих похождениях, пока я лежал без памяти и бредил. Когда я пришел в сознание, они осторожно сообщили мне о том, что они навели справки о судьбе Лезерхеда. Через два дня после того, как я попал в ловушку, один марсианин уничтожил городок вместе со всеми жителями; он смёл его с лица земли без всякого повода, как озорной мальчишка разоряет муравейник.

Я был одинок, и мои хозяева были очень ласковы со мной. Я был одинок и печален, и они утешали меня. Я провел у них еще четыре дня после выздоровления. Все это время я чувствовал смутное желание — оно росло непрерывно — поглядеть еще хоть раз на то, что уцелело от тихой

жизни, которая казалась мне такой счастливой и светлой. Это было болезненное, безнадежное желание справить тризну по своему прошлому. Они отговаривали меня. Они делали все, что от них зависело, чтобы разубедить меня. Но я не мог больше противиться непреодолимому влечению. Обещав непременно вернуться, я со слезами на глазах распрощался с моими новыми друзьями и побрел по улицам, которые так недавно видел темными и пустынными.

Теперь везде сновали люди, местами даже были открыты магазины, и я видел, как из фонтанов била питьевая вода.

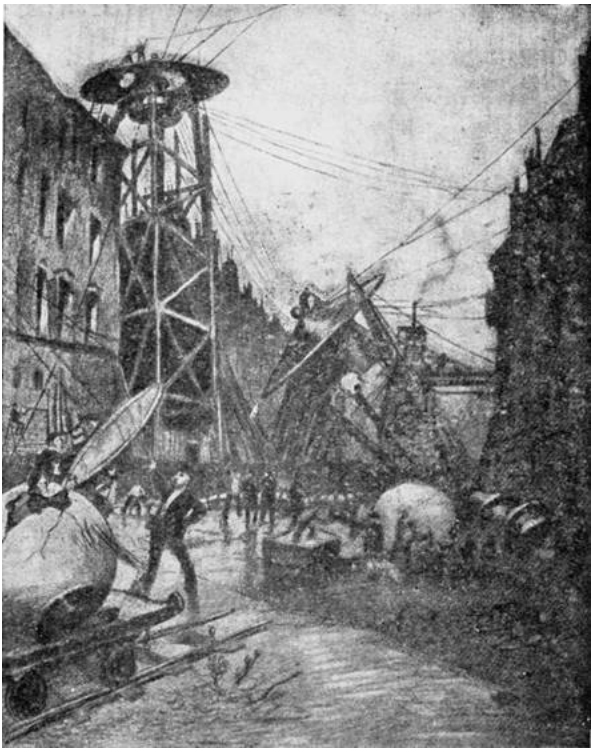


Я помню, каким обидно-праздничным казался мне тот день, когда я отправился в свое печальное паломничество к маленькому домику в Уокинге. Вокруг меня кипела возрождающаяся жизнь. Повсюду было так много народа, занятого тысячью разнообразных дел, что совершенно невероятной казалась гибель столь значительной части населения. Потом я заметил, что лица у встречных желты, волосы растрепаны, широко открытые глаза лихорадочно блестят, и все одеты в лохмотья. Выражение лиц было восторженное или

мрачно-сосредоточенное. Если бы не это выражение, то Лондон можно было бы принять за город, населенный одними бродягами. В приходах всем раздавали хлеб, присланный французским правительством. У немногих уцелевших лошадей ребра выступали из-под шкуры. Расторопные констебли — добровольцы с белыми значками на рукаве — стояли на каждом перекрестке. Следов пребывания марсиан я почти не встречал, пока не дошел до Уэллингтон-стрит, где красная трава опутала устои Ватерлооского моста.

На углу моста я заметил лист бумаги, приколотый сучком к плотной заросли красной травы. Любопытная черточка, характерная для того необычайного времени. Это было объявление о первой начавшей выходить в свет газете «Daily Mail» («Ежедневная Почта»). Отдав почерневший шиллинг, завалявшийся у меня в кармане, я купил газету. Она была сплошь испещрена пробелами. Но единственный наборщик, печатавший ее, шутки ради поместил в конце целую серию юмористических объявлений. Первая страница газеты была заполнена трогательными излияниями. Регулярное поступление известий еще не наладилось. Я не узнал ничего нового, кроме того, что осмотр оставшихся после марсиан меха-

низмов в течение первой же недели дал



Осмотр машин, оставленных марсианами, дал замечательные результаты.

удивительные результаты. Между прочим, сообщалось, в то время я еще не верил этому, — что «тайна воздухоплавания» раскрыта. У Ватерлооского вокзала стояли три готовых к отходу поезда. Наплыв публики, впрочем, уже уменьшился. Пассажиров в поезде было немного, да и я находился не в таком настроении, чтобы вступать в случайные разговоры. Я забился в пустое купе, скрестил руки и мрачно глядел на залитую солнечным светом картину опустошения, которая развертывалась за окном. Тотчас же за главной конечной станцией поезд перешел на временные рельсы, и по обеим сторонам полотна зачернели развалины домов. До Клепхемской узловой станции Лондон был засыпан пылью от черного дыма, которая все еще не исчезла, несмотря на два дождливых дня. У Клепхема на поврежденном полотне заодно с профессиональными землекопами работали сотни оставшихся без дела клерков и торговцев; пришлось перевести поезд на спешно проложенный новый путь.

Вид окрестностей был унылый и странный. Особенно сильно пострадал Уимблдон. Благода-

ря уцелевшим сосновым лесам Уолтон казался менее опустошенным, чем другие населенные пункты по линии железной дороги. Речки Уэндл, Мол и мелкие ручьи, поросшие красной травой, выглядели так, как будто их запрудили сырым мясом или красной маринованной капустой. Сосновые леса Серрея оказались слишком сухими для гирлянд красного вьюна. За Уимблдоном на огородах виднелись кучи земли, нагроможденные вокруг шестого цилиндра. Посреди что-то рыли саперы, кругом стояли любопытные. Британский флаг весело развевался под дыханием утреннего ветерка. Огороды повсюду рдели от красной травы. Глазу было больно смотреть на это багровое пространство, пересеченное темнопурпурными тенями. С неизъяснимым облегчением взгляд обращался от сереющей гари и красноты на переднем плане пейзажа к голубовато-зеленым восточным холмам.

На линии, ведущей к Уокингу, железнодорожное сообщение еще не было восстановлено. Поэтому я сошел в Байфлите и пешком направился в Мейбери. Я прошел мимо того места, где мы с артиллеристом разговаривали с гусарами, и дальше, там, где я встретил марсианина во время грозы. Из любопытства я свернул в сторону и

увидел в красных зарослях свою опрокинутую и разбитую тележку рядом с побелевшими, обглоданными и разбросанными лошадиными костями. Я остановился и долго смотрел на эти обломки крушения…

Потом я прошел через сосновый лес; заросли красной травы кое-где достигали мне до шеи; труп хозяина «Пятнистой Собаки», вероятно, уже успели похоронить: я нигде не мог отыскать его. К своему дому я направился мимо Коллегии бедных. Какой-то мужчина, стоявший у открытой двери коттеджа, окликнул меня по имени, когда я проходил мимо.

Я взглянул на свой дом со смутной, тотчас же угасшей надеждой. Дверь была взломана и теперь сама собой медленно открывалась мне навстречу, подталкиваемая ветром. Потом она снова захлопнулась.

В моем кабинете перед открытым окном, из которого мы с артиллеристом высматривали марсиан, развевались занавески. Никто не закрывал с тех пор этого окна. Помятые кусты имели такой же вид, как четыре недели тому назад, когда я уходил. Я вошел внутрь. По всему было видно, что дом необитаем. Коврик на лестнице был сбит и полинял в том месте, где я сидел, промокнув до

костей, в ночь катастрофы. Следы грязных сапог сохранились на лестнице.

Я пошел по этим следам в мой кабинет. На письменном столе лежал под селенитовым пресс-папье исписанный лист бумаги, оставленный мною в тот день, когда открылся первый цилиндр. Я постоял, перечитывая недоконченную статью о развитии нравственности в связи с прогрессом цивилизации: «Возможно, что через двести лет, — читал я, — наступит…» Пророческая фраза осталась недописанной. Я вспомнил, как не мог работать в то утро (с тех пор прошло около месяца) и как, бросив писать, купил номер «Daily Chronicle» («Ежедневная Хроника») у мальчишки-газетчика. Вспомнил и то, с каким удивлением я слушал у садовой калитки его диковинный рассказ о «людях с Марса».

Я спустился в столовую. Там я нашел хлеб и давно сгнившую баранину. На полу валялась опрокинутая пивная бутылка. Все осталось в том же виде, в каком было, когда я уходил с артиллеристом. Мой дом был пуст. Я понял все безумие слабой надежды, которую лелеял так долго. И вдруг случилось невероятное. — Это бесполезно, — сказал чей-то голос. — Дом необитаем... Тут много дней никого не было. Не мучьте себя напрасно. Только вам и удалось спастись.

Я был поражен: уже не я ли сам высказал вслух свою мысль? Я обернулся и подошел к открытой двери.

Внизу, изумленные и испуганные не меньше моего, стояли мой двоюродный брат и жена, бледная, с сухими глазами. Она слабо вскрикнула.

— Я пришла, — пробормотала она, — я знала… я знала…

Она поднесла руки к горлу и зашаталась. Я сделал шаг вперед, и она упала в мои объятия.

X
Эпилог

Теперь, заканчивая мой рассказ, мне остается лишь выразить сожаление, что я могу сообщить слишком мало данных для выяснения многочисленных спорных вопросов, доныне остающихся нерешенными. Несомненно, что по крайней мере в одном отношении я навлеку на себя строгую критику. Моя специальность — умозрительная философия. Мое знакомство со сравнительной физиологией ограничивается одной или двумя книгами, но мне представляется, что мнение Карвера о причинах быстрой гибели марсиан настолько правдоподобно, что его можно принять как неоспоримую истину. Я придерживался его в своем повествовании.

Во всяком случае, в телах марсиан, обследованных по окончании войны, были обнаружены только известные нам бактерии. То, что они не хоронили своих покойников и безрассудно истребляли столько людей, также указывает на полное незнакомство с процессами разложения. Однако все это пока только гипотеза, правда,

весьма вероятная.

Состав черного газа, которым марсиане пользовались с такими губительными последствиями, до сих пор не установлен. Генератор теплового луча тоже остается пока загадкой. Ужасные катастрофы в лабораториях Илинга и Южного Кенсингтона заставили ученых прекратить опыты. Спектральный анализ черной пыли, дающий яркие линии в зеленой части спектра, указывает на присутствие в ней неизвестного нам элемента. Возможно, что в соединении с аргоном этот элемент разрушительно действует на составные части крови. Но эти недоказанные предположения едва ли заинтересуют того массового читателя, для которого написана моя повесть. Ни один кусок красно-коричневой накипи, плывшей вниз по Темзе после разрушения Шеппертона, не был своевременно подвергнут исследованию, а теперь этого уже нельзя сделать.

О результатах анатомического вскрытия мертвых марсиан (насколько такое вскрытие оказалось возможным после набега прожорливых собак) я уже говорил. Все, конечно, знакомы с великолепным, почти не поврежденным экземпляром марсианина, хранящимся в спирту в Естественно-историческом музее, или хотя бы с бесчисленными рисунками, изображающими этот экземпляр. Что же касается строения тела марсиан и их физиологических отправлений,

то они представляют интерес только для специалистов.

С точки зрения огромного большинства людей гораздо важнее вопрос о возможности нового нашествия марсиан. Мне кажется, что на эту сторону дела едва ли обращено достаточное внимание. В настоящее время планета Марс удалена от нас, но я лично считаю весьма вероятным повторение попытки в период противостояния. Мне кажется, что нетрудно определить, где именно была поставлена пушка, выбрасывавшая цилиндры. Надо зорко наблюдать за этой частью планеты и встретить новое нападение во всеоружии.

Цилиндр можно уничтожить динамитом или артиллерийским огнем, прежде чем он достаточно охладится и марсиане успеют вылезти из него; можно также перестрелять их всех, как только отвинтится крышка. Мне кажется, что неудача первой попытки лишила их большого преимущества. Быть может они сами это поняли.

Лиссинг почти неопровержимо доказал, что марсианам уже удалось высадиться на Венере. Семь месяцев тому назад Венера и Марс находились на одной прямой с Солнцем; другими словами, было противостояние Венеры и Марса,

с точки зрения наблюдателя, находящегося на Венере. Вслед за тем на неосвещенной половине этой планеты появился странный светящийся след, и почти одновременно на фотографии диска Марса было обнаружено чуть заметное темное извилистое пятно. Достаточно посмотреть на фотографические снимки этих двух феноменов, чтобы установить их несомненную связь.

Во всяком случае — должны ли мы ожидать вторичного вторжения или нет, — наш взгляд на будущность человечества, несомненно, сильно изменится под влиянием происшедших событий. Теперь известно, что мы не в праве считать нашу планету вполне безопасным убежищем для чело-

века. Мы не в силах предугадать, какое незримое добро или зло может внезапно нагрянуть к нам из мирового пространства.

Пожалуй, вторжение марсиан оказалось не совсем бесполезным для людей: оно отняло у нас ту невозмутимую веру в будущее, которая могла бы повести к упадку, оно подарило нашей науке громадные знания, оно способствовало распространению идеи о единстве человечества. Может быть там, в бездне пространства, марсиане следили за судьбой своих пионеров, приняли урок к сведению и, оправляясь на Венеру, действовали более осмотрительно. Как бы то ни было, но еще много лет будут, конечно, продолжаться внимательные наблюдения за диском Марса, а огненные небесные стрелы — падающие метеоры — еще долго будут пугать людей.

Кругозор человечества сильно расширился после вторжения марсиан. До падения цилиндров все были убеждены, что за крошечной поверхностью нашей сферы, в глубинах пространства, нет никакой жизни. Теперь мы стали более дальнозоркими. Если марсиане могли переселиться на Венеру, то почему бы и людям не попытаться совершить то же самое? Когда постепенное охлаждение делает нашу планету необитаемой

(а это неизбежно), может быть, нить жизни, начавшейся на Земле, перелетит и охватит своей сетью соседнюю планету. Сумеем ли мы бороться и победить?

Причудливое и смутное видение, рождающееся в моем уме: жизнь, возникшая на солнечной системе, медленно разносится по всей бездушной неизмеримости звездного пространства. Но это пока еще только мечты. Быть может победа наша над марсианами — лишь временная. Быть может им, а не нам, принадлежит будущее.

Я должен сознаться, что после всех пережитых ужасов и опасностей во мне укоренилось чувство сомнения и неуверенности. Порою, когда я сижу у себя в кабинете и пишу при свете лампы, мне вдруг начинает казаться, что цветущая долина внизу вся объята пламенем, а дом мой пуст и покинут. Я иду по Байфлитской дороге. Мимо меня проносятся экипажи, мальчишка-мясник с тележкой, рабочий на велосипеде, дети, идущие в школу, — и вдруг все становится смутным, призрачным, и я снова крадусь с артиллеристом среди грозной, мертвенной тишины. Ночью мне снится черная пыль, покрывающая траурной пеленой тихие улицы и окутывающая своим черным саваном изуродованные трупы. Они

поднимаются — страшные, обглоданные собаками. Искаженные подобия людей шепчут что-то, мечутся, и я просыпаюсь в холодном поту среди ночного мрака.

Когда я приезжаю в Лондон и вижу оживленную толпу на Флит-стрите и Стренде, мне приходит в голову, что это только призраки минувшего, двигающиеся по улицам, которые я видел такими безлюдными и тихими; что это лишь тени мертвого города; что это обманчивое подобие жизни в гальванизированном теле.

Так странно стоять на вершине Примрозского холма (я был там накануне того дня, когда начал писать последнюю главу) и видеть обширное нагромождение домов, неясных и голубоватых в пелене дыма и тумана, сливающихся с горизонтом; видеть публику, разгуливающую среди цветочных клумб; видеть толпу зевак вокруг боевого треножника марсиан; слышать возню играющих детей и вспоминать то время, когда я видел все это место покрытым развалинами и пустынным в лучах рассвета последнего великого дня…

Но самое странное — это снова сжимать руку жены и вспоминать о том, как мы считали друг друга мертвыми.

1898

Приложение:

Планета Марс и условия жизни на ней

Четвертая планета солнечной системы Марс — ближайший (если не считать Венеры) сосед Земли. Эта планета стала особенно привлекать к себе внимание широкой публики с тех пор, как романисты в своих фантазиях населили ее разумными существами. Как сильна была полвека назад уверенность в обитаемости Марса, показывает такой случай. В конце прошлого столетия одна богатая поклонница астрономии завещала Парижской академии капитал в сто тысяч франков для выдачи тому, кто первый завяжет сношения с жителями иных миров; при этом она, однако, сочла необходимым сделать оговорку: «кроме Марса»; жертвовательнице казалось, что войти в сношения с марсианами совсем не трудно; задача эта так проста, что даже не нуждается в поощрении.

Мысль о возможности прилета марсиан на Землю, высказанная в романе Уэллса, является отголоском этого широко распространенного убеждения. Современная наука, однако, во многом изменила прежние взгляды на этот вопрос.

Далек ли от нас этот мир? Так как и Земля и

Марс движутся по эллиптическим, вытянутым орбитам, то они не везде отстоят одинаково друг от друга. Самое близкое расстояние между орбитами Земли и Марса равно 56 миллионам километров. Значит, ближе чем на 56 миллионов километров Земля и Марс подойти друг к другу не могут. Но и в таком сравнительно близком соседстве обе планеты бывают редко — один раз через каждые 15–17 лет, во время так называемых «великих противостояний» Марса. С нетерпением ожидают астрономы этих моментов и спешат воспользоваться кратковременной близостью Марса, чтобы тщательно изучать нашего загадочного соседа. Но это благоприятное время длится недолго: подобно случайно встретившимся путникам, планеты вскоре расходятся вновь, так как Земля в безостановочном беге кругом Солнца перегоняет Марс. Через два с лишком года после «великого противостояния» планеты сближаются снова, но на этот раз их разделяет уже большее расстояние. Приблизительно каждые два года повторяются сближения Земли и Марса, но расстояние между планетами при этом все возрастает и доходит наконец до 100 миллионов километров. Затем планеты снова начинают теснее сближаться при встречах, и так до следу-

ющего «великого противостояния».

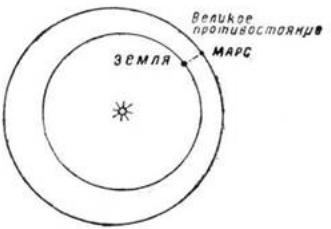
В сильные телескопы видно, что вокруг Марса обращаются два спутника, крошечные Марсовы луны: поперечник каждой из них равен всего нескольким десяткам километров. Наша Луна с поперечником в 3,5 тысячи километров — гигант рядом с этими карликами. Да и сам Марс не велик по сравнению с другими планетами нашей системы; по объему он в семь раз меньше Земли, и, следовательно, поверхность его меньше земной раза в четыре, т. е. равна поверхности одной только суши нашей планеты. Масса Марса тоже меньше, чем масса Земли, и не в семь раз, а в десять; значит, и плотность его меньше, чем плотность земного шара. Благодаря такой небольшой массе Марса тела на этой планете весят почти втрое меньше, чем на Земле; килограммовая гиря вытянула бы там на пружинном безмене всего 380 граммов. «Самые обыкновенные наши действия на Марсе казались бы фантастическими», — писал астроном Ловелл, посвятивший всю свою жизнь изучению этой планеты. — «Всякий предмет оказался бы там неестественно легким: свинец весил бы не больше, чем у нас, на Земле, весит камень; камень стал бы таким же легким, как у нас вода, и всякое тело казалось бы превра-

щенным в какое-то другое, непохожее на него. Мы очутились бы вдруг в невесомом, эфирном мире. С небольшим напряжением совершали бы мы самые трудные работы, так как наша мощь увеличилась бы в семь раз. Вода текла бы не спеша, ленивой струей, а падающие тела опускались бы на землю с грациозной плавностью».

От Солнца Марс отстоит в полтора раза дальше, нежели Земля, и обегает свою обширную орбиту в 687 земных суток; следовательно, его «год» равен почти двум земным годам, а каждый сезон года — весна, лето, осень, зима — продолжается около шести месяцев. Но «сутки» Марса почти равны нашим: полный оборот вокруг своей оси Марс совершает в 24 часа 37 минут.

Замечательно, что ось вращения Марса примерно настолько же наклонена к орбите, как и земная ось. Значит, этот маленький мир должен иметь те же самые климатические пояса, — холодный, умеренный и жаркий, — какие имеются на Земле; расположены эти климатические пояса так же, как и на нашей планете. Однако слова «жаркий» и даже «умеренный» мало подходят к климату Марса, который отстоит от Солнца дальше, чем Земля, и поэтому Марс — холодный мир. Марс получает тепла и света в два с четвертью

раза меньше Земли. Если бы атмосфера Марса была подобна земной, то климат Марса был бы настолько же суровее земного, насколько климат Архангельска холоднее климата Цейлона.



Но на самом деле атмосфера Марса непохожа на нашу. Марс окружен весьма разреженной атмосферой, — плотность ее близ самой его поверхности примерно вдвое меньше, чем на наших высочайших горных вершинах. Водяных паров эта атмосфера содержит в двадцать раз меньше, чем земная, а кислорода — примерно вшестеро меньше. Неплотная атмосфера слабо удерживает теплоту, получаемую от Солнца поверхностью Марса, и поэтому средняя температура этой планеты гораздо ниже земной. Даже на экваторе температура в полдень едва поднимается выше 10R, а при восходе и заходе Солнца

падает значительно ниже нуля. Зной наших летних дней на Марсе совершенно. неизвестен. Это мир суровых морозов, сковывающих всю поверхность планеты и превращающих воду в подобие камня.

Перейдем теперь к вопросу об устройстве поверхности Марса. Когда смотришь на Марс невооруженным глазом, он кажется красноватым; вот почему эту планету и назвали в древности именем кровавого бога войны. Однако в сильный телескоп на Марсе можно различить отдельные области разных цветных оттенков. После долгих и терпеливых наблюдений астрономам удалось их зарисовать и таким образом составить «карты» Марса.

Но планетная карта — совсем не то, что мы обычно понимаем под словом «карта». Когда мы рассматриваем карту какой-нибудь страны земного шара, мы хорошо знаем, чему соответствует в натуре то или иное условное обозначение, тот или иной цвет. Ведь географ сначала знакомится со страной, а затем наносит ее на карту. Астроном же поступает иначе: составляя «карту» планеты, он тщательно зарисовывает все, что ему удается заметить в телескоп, и лишь затем начинает строить догадки о том, что собственно

представляет в натуре каждая отмеченная им подробность. Поэтому хотя мы и имеем «карты» Марса, истинное устройство его поверхности далеко еще не ясно для нас. Четыре особенности географии Марса привлекают внимание астронома и требуют объяснений:

1. Белые полярные пятна.
2. Красноватые пространства.
3. Синевато-зеленые участки.
4. Тонкие темные линии, называемые «каналами».

1. Меньше всего споров порождают белые пятна, видимые у полюсов Марса. Когда на северном полушарии планеты зима (т. е. когда оно отвернуто от Солнца), тогда белое пятно разрастается, захватывая иногда почти пятую долю всей поверхности Марса. По мере же наступления там менее сурового времени года полярное пятно уменьшается, оттаивает по краям и в разгаре лета сокращается до наименьших размеров. А к тому времени успевает разрастись такое же белое пятно у противоположного — южного полюса. Эта картина невольно напоминает накопление и таяние полярных снегов у нас на Земле. Без сомнения, белые пятна на Марсе и представляют собой нечто вроде наших полярных снежных

пустынь. Но снежный или ледяной покров на Марсе должен быть очень тонким, иначе слабые лучи Солнца не успевали бы его растопить.

2. Относительно красноватых пятен, занимающих большую часть поверхности Марса и придающих этому светилу его характерный багровый оттенок, также сошлись сейчас почти все астрономы. Это — обширные материковые пустыни. Вот как описал их американский астроном Ловелл: «Поверхность Марса, за исключением дна океанов, превратилась в пустыню. Пять восьмых всей его поверхности представляют собою безводную и бесплодную пустыню, не освежаемую ни влагой, ни облачным покровом и не защищенную никакой тенью… Огненная окраска, от которой Марс получил свое имя, в телескопе оказывается охровым цветом с красными точками. Именно такой цвет имеют пустыни Земли, если рассматривать их с вершины горы… Лишь временами пустыни Марса делаются красными: это единственное изменение, которое мы замечаем в них… Большие охристые пятна на диске являются огромными Сахарами… Обширное протяжение, которое пустыни заняли уже на Марсе, имеет роковое значение. Эти опаловые оттенки, столь прекрасные, когда смотришь на них в телескоп

из нашего далека, говорят об ужасной действительности. Они говорят, что вся планета опоясана огромной пустыней, которая в некоторых местах простирается почти от полюса до полюса...»

Для полноты этой картины необходимо прибавить, что пустыни Марса не знойны, как наша Сахара, а холодны, — настолько холодны, что по вечерам покрываются белым инеем, который исчезает лишь в лучах утреннего солнца.

3. Кроме полярных «шапок» и красноватых материков, на поверхности Марса видны еще темные неправильные пятна зеленоватого оттенка, получившие названия «морей», «океанов», «озер». Об этих морях шведский ученый Аррениус высказывал догадку, что они «уже миллионы лет покрыты ледяной корой в километр толщиною, крепко примерзшей к берегам». Но американский астроном Ловелл, внимательный наблюдатель Марса, утверждал другое: «вид этих областей меняется вместе с временами года: они исчезают в зимние месяцы и темнеют в летние; все происходит так, как если бы там была растительность; все факты говорят в пользу такого предположения».

И мнение Ловелла, по-видимому, ближе к истине. В новейшем учебнике астрономии для

университетов Америки[13] находим утверждение, что такой взгляд «является наиболее разумной гипотезой».

4. Знаменитые «каналы» — самая загадочная подробность на «карте» Марса. Это едва заметные темные тонкие полосы, прорезывающие поверхность планеты по прямым направлениям. В зависимости от времени года иные из этих полос то появляются, то исчезают. Они были открыты в 1877 году итальянским астрономом Скиапарелли. Скиапарелли заметил, что полоски эти прорезывают материки Марса, словно соединяя его темные «моря», и потому он назвал их «canali». По-итальянски «canali» означает и пролив и канал; неточный перевод этого слова на другие языки породил широко распространившееся в публике убеждение, будто астрономы открыли на Марсе искусственно вырытые каналы. Между тем подлинная природа этих образований еще далеко не установлена. Больше того: многие искусные наблюдатели отвергают самое существование геометрически правильной сети «каналов». Почти всюду, где Скиапарелли видел сплошную линию «канала», некоторые современные аст-

[13] Примечания: 13

Рессела, Дэгана и Стюарта. Сочинение это издано также в русском переводе и является одной из лучших книг по астрономии.

рономы различают только ряд пятнышек, хотя пользуются более сильными телескопами, чем телескоп итальянского астронома.

Американский астроном Ловелл, выстроивший для изучения поверхности Марса специальную обсерваторию, открыл на этой планете множество новых каналов, общее число которых на его картах достигает четырехсот. Густой сетью прорезают они не только материки планеты, но даже и его «моря» (по Ловеллу, моря Марса — влажные низменности). «Чем лучше удавалось разглядеть планету, тем явственнее выступала эта замечательная сеть, — писал он. — Точно вуаль покрывает всю поверхность Марса… По-видимому ни одна часть планеты не свободна от этой сети. Линии обрываются, упираясь в полярные пятна. Они имеют форму настолько геометрически правильную, что внушают мысль об искусственном происхождении их… Нельзя, однако, думать, что видимая нами сеть представляет собою самую сеть каналов. Напротив, изменения линий говорят за то, что мы наблюдаем полосы растительности. Но растительность должна питаться водой. То, что мы видим, походит скорее на ежегодный разлив Нила: наблюдатель из мирового пространства не

различил бы реку, слишком узкую, чтобы быть замеченной, но зато разглядел бы зеленеющие поля на ее берегах».

Ловелл был убежденным сторонником того мнения, что на Марсе живут разумные существа. Он полагал, что жизнь этого мира сосредоточилась в так называемых «океанах», которые по мере высыхания планеты превратились во влажные цветущие долины. Сюда-то и переселилось с иссыхающих материков гонимое жаждой Марсово человечество. Превосходные инженеры, жители Марса прорезали великие пустыни своей планеты каналами, чтобы планомерно пользоваться вешними водами тающих полярных снегов. Густою сетью протянулись поперек материков зеленоватые полосы орошаемой почвы, молчаливо возвещая земным астрономам о существовании разумных обитателей в этом далеком мире…

Так думал американский ученый. Но при современных представлениях о климате Марса трудно допустить существование на этой планете правильно действующей оросительной системы. При 30R мороза водяные каналы — сооружение совершенно бесполезное. Что же в таком случае представляют собой наблюдаемые линии?

Многие астрономы склонны считать их обманом зрения. Вспомним, что в самые могущественные телескопы Марс виден не лучше, чем видна Луна в бинокль, увеличивающий всего в пять раз. На фотографических снимках мы видим крошечный диск, мельчайшие детали которого сливаются и создают иллюзию правильно расположенной сети каналов. И недаром английский астроном Маундер утверждал, что «объяснение каналов Марса надо искать в тех 56 миллионах километров, которые отделяют от нас эту планету».

Но что же говорят современные астрономы о жизни на Марсе? Возможно, что там существуют растительные и животные формы, приспособленные к суровым климатическим условиям. Но никаких доказательств наличия там жизни и в частности высших ее проявлений астрономия пока не имеет. Наоборот, гораздо вероятнее, что на Марсе нет высокоорганизованных существ: слишком бедна атмосфера Марса кислородом и влагой.

Обращаясь к обстановке романа «Борьба миров», надо отметить, что посылка снаряда с Марса на Землю была бы предприятием, связанным с огромными техническими трудностями, на возможности преодоления которых Уэллс не

останавливается.[14]

Но даже если бы воображаемые марсиане, преодолев все затруднения, действительно прибыли на Землю, они очутились бы в атмосфере, которая раз в десять-пятнадцать плотнее и в шесть раз богаче кислородом, нежели атмосфера их родной планеты. Едва ли в подобных чуждых и непривычных условиях они могли бы выжить, и не только выжить, но еще начать борьбу с жителями Земли, — действовать так, как описал Уэллс в своем романе.

Я. И. Перельман

[14] Примечания: 14

О том, как современная наука пытается обойти эти трудности, рассказано в моей книге «Межпланетные путешествия».